

УРАЛЬСКИЙ № 8 (598), 2006
Следопыт
РОССИЙСКАЯ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

2006

**БАГРОВОЕ ШОУ
КОРОЛЯ
ЭКЗОТИКИ**

**КОЗЛОКЛЮЧЕНИЯ
БРАВОГО
КАЯКЕРА**

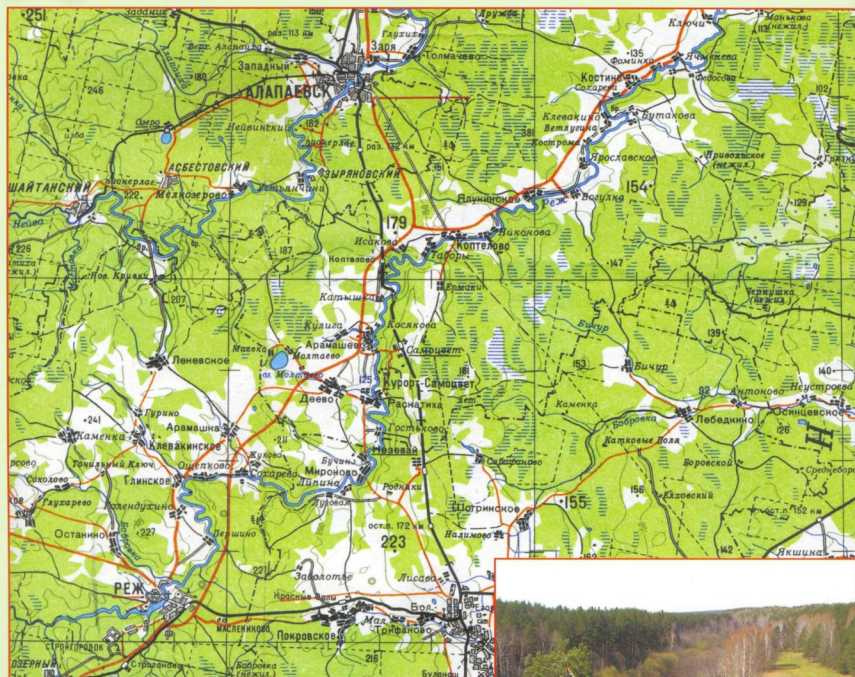
**РАСТОРГУЕВСКАЯ
ЖИЛА**

заповедный камень

Маршруты Уральского следопыта

Статью о путешествии по реке Реж читайте на стр. 50

Главный редактор – Максим Фирсов
Редакторы разделов – Юний Горбунов,
 Елена Минакова,
 Андрей Беспутин
Худ. редактор, верстка – Юлия Ульянова
Художник – Ирина Овсянникова
Набор – Валентина Кадочникова
Корректор – Надежда Челнокова
Фото 1-й полосы обложки –
 Виктор Байдуков

Интернет-версия – Андрей Ключников
Учредитель – общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции
 журнала «Уральский следопыт»
Издатель – ООО «Уральский следопыт»

Редакционный совет –
 Владислав Крапивин,
 Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий,
 Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев,
 Юрий Казарин,
 Станислав Мешавкин
Наблюдательный совет –
 Евгений Виноградский,
 м.с.м.к., «Снежный Барс»
 Евгений Савенко,
 чл. Союза фотохудожников России
 Семен Спектор,
 заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
 при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
 и массовым коммуникациям**
 при поддержке
**Министерства физкультуры, спорта
 и туризма Свердловской области**
 © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.
Тел. редакции:
 (343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 8, 2006
 Издается с 1935 г.,
 возобновлен в 1958 г.

Регистрационное свидетельство № 441,
 выдано 13.12.90 г. Министерством печати
 и массовой информации РСФСР
 ООО «Уральский следопыт»
 обладает исключительным правом
 на логиотип и название журнала.
 Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12
 шт. по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице.
 Каждая страница рукописи должна быть подписана
 автором.
 Обязательно прилагать информацию об авторе; ука-
 зывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
 журнала, корректуру и редакционную правки.
 В первую очередь рассматриваются рукописи, допол-
 ненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).
 Рукописи не возвращаются и не возвращаются.
 При отправлении электронных сообщений
 обязательно заполнять поле ТЕМА.
 Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия
 ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62.
 Подписано к печати 01.08.2006 года
 Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9,66.
 Печать офсетная. Тираж 4500.
 Отпечатано в типографии
 ООО ПЦТ «ЯСА»
 г.Красноуральск, ул. Чкалова, 4
 Заказ № 3556

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ УРАЛЬСКИЙ следопыт

ISSN 0534-241X

август 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Родословная		
В. ДАНИЛОВА	Я из Азигулова	2
Тропой поиска		
Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России	5
П. ФЕДОТОВ	Расторгуевская жила и земельные споры.....	7 5
В. ИЩЕНКО	Паровая машина после Ползунова...	8 0
Далекое-близкое		
А. ПИЧУГИН	Поселок на Черном Истоке	20
В мире прекрасного		
А. АГИБАЛОВ	С Клавдией Шульженко на фирме «Мелодия»	4 0
Занимательная нумизматика		
В. ПУРОНЕН	Забывшие монеты – знакомые слова.....	45
Краеведческая копилка		
Р. КАШИН	Тайна Скачковской горки.....	4 8

АЭЛИТА

Рассказы в одну строчку		
И. ПЛИС	Жизнь собачья	1 0
Фантастика		
А. АРТЕМОВ	Формула времени	2 2
Проекты «Уральского следопыта»		
А. ПАТОКИН	Приглашение к рисованию	4 4
Современная проза		
А. ЩУПОВ	Никто не устоит перед кино	6 2

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Записки очевидца		
В. ЮКЧУБАЕВ	Клюква на болоте	6
Заповедные земли		
А. КВАШНИНА	Заповедник «Денежкин камень»	1 2
В объективе – Урал		
В. БАЙДУКОВ	Денежкин камень	1 8
Маршруты «Уральского следопыта»		
А. СЛЕПУХИН	Режевские путевые заметки	5 0
Человек в экстремале		
Ю. ШИШКИН	Из крайности в крайность	5 6
Путешествие		
Н. ВАСИНА	Адуйский экстрим-2	8 2
Туристские байки		
Н. ЕРОХИН	Глас с неба	8 8

Все товары и услуги, рекламируемые в журнале «Уральский следопыт», имеют необходимые лицензии и сертификаты. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Я из Азигулова...

Каждый человек носит в себе свою Вселенную. Хорошую или плохую — это другой вопрос. Но единственную в своем роде. Она рождается, живет, развивается, стареет и погибает. Создает и уничтожает другие, подобные себе. Соприкасается и взаимодействует с другими. И при этом остается уникальной системой, которой суждено прожить свою судьбу. Маленькая капелка жизни — такая бесценная драгоценность!

Мы не думаем об этом, тратим отпущенное нам время на мелочи. Если же скинуть шелуху суеты и прислушаться к себе...

Мне повезло вдвойне. И тем, что я появилась на свет, и тем, что родилась именно здесь.

Родом я из Башкирии. Мой отец попал в это село уральской глубинки, вернувшись с войны. Он был последним, седьмым, ребенком в большой и бедной семье — и долгожданным мальчиком, остальные все были девочки. Семья жила трудно, родители работали на чужой земле — батрачили, а тут — небывалая засуха 21–22 годов. Мальчику шел восьмой год, когда он остался сиротой: голод и холера унесли вначале его отца, а через месяц — мать. Старшая замужняя сестра забрала к себе брата и он прожил у нее до 15 лет.

Безумие и перевертыши начала XX века — наше старшее поколение испытало все это на себе...

Годы учебы в медресе: арабский алфавит, молитвы хором, строгий мулла и всевидящая, безжалостно наказующая линейка. Однако в дружное хоровое «алла бардыр, алла бердер» (бог есть, бог един) влеталось озорное «алла бардыр, алла юктыр» (бог есть, может, нет) — мальчишки шалят во все времена.

А затем — обычная школа, и какой-то 15-летней мальчишка — учитель в ликбезе. Так родилась мысль об учительстве. Впрочем, она еще не приобрела очертаний, и молодой деревенский парень принимает решение уехать в заманчиво далекий уральский город, там он поступает в политехнический институт. Но голодно и неприветливо в чужом, захваченном социалистической лихорадкой городе, появилась и мучает язва желудка. Юноша возвращается в Уфу, ближе к дому, поступает в учительский институт. Затем — армия и довоенная служба на Дальневосточной границе, а после — снова школа.

Войну отец встретил на Кавказе, куда уехал из-за начавшегося туберкулеза легких. В небольшой

*В воздухе пахло грозой... Год 1940-й.
(Первая любовь моей мамы)*

горной деревушке он работал директором школы. Мужчин в селе в 1941-м поглотила война, а отец — белобилетник из-за туберкулеза — один за всех: и учитель, и директор, и хозяйственник, и тягловая сила — все в одном лице.

Проходит год войны, страна истекает кровью, но продолжает бороться за жизнь и свое будущее. Еле дождавшись окончания учебного года, отец просится на фронт добровольцем.

1942-й год, и вот она, война, рядом.

Восьмидесятикилометровые марши за сутки, засыпающие и падающие на ходу друзья, и наконец — свежие, полные жизненной силы дивизии в траншеях передовой.

Лето, песок в автоматах и на зубах, штыки и гранаты — единственное надежное солдатское оружие. Армия — в глухой и длительной обороне — зарылась в землю, траншеи и окопы привычно обжиты.

Война пророллива — через двадцать дней от дивизии осталось в окопах девятнадцать человек.

Утро начиналось с артобстрела. Артиллерия, и та и другая, хорошо пристрелялись, снаряды падали чуть ли не на головы. Как только затихали разогретые пушки, наши солдаты поднимались в атаку со штыками наперевес. Немцы просто покидали первую линию обороны и бежали. За эти дни ни одного случая рукопашного боя не было, немцы уходили бескровно и дружно. Наши занимали их траншеи — и атака превращалась в торопливую ревизию траншей и карманов убитых немцев. Искали снапс, часы и другие трофеи. Затем инициатива переходила к немецкой артиллерии, которая была прицельно и шквально; и вот, ища спасения в своих оставленных полчаса назад траншеях, — наши опять уходили, теряя убитых и раненых и трофеи. На следующее утро опять все повторялось. Мины привычно завывали. В течение суток обстрел почти не прекращался.

Эти долгие, длиною в жизнь или смерть — двадцать дней — отец и его друг оставались в числе счастличиков.

Их везение закончилось одновременно: было краткое затишье, артиллеристы вдвоем закурили; друг снял на минутку каску, пригладил волосы. Шальная мина прилетела внезапно и неслышно. От взрывной волны отец на миг потерял сознание; а, очнувшись, увидел на земле своего друга будто спящим: он был ранен в голову, из рта вытекала струйка крови, но он еще дышал. Отца самого зацепило осколком в плечо, контузило. Перевязав осторожно голову так и не пришедшего в себя товарища, взвалил его на себя и пополз к полевому госпиталю, который был неподалеку. Возобновился неслышный немецкий артобстрел: в ушах стоял гулкий звон, от потери крови в глазах темнело, и отец приостановился, чтобы отдышаться, в то же время к ним подошли санитары. Они переложили раненого товарища на носилки. Один спросил:

— Ты как, сам-то дойдешь? — Губы его шевелились, но слов отец не расслышал: сказывалась контузия.

— Дойду. — Отец мотнул отяжелевшей головой для убедительности.

Это было легко сказать, но не так легко сделать: оставалось еще довольно далеко до госпиталя, когда осколок еще одной мины беззвучно впился в ногу. Потерявшего много крови, контуженного, его отправили в тыловую госпиталь. Ранения

Выпускники Учительского института. Год 1938-й.
(Мой отец — слева)

были удачные, в мякоть, осколки врачи удалили. Контузия постепенно проходила.

После госпиталя — военное училище радистов, но война уже в параличе, конец ее близок. С туберкулезом и медалью «За отвагу» отца демобилизовали.

Отец вернулся на родину, начал работу в школе. Очаги в легких закальцинировались, чахотка зачала, фронтовик немного окреп. В конце сороковых его отправили работать в школу далекого уральского села, где он и встретил мою будущую маму.

А моя мама родилась в 1914 году в селе Азигулово — в очень тихой уральской глубинке. Жизнь тогда казалась размеренной. Мой дед только что женил взрослого сына, похоронил свою первую жену, погорелав немного да и посватался сам к юной восемнадцатилетней девушке из богатой семьи. Он держал небольшую лавку, имел богатое подворье, нужные были молодые работающие руки.

Первенец в крепкой, тогда говорили — кулацкой — семье. Ее отцу было 41, а ее матери — 19 лет — она была любимицей отца и нелюбимой дочерью матери. Выданная замуж насильно, ее мать свою тоску вымещала на дочери и частенько, шлепая ее за детские провинности, приговаривала:

— Нет, не умерла ведь, горе мое, когда я просила об этом бога.

Жестокость матери? Или несчастье только начинающей жить молодой женщины, судьбу которой решили без нее?

А потом у нее появилось еще трое сыновей, и крохотуля-дочь стала помощницей в большой семье. Надо было и воды натаскать, и полы помыть, и корову пододить — все она делала ловко, сноровисто, несмотря на небольшой росточек.

И вот однажды отец дарит пятилетней дочери на день рождения золотые сережки: пора в школу, надо постигать арабский алфавит, потом — латинский, позже — русский...

Войны, беды начала века обошли эти края стороной, но уже зародившийся призрак социализма прорисовывается все яснее и жестче.

Из бедных семей появляются первые комсомольцы. И слова «работящий, богатый, кулак» становятся ругательными синонимами.

Тревожное ожидание — что же будет дальше? Успокаивает

И снова счастье! Год 1952-й.

только привычная повседневная работа. Но — грянуло! В один из веселых весенних дней двор заполнили голоса уверенных в своей правоте чужаков. За недоимки было распродано все имущество у семьи: два пятистенных дома, мебель, посуда, самовары, коровы и лошади, товары с лавки. Дом приобрела одна из самых комсомолских комсомолок — интересно, чем она заплатила? Идеями? Она прожила в том доме всю жизнь. Удобно жить на грёбне властвующих идей — ловится рыбка без труда из чужого пруда!

В миг не осталось ничего: только то, что было на себе. Ни куска хлеба. Трое пацанов и девушка-подросток на руках у родителей. Вся семья оказалась на улице: враги, и точка.

О том времени осталась скупая запись в архивах: «Галимов Гафи, его жена Вазифа и его дочь Зайтуна лишены избирательных прав, как торговцы». И ничего больше.

Отца, 57-летнего, еще крепкого мужчину, с двумя старшими сыновьями и дочерью отправляют работать за полста километров на лесоповал — там их хотя бы кормят — удастся выжить. Жена с младшим сыном ютится у дальних, более благополучных родственников. Дважды судьба нанесла ей удар: однажды сделала женой нелюбимого, а потом вышвырнула на улицу с четырьмя детьми в голод и холод. А куда идти? Ни земли, ни своего угла, ни еды... Женщина не гнушается никакой работой — идет в люди, получает за изнурительную работу кусок хлеба.

Так прошел самый мучительный год. Летом дочь просит у отца разрешения уехать из села — благо, приехал шахтер-вербовщик и набирает молодежь, а у дочери бывшего кулака здесь нет дома, да и будущего тоже нет. Друзья, провозжая ее, в маленькой неграмотной социалистической справке, исправляют грозное «дочь кулака» — на добродушное, улыбающееся «дочь бедняка».

А социализм строится, социализму нужен уголь. Чем больше, тем лучше. Восемнадцатилетняя девушка — никудышный строитель социализма: заболела сыпным тифом. Два месяца бредя на больничной койке. Жизнь все же победила — очнувшись, бедняга не узнала себя: остриженная наголо, прозрач-

ная — одна душа от нее осталась. А няня, ухаживавшая за больными в палате, обрадованно заулыбалась:

— Ожила, дочка? Мы-то уже и не надеялись.

Выписавшись из больницы, пошатываясь от слабости — какой сейчас из нее шахтер? — девушка собирает узелок с вещичками и возвращается домой. Ее неласково встречает измученная мать с сыновьями (а отец не дожид до возвращения дочери). И опять она бежит от голода — перебирается с двоюродным братом в Магнитогорск. Мать только бессильно машет рукой — авось не пропадет дочка.

Она и не пропала. Опять осваивает профессию — машинист паровоза. В единственном, форменном платье от ФЗУ — она почти ежедневно стирала это платье, сушила на батарее и раскладывала под матрацем, чтобы оно выглядело опрятным. К молодой работнице вернулся ее беззаботный теплый смех, волосы отросли после тифа, почему-то стали кудрявыми и тяжелыми.

Тогда-то пришло к ней ее долгожданное счастье.

Изнанренная обидами своего времени, девушка долго не могла поверить в любовь своего однокурсника. И все-таки молодые поженились и получили свою (!) чудесную комнату в бараке. И работа захватила. Магнитогорск, рабочий город, не оттолкнул.

Обычно сказки заканчиваются одинаково: «они прожили долго и счастливо и умерли в одночасье». Но увы, безжалостный экспериментатор — XX век! Наступил 41-й год. Муж молодой женщины зачислен на ускоренные курсы летного обучения, и через год неоперившихся еще летчиков посадили на легкие истребители и бросили в бой с асами, победившими Европу. Шансов на выживание тогда у бойца почти не было...

Единственное письмо пришло с фронта. Во втором было официальное и чужое: «Ваш муж... во время боевого вылета... пропал без вести»...

Она отказывалась поверить. Годовалый сын ее не перенес воспаления легких — умер еще до войны. А теперь — муж. Она осталась совсем одна. Тяжелейшая депрессия, на грани помешательства, овладела ею. Не могла есть, не могла спать, не могла работать. Сестра мужа, тоже получившая похоронку, проводила ее, полуживую, безвольную, на

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

Б

вокзал, посадила на поезд и отправила в деревню, к матери, которая по-женски пожалела, позвала — вместе легче перенести горе. Мать к тому времени уже была замужем за вдовцом, воспитывала почти взрослых детей. Бедняжка вспоминала: уходя на фронт, ее суженый сказал нежно и настойчиво:

—Что бы ни случилось, жди меня только один год после войны. Если и тогда не вернусь, решай свою судьбу сама.

Кончилась война, прошел год, еще, и еще...

Давно прошли все обещанные сроки...

А она все ждала. Работала в колхозе — на поле, страховым агентом, на маслозаводе — вначале лаборантом, потом мастером. Но вернуться в Магнитогорск, где была так счастлива, не могла. Здесь родной воздух, плеск реки за околицей, молчаливое сочувствие берез, среди которых, кажется, недавно бегала босиком, долгие тихие дожди — и во всем мудрый покой и разнообразие жизни.

Ей было всего двадцать восемь, когда она овдовела. Молоденькая веточка жизни, которую избило-изхлестало непогодой.

Но все в этом мире преходяще, время — всеильно. Выглядывает солнышко — и всему живущему хочется жить.

Тогда и встретились мой отец и моя мать.

Он — высокий, с жестким ежином волос, немного резковатый в движениях и она, миниатюрная, женственная, черноволосая, чернобровая и все еще очень красивая. После войны невест было много — на выбор, на любой вкус. Юные и постарше, незамужние и вдовы, чьих женихов и мужей высылало войной — но отец приметил именно ее. Может, из-за того, что она, как гибкий зеленый росточек, гнула от невзгод, но не ломалась, — за ее слабость и жизнелюбие. За тихий, с грустинкой, смех. За мягкую силу.

Он всегда любил ее, хотя никогда не говорил об этом вслух, и всегда боялся потерять. И она доверилась, после долгого и мучительного одиночества. И тогда в бесконечной вселенной появилась я, ничтожная песчинка и великое утверждение — их жизни.

Все мы принадлежим своему времени.

Повезло моей бабушке-кулачке: она не была расстреляна вместе со своей семьей. Ее только высвирнули на улицу с детьми и немолодым мужем. Как же ей жилось, привыкшей к работе и достатку, когда дети просили милостыню и частенько голодными ложились спать в чужом неприветливом доме?

Повезло и моему отцу — остался жив в кровавой бойне войны...

Они были людьми своего времени, людьми жестокого времени.

Жили во имя того, чтобы могли жить их дети? Вселенные человеческих жизней все продолжают свою бесконечную круговерть...

БЕЛЬГАРД Софья Владимировна (урожд. Менгден; псевд. Баронесса София Менгден; 1854 —?), автор воспоминаний.

Дочь В.М.Менгдена, деятеля крестьян. реформы и баронессы Елизаветы Менгден (см). Обществ. деятельница; член Жен. патриотич. об-ва. Сotr. в Лит. прил. к «Ниве» («Лучи прошлого», 1903, авг.); «Рус. старине» («Отрывки семейной хроники», 1908, апр.).

Масанов; Венгеров. Автобиографии; ИДРДВ. Т.2. Ч.1. № 200.

БЕЛЬСКАЯ А., авт. воспоминаний.

«Очерки институтской жизни былого времени (из воспоминаний старой институтки)» \ \ «Заря». 1870, авг.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БЕЛЬСКАЯ Б.Х.

Переводчица драматич. произведений (1888). Венгеров. Источ.

БЕЛЬСКАЯ Елена, писательница.

Авт. пов. «Казаматовка» \ \ «Рус. речь». 1861. № 76-80.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БЕЛЯВСКАЯ Вера Фотиевна (1900 —?), искусствовед.

Авт. работ: «Росписи русского классицизма» М.-Л., 1940; «Декоративные росписи Тьеполо» (Отт. из журн. «Искусство». 1938. № 2).

РНБ.

БЕЛЯВСКАЯ М., переводчица.

Пер. с нем. «Холевиус: Темы и планы для сочинений». СПб., 1873 (было неск. переизд.)

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БЕЛЯВСКАЯ Мария Михайловна (урожд. Юревич), авт. воспоминаний.

«Воспоминания из жизни в Виленском училище девиц духовного звания за 1863-1869 гг. воспитанницы 2-го выпуска Марии Михайловны Юревич, в замужестве Белявской». \ \ Вестн. Виленского правосл. св.-духовного братства. 1912. № 3. С.55-57; № 11. С.189-190.

ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 3020.

БЕЛЯВСКАЯ О., поэтесса

Авт. стихотв. (1909). В петербургском альманахе «Белые ночи» (СПб., 1907) напеч. ее стихотв. «Белая ночь» («Белой сказочной ночи объятья...»).

Венгеров. Источ.; Голубева.

(Продолжение на стр. 9)

Клюква на болоте

Золотая осень расплескалась по болотным кочкам и затуманенным кедровым мандалам. Высветила яркими зорями и ночным северным сиянием тёмные еловые урманы и светлые сосновые боры. Наливалась соком и багрянцем тугая упругая брусника, а на болотных кочках дозревала ядрёная клюква.

В вечерних сумерках на кромке широко раскинувшегося болота, словно призрак из ниоткуда, появился таёжный великан — сохатый. Без единого звука, — не хрустнет веточка, не шелохнётся и травиночка — чутко втягивая прозрачный воздух, он не шёл, а словно плыл в сгущающихся сумерках. Особенно не таясь, лось медленно продвигался по кромке зыбучего болота. Только уши зверя, настороженно улавливавшие малейший шорох, выдавали его незловонанно-тревожное состояние. Его почему-то не беспокоил отдалённый гул дизелей днём и ночью работающей буровой установки. Вот и сейчас словно ногобогатая ёлка сверкала яркими огоньками на фоне темнеющего неба буровая вышка. Не обращая никакого внимания на несмолкаемый шум далёких машин, лось то исчезал, то появлялся вновь среди сгущающихся теней мелкокося, пока окончательно не скрылся в быстро надвигающихся сумерках.

А в это время на буровой шёл подъём инструмента. Натужно скрипела лебедка, наматывая на барабан толстенный стальной трос, и медленно, метр за метром над ротором буровой площадки поднимались из глубины недр бурильные трубы. Пожалуй, это один из самых ответственных моментов на буровой, когда вся бригада суетится вокруг ротора, принимая и выставляя бурильные трубы на приготовленное место. В это время лишь ночная смена отдыхает. Подъём инструмента — это всегда ответственное дело. Да на буровой вообще-то других и не бывает.

Содрогается от напряжения вся буровая, грохочет и скрежещет железо, заполняя всё пространство вокруг напряженным ритмом тяжёлой работы и несмолкаемым гулом работающих дизелей. И только чуть в стороне стоит притихшая опутанная разноцветными нитями проводов станция газокеротажников. Немного загадочная, а больше непонятная для посторонних людей, которые изредка появляются на буровой (будь то охотник проходящий, рыбак или

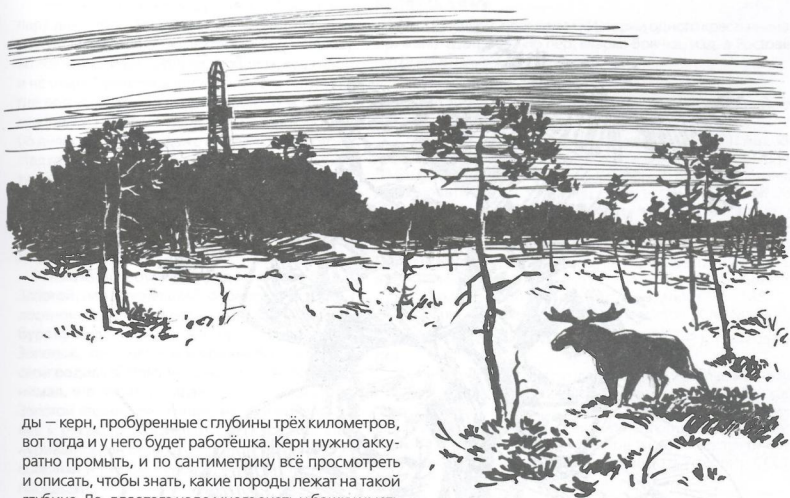
кто другой). Не шумит, не гремит и вообще, зачем она тут обретается? А там, в балке станции идёт своя размеренная жизнь. Чуть слышно гудят компьютеры, голубоватыми экранами светятся мониторы, по которым, извиваясь, струятся ломаные сине-красные линии графиков, понятных лишь одним операторам, следящим за работой всей станции.

С виду вроде и неприметная и в глаза не бросающаяся, а на самом деле очень даже серьёзная работа проводится на станции. Мощные компьютеры принимают и мгновенно обрабатывают кучу разной информации — как работает буровой станок, как крутится на глубине нескольких километров буровая шарошка, вгрызаясь в неподатливые горные породы, по сантиметрику углубляя скважину. Всё видно на этих самых компьютерах, а главное, всё это они запоминают, запоминают и в любой момент всю информацию можно посмотреть. Посмотреть, как, где и что бурилось, даже горные породы, какие и где залегают: не зря же на станции работает геолог. Станция газокеротажников — это глаза и уши бурового мастера, и всех заказчиков. Чуткие приборы и датчики вовремя предупредят буровиков о надвигающейся аварии или другой беде, подстерегающей буровой инструмент на глубине. Подскажут: вот тут нефть, а тут вода и нефти нет, ищите глубже. Не унывайте, будет вам нефть. Не вешайте нос, буровики.

Всё как всегда. Один спит после ночного дежурства, а другой оператор, поглядывая то на один монитор, то на другой, пытается читать какой-то журнал.

Венька по прозвищу Турбобур (кто уж его так окрестил, неизвестно), а попросту Иванов, подавляя зевоту, листая сто раз перечитанный журнальчик, одним глазом посматривает за экранами мониторов, а там ничего нового. Идёт подъём инструмента, датчики чётко прописывают, с какой скоростью трубки поднимаются вверх, кривая высоты крюка мерно чертит на графике положение талевого блока (приспособления, с помощью которого лебёдкой поднимается буровой инструмент на поверхность).

В кубрике для отдыха спит, слегка похрапывая Юрка, напарник Веньки, второй оператор, а заодно и геолог. Пока идёт подъём, делать ему нечего, а вот уж когда он закончится и наверх извлекут горные поро-

ды — керн, пробуренные с глубины трёх километров, вот тогда и у него будет работёшка. Керн нужно аккуратно промывать, и по сантиметрику всё просмотреть и описать, чтобы знать, какие породы лежат на такой глубине. Да, для этого надо много знать и башку иметь большую, хотя у Юрки она и взаправду здоровая, но слегка лысоватая, от великого ума, наверно, и сам он невысокий и кругленький, а спать может по двенадцать часов кряду, ну это, наверно, профессиональное, не каждому это дано. Основная работа у него впереди, вот он и отсыпается, да и погодка не дай бог, задождило — моросит и моросит затяжной дождик. И конца ему не видно. Небо затаило от края и до края серыми тяжёлыми тучами, низко стелящимися над топкими болотами, и всё вокруг занавесило осенними промозглыми дождями.

А мне даже ничего, нравится работать в ночную смену. Во-первых, никто не мешает, не лазит попусту на станцию, не докучает ненужными вопросами, всё крутится тип-топ, датчики работают без сбоев. Что ещё нужно? Вот и мысли бегут сами по себе. Вахта только началась, а впереди ещё целых два месяца, два месяца работы на скважине. Вот клюква налилась, поспела. Да только дожди никак не дают побродить по моховым болотам, пособирать болотную ягоду. Шибко уж мне нравится ползать вокруг кочек, выбирая ягоду покрупнее да поядрёнее. А домой когда привожу, как маманя радуется! Большая она у меня любительница клюквы, морсов там разных, компотов. Специально банки всякие готовит, как будто знает, что непременно клюквы ей привезу. Может, поэтому и люблю я ночные дежурства: день-то мой, что хочу, то и делаю. Хочу — сплю, хочу вот и за клюковкой могу смотаться. А ещё благодать, если речка рядом. Тогда можно с удочкой на берегу посидеть. Да и рыбка лишней не бывает, пожарить можно или ушучи сварганить. В столовой хоть и

вкусно готовят и сытно, но иногда хочется чего-то своего, домашнего.

И вот как-то вспомнилось мне, весной это было, так же среди болота, на небольшой кочке встретил я лосёнка махонького, всего-то дня два от роду. Как остался он один среди болот, непонятно. Дрожащий, испуганный и совсем одиошёнький. Где мамаша? Как она его оставила? Или от зверя какого уходила, уведила его от своего детеныша, или иная беда с ней приключилась, но не вернулась она к своему лосенку. Ещё день-два и погиб бы он от голода, ничто бы его не спасло.

Пришлось возвращаться на буровую и звать ребят на помощь. Вот так вчетвером на самодельных носилках и доставили мы бедолагу прямо в столовую. Там в ту пору молоко было и сгущённое, и концентрированное и ещё какое-то. И так, и сяк пытались мы его накормить, напоить. А он не ест, зараза, ни из блюдечка, ни из соски. Ну никак. Что мы только не пробовали, а он хоть бы хны. Жаль стало лосенка, помрёт ведь. Уже ближе к вечеру в столовую завязился дед Афанасий, местный охотник. Недалеко от буровой промышляет. Мимо, видать, проходил, вот и заглянул на огонёк.

— Где это вы нашли такое сокровище? Как это он, брошенный, что ли? А где маманя евонная? Неужели один обрелся? Кроха ещё совсем, дён два ему от роду.

— На болоте, на кочке я его нашёл. А мамани рядом не было. Не бросать же его, пропадёт в одночасье. Или зверюга какая подберёт. Вот только не хочет он у нас даже молоко пить, — говорю Афанасию, пытаюсь закинуть лосёнку соску с молоком. — Не ест и всё тут.

— Он у вас и не будет так есть. Для всего понятия должно быть. А вы и не знаете даже, лось-то не умеет пить лежа. Жевать листочки ещё куда ни шло, а вот пить — это ни в какую. Лучше попробуйте приподнять его на ножки, тогда и увидите.

И правда, стоило поставить лосёнка на ножки, как он сам потянулся к бутылочке с молоком. Присосался к бутылочке и тянул взахлёб, причмокивая и покрхтывая, пока не вытянул её целиком. Мы тут же подали ему вторую, он и её высосал, а потом как-то весь обмяк и осел на подогнувшихся ножках. Утомился, видно. Глазки у него закрылись. Уснул.

Вся бригада в этот момент облегченно вздохнула: будет жить, коли есть начал.

— Вот такая арифметика получается, — сказал дед Афанасий и исчез в весенних сумерках.

Лосёнок наш и вправду выжил. И уже через пару дней топтал своими копытцами по столовой, засовывая свою любопытную мордочку во все чашки и кастрюльки, в общем, куда надо и не надо. Пришлось переселять его на улицу, где под лохматым кедром для него устроили лежанку из елового лапника. Лосёнок рос не по дням, а по часам, даже на кличку «Золотой» стал отзываться. Крикнешь, бывало, а он тут как тут, тыкается своей мордочкой в руки. Знает, что всегда его ждёт сухарик с солью или горбушка черныга, так же хорошо присыпанная солью, до которой так охочи не только лоси, олени, но даже и коровы.

Пока стояла буровая, рядом всегда был и Золотой, повзрослевший, окрепший молодой лосёнок. А когда бригада улетала на новую буровую, всем было жалко расставаться с Золотым, так к нему все привыкли, как будто свой родимый помбур. Он, похоже, тоже понимал, что люди покидают его. С самого утра Золотой ходил притихший, не заигрывал и не лез к рукам за любимыми сухариками. По-нурившись, он стоял в сторонке, наблюдая за сборами и суетой буровиков на вертолётной площадке.

Взвихрив и примяв траву и кусты, присела на ненадёжную болотную почву вертушка. Приняв на борт людей с их нехитрыми пожитками, она с трудом оторвалась от земли и, сделав прощальный круг над буровой, взяла курс на новый участок.

Долго ещё вся бригада наблюдала за одинокой поникшей фигурой повзрослевшего лося, пока она не стала неразличимой среди заболоченного кустарника...

Вот какая история припомнилась мне в поздний дождливый осенний вечер. Пройдет и сегодняшнее ночное дежурство, как и многие предыдущие. Лишь бы все датчики работали, не барахлили. Так не хочется выходить в такую сыляк и лизать по нарочу отсыревшей буровой, проклиная всё и вся на свете. Так хочется думать: пусть всё будет хорошо, пусть спокойно спит Юрка и видит свои расчудесные сны. Пройдут дожди, и с севера налетят холода, задуют ветрюганы со снегом и пургой. Скоро, совсем скоро ударят первые заморозки, а там, глядишь, вот и она, зима-зима.

А клюква... А что клюква? Кто в эту пору лезит по болотам? Вот закончится вахта, поеду домой, а там по дороге зайду на рынок да и куплю целый мешок. Припру домой, вот будет мама радёхонька. А что, так наверно и сделаю: клюква, она и в Африке клюква. Компоты или морсы с любой ягоды хороши. Что я, не на Севере в ГТИ работаю? Могу же позволить себе хоть какие-то радости. А клюква на болоте, пусть её черти собирают в такую погоду.

БЕЛЯВСКАЯ Ю.

Авт. популярн. переделки «Истории одного крестьянина» Эркмана-Шатриана по пер. Марко Вовчка, изд. в Ростове-на-Дону в 1905 г.
Венгеров. Источ.

БЕЛЯЕВА Анна (в замуж. Михайлова; псевд. Михайлова), дет. писательница.

Сотр. журн. «Воспитание и обучение» (1877). Авт. кн. для детей: «Подарок моим племянникам». В 3-х чч. СПб., 1856-58 - рец.: «Отч. зап.». 1857. № 8; «Золотая книжка для юноши» СПб., 1856 - рец.: «Кн. вестн.». 1861. № 23; «Подарок Маше» СПб., 1856 - рец.: «Журнал для воспит.». 1857. № 8. С. 191-195; «Вторая книжечка Маши» СПб., 1856 - рец. Ф. Толля в кн. «Наша детская литература»; «Карьера Петрушки, ком.» Елисаветполь, 1914; «Повести, анекдоты и нравственный календарь для детей». СПб., 1857; «Повести и рассказы для детей, начинающих читать». СПб., 1857.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Сл.; Масанов.

БЕЛЯЕВА Елизавета Ивановна (1894 —?), палеозоолог.

Авт. работ: «Атлас руководящих форм ископаемых фаун СССР» Т. 13. М., 1949; «*Elephas Trogontheri Pohl* Таманского полуострова». Л., 1925; «Материалы к характеристике верхнетретичной фауны млекопитающих Северо-Зап. Монголии» М.-Л., 1937; «Местонахождение третичных наземных ископаемых млекопитающих на террит. СССР» (в соавт. с А.А.Борисьяком). М.-Л., 1948.
РНБ.

БЕЛЯЕВА Елизавета Михайловна (в первом браке Фишер, во втором — Спиридонова; 1894 —?), журналистка.

Сотрудница русских газет в Аргентине и Бразилии; медсестра во время первой мировой войны. М.б. о ней упом. Дон-Аминадо в кн. «Поезд на третьем пути» (См. «Русский Париж». С. 116-117).

Личные архивные фонды. Т.З.

БЕЛЯЕВА Лидия Александровна (псевд. Лидина), писательница, драматург.

«Незримые слезы: Рассказы и картинки» М., 1913; «Госпожа-адвокат», ком. [1907].

Масанов; Указ. заглавий.; РНБ.

БЕЛЯЕВА Л.П., поэтесса.

Сотр. «Вестн. Европы» (1895). Ее стихи - в сб. «Крым в русской поэзии». Симферополь, 1897; изд. 2-е. Симферополь, 1902.

Венгеров. Источ.; Смирнов-Сокольский; Розанов.

БЕЛЯЕВА Люцелла Дмитриевна (1883 —?)

«Русское бисерное шитье» Пг., 1923.
РНБ.

БЕЛЯВСКАЯ Ольга Александровна, дет. писательница 1890-1900 гг.

Авт. кн.: «Золотой поясок»; Стихи. М., 1914. Уч. в «Женском сб. в пользу Ялтинского попечительства» (1915).

Венгеров, Источ.

БЕЛЯВСКАЯ Ю.А.

Авт. попул. географических брошюр (1904), напр. «Англия». С 12 рис. Нижний Новгород, 1904; Сотр. в журн. «Учитель» (1907).

Венгеров, Источ.

(Продолжение на стр. 11)

Жизнь собачья

1. Работа

Я привыкла к «приличной» жизни: летела на Ту-154 до Нью-Йорка, впервые в жизни, в салоне «эконом»-класса. Это было 3 мая 1992 года. В чужой стране меня ждали в гости сын с женой и годовалым внуком. Мы летели 12 часов (с посадками в Ирландии и Канаде). Рядом в кресле сидел длинноногий (ему было явно неудобно) угрюмый дядька. Тульский оружейник, направлявшийся в командировку.

Дядька не любил яблок, а я — пирожных. При каждом «кормлении» мы обменивались с ним десертом, и вот что из этого вышло.

Перед приземлением в аэропорту все пассажиры заполнили декларацию с перечнем того, чего мы не везем в страну (касательно того, что запрещено, в частности — продуктов). Декларации передали стюардессе, затем она отправила их на паспортный контроль (в зале прибытия — по нашему)...

Убитая жизнерадостным видом американцев с соседнего (внутреннего) рейса, одетых в светлые шорты, пестрые майки и легкие кроссовки, независимо от пола и возраста, и в ужасе от своего черного плащика и красных туфель на каблуках, грустила я в ожидании чемодана, как везде, транспортируемого для прибывших пассажиров на круглой «вертушке». Моя дорожная сумка стояла в сторонке на полу. От печального сопоставления нашей и «их» психологии оторвал очень симпатичный румяный молодой полицейский. Он извинился (sorry, miss) и спросил о том, не провозю ли я в ручной клади чего запрещенного, — на чистом английском языке. На чистом же, на ломаном, я гордо ответила отрицательно. Тогда любезный полицейский попросил меня обернуться. Там, куда он показал, рядом с моей спортивной сумкой с виноватыми глазами сидел пес. Эта порода называется, кажется, бассет: прекрасные, шикарные длинные уши чуть ли не до пола и большущие добрые глаза. Они дали мне понять, что обманула все-таки страну...

О, конечно! Я забыла, что в сумке сверху лежит (и, вероятно, прекрасно пахнет) огромное зеленое яблоко — последний подаренный оружейником в самолете десерт!

Оба парня (человеческий и собачий) были смущены не меньше меня... Видя мои пылающие от

стыда щеки, полицейский попросил расстегнуть сумку, где оно, замечательное, и лежало прямо перед нашими глазами!

Яблоко осталось на стойке в багажном отделении, а оба симпатичных служащих (человек и пес) улыбнулись и пожелали мне удачи: «Гуд лак!» — так это звучит в транскрипции. Один помахал приветливо рукой, другой — хвостом. Что же, такая работа.

2. Жизнь

Доверчивость в нашей жизни — это умение не озлобляться. Хотя поводов для этого у всех хватает — и у людей, и у животных. Речь пойдет о доверчивости и верности.

У нас в семье во времена моего детства был пес — немецкая овчарка, как тогда говорили. Мы родились с ним в один год и в один день. И в один день попали домой — я из роддома с матерью, его же забрали к нам — от матери. С тех пор он стал Дозором. Темно-серый, среднего роста, с коричневыми глазами. Сознательные воспоминания отношу ко времени «после войны». Дозор был друг, не злой, но справедливый. Он был участником всех наших с младшей сестрой шалостей и игр. С радостным визгом носился зимой, запряженный в наши санки с Галиным плюшевым голубым капором на голове, или гнался за зеленым помидором, проткнутым куриным пером и подброшенным вверх, или, счастливо повизгивая, бежал встречать идущих с работы родителей...

Я часто засыпала у его теплого живота на полу у русской печки в ожидании родителей с работы. Они работали, казалось, день и ночь. Иногда сквозь сон, «угретая» Дозоровым теплом, ощущала себя на папиных руках — меня, одетую, он нес на кровать... Родители рассказывали, как Дозор порой охранял меня, не умеющую еще ходить, когда «добиралась» до его миски с едой (если проглядят, конечно).

Дозор спас нашу семью дважды. Весной 1946 года мы в теплушке со всем имуществом медленно передвигались из Новосибирской (тогда) области на восток, в Читинскую. И в ожидании, когда наш вагон «прицепят» в конец состава, идущего в нужном направлении, подолгу стояли на железнодорожных

Ирма Плис родилась в Абакане (Красноярский край) в 1938 году в семье горного инженера. В 1960 году окончила Свердловский горный институт и стала профессиональным инженером-шахтостроителем. По распределению оказалась в Ангарске. Строила стратегические сооружения в степях Казахстана. Однако по приглашению коллег вернулась на Урал: работала Озерске, Новоуральске. В свои 60 лет, случайно, пришла в журналистику: публиковалась в газетах, на телевидении (в ее личном архиве — фильмы, очерки о православии). Живет в Асбесте.

тупиках. Однажды ночью на наш вагон в тупике напали бандиты (цель была известна — убийство, ограбление). И только громкий тревожный лай Дозора, привлечший охрану станции, как потом сказали отцу, спас нам жизни.

В другой раз, это было в начале 1947 года, когда родители работали на руднике недалеко от станции Шилка в Читинской области, мы — мать и две девочки — чуть не погибли от угарного газа. Зимой, натопив печку, мать рано, как тогда говорили, закрыла «вышку». Отец был в командировке. Мы уже очень крепко уснули, надышавшись «угара». Дозор запрывивал к матери на кровать, царапал ее когтями, чтобы разбудить. Затем стащил с кровати и буквально приволок к двери. Дверь была закрыта изнутри на крюк. С лаем и криком он пытался вынуть крюк из петли. Удом проснулась мать (от холода на полу, как она сказала), выползла на заснеженное крыльцо, позвала на помощь...

Дозор погиб от рук злых людей, когда нам с ним было по 9 лет.

Он был предан нашей семье и нежно любим, гибель его мы все очень тяжело переживали. Я помню до сих пор его коричневые глаза и «брови домиком», когда он, положив голову на передние лапы, лежал, заботливо наблюдая за нами, еще «мелкими», охраняя...

Такая вот жизнь.

3.Обида

Счастье, равно как и несчастье, приходит неожиданно. Наверное, он прежде был счастлив, этот большой черный пес — дворняга (судя по всему «облично»), красивый, со «следами породистой наследственности». Одно ухо стояло, хвост — не короткий и не длинный, но не «бубликом». Я встретила его на тропинке через большую лужайку между Церковью (что напротив автовокзала), жилыми домами и школой № 9 — у нас, в Асбесте, примерно месяц назад.

Проходя мимо одного из домов, краем уха услышала, как бабульки на лавочке говорят о ком-то: «Дак он уж так три дня... сперва-то дед помер, а теперь вот через год — его супруга», — сказала одна. «Он и убивается, — сказала другая, — сначала все в подъезде горевал, теперь вот прогнали, он — на улице».

Мы встретились на тропинке. Поначалу не связала услышанные разговоры с их героем. Он стоял ко мне спиной, запрокидывал голову и издавал лай-стон! С короткими интервалами. Решив, что пес голодный, положила перед ним что было — кусок батона. Понюхал сперва этот кусок, затем не поднимая головы, — мою обувь, потом так же, чуть подняв нос, понюхал подол длинной юбки и отвернулся... С тем же стоном. Даже с более жутким, что говорило мне: «Не ты, не ты!» Пыталась погладить, поговорить, позвать с собой — все напрасно! Темные с кровавыми прожилками глаза смотрели куда-то мимо...

Понять и простить — говорится людьми в случае обиды. Голос собаки был полон страстной мольбы понять (как несправедливо — остаться ему одиноким!). Ну, а простить — не мог, он ведь не человек, он не понял, что это все-таки не измена, не предательство ушедших из его жизни людей. Это потеря.

В тот же день Пес куда-то ушел, а у меня осталось чувство вины перед ним.

Такая обида. Такая собачья жизнь.

БЕЛЯКОВА Елизавета, авт. воспоминаний.

Учительница в селе Соболевское Свяяжско-го уезда Казанской губ. «Два строителя церкви: (К годичному поминанию)». — Известия по Казанской епархии, 1908. № 24. С. 723-730. «Впечатления в православном храме до обращения и по обращении в православие: (Рассказ обратившейся из старообрядчества) Елизаветы Беляковой» || Миссионерское обозрение. 1901. № 4. С. 533-535.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 4150.

БЕЛЯКОВА Татьяна

Авт. кн. «Поэмы». Брюссель, 1936. Алексеев. А.Д.

БЕЛЯНИНОВА Александра Петровна.

Препод. математики выс. курс. Лесгафта и Бестужа курсов. Венгеров. Источ.

БЕМ Елизавета Меркурьевна (урожд. Ендаурова; 1843 — 1914), авт. воспоминаний.

Художница-график. Ученица И.М.Крамского. Была талантливым илл. книг для самых маленьких. Рисунки выполняла в силуэтной манере. Много раз переизд. ее илл. к народным сказкам. Авт. кн.: «Пословицы в силуэтах». СПб., 1884 — Рец. в «Рус. мысли». 1885. № 6; «Мороз - красной нос: шесть картинок, сочинила и рисовала Елизавета Бем». СПб., 1872 — рец. «СПб. вед.», 1872. № 153; «Силуэты из жизни детей». СПб., 1875; «Из деревенских воспоминаний: Силуэты». СПб., 1882; «Типы из «Записок охотника» И.С.Тургенева в силуэтах». СПб., 1883. Авт. воспоминаний «Мое знакомство с В.В.Стасовым». — В кн.: «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову» СПб., 1908. С.59-61 с илл. Авт. «Воспоминания (Записки по ее рассказам)» \\ Летописи. Гос. лит. музей. 1948. Кн. 12. Т.2. С.373-376. Сotr. в журн. «Свободное воспит.». О ней: Лаврентьева С. Друг детей. — «Рус. старина». 1911. № 3. С.485-500 (в тексте — запись воспоминаний Б.). Она же. Жрица чистого искусства. — «Рус. старина». 1914. № 9. С.486; Некролог — «Ист. вестн.». 1914. № 9.

Слов. рус. писателей; ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 5986; Т.5. Ч.1. № 360; Ч.2. Ук. им.; «Книга» Сб. XXVI. М., 1973. С.163; Личные архивные фонды. Т. 3.

БЕМ Ирина

Была членом литературного объединения молодых русских поэтов в Праге «Скит» («Скит поэтов») (1922-1940), бессменным руководителем которого был литературовед и переводчик А.Л.Бем. Выступала на собраниях «Скита» с чтением своих стихов (наприм., «Петербург»).

Периодика...

(Продолжение на стр. 39)

Анна КВАШНИНА,
фото Виктора БАЙДУКОВА

Заповедник «Денежкин Камень»

«Диалог у печки»

— Ты куда — в поход? Возьми меня с собой. Я один раз ходила в поход — на Светлое.

— Нет, я не могу тебя взять. Я не в поход иду. Я собираюсь в поле. Ненадолго — дней на пять.

— И ты пять дней по полю будешь ходить?

— Смешная ты. Нет, конечно. Это так называется. Я иду работать в лесу. Когда, например, геологи, топографы или мы, биологи, работаем не в конторе.

— А куда ты идешь?

— На Денежкин. Я ведь работаю в заповеднике.

— А, я слышала. Там зверей разводят, кормят, да? Возьми меня, я хочу белочку покормить, лосенка погладить.

— Зверей разводят и кормят в зоопарке. Это ты перепутала. В заповеднике охраняют всё, что там растёт, бегаёт и просто лежит. Камни, землю, воздух, воду, лес, червяков всяких, мух... И, конечно, птиц и зверей. А людей туда не пускают. Я не могу тебя взять. Ну? что надулась. Не обижайся. Ты все равно со мною будешь. Вот тут — в этом кармашке. Я буду о тебе думать и с тобой на все смотреть.

— А почему людей туда не пускают? Ну, там, охотников — понятно. А просто ходить почему нельзя? Я ничего срывать не стану...

— Ты говорила, что была на Светлом. Там люди не охотятся, просто отдыхают. Вспомни, сколько там загубленных деревьев. Вспомни, как мы с тобой там банки убрали. Помнишь, как ты расстроилась, увидев букет горлицы... Он валялся в луже... Растоптаный. Человек везде оставляет след. И не след даже. Он изменяет среду обитания. Это его черта. Мы изменили наш мир настолько, что забыли, какой он без нас. Ведь леса, луга, горы — как организмы. Мы не знаем уже, как живут эти организмы без нашего вмешательства. Многие природные системы разрушились настолько, что их уже не восстановить. Как виды животных сохраняют в зоопарках, так природные системы сохраняют в заповедниках. И не только сохраняют, но еще и изучают, как они работают.

— Ну и что это там изучают? Что там может делать-ся, если там людей нету?

— Вот видишь — и ты забыла, что в Природе мы не главные. Вот попробуй сама мне сказать, что в природе происходит такого, что от нас не зависит.

— Ну — зима настаёт. Снег, холодно... А в лесу всё умирает.

— А вот и не умирает. Всё-всё о жизни зверей можно прочитать на снегу. Где спал, на кого охотился,

от кого прятался. Еще зимой мы считаем всех наших зверей, кроме медведя. Все наши работники проходят по определенным маршрутам и наносят на карту все встреченные следы.

— А весной что вы делаете? Кругом ведь лужи, грязно.

— Про весну вообще всего не расскажешь! Столько всего происходит! Надо записать, когда почки на деревьях набухли, когда распустились. Когда зацвела мать-и-мачеха на ручьях. А реки! Ты бы видела, что весной вытворяют реки! Весной каждый день лес новый. Знаешь, я весной всегда боюсь пропустить что-нибудь в лесу. Не заметить, не успеть..... А лето — горячая пора для ботаников. Надо замерить листья, цветки и стебли у растений на площадках по редким видам. Осенью орнитологу надо посчитать птиц — глухарей, тетеревов. В общем — круглый год полно дел.

— А кто еще работает в заповеднике?

— У нас работают научные сотрудники и лесники. И нас даже трудно разделить, потому что и те и другие — и охраняют и наблюдают. Конечно, лесники лучше умеют охранять, а мы — наблюдать. А еще работают ученые из разных институтов.

— А что вы потом со всем этим делаете?

— Каждый год заповедник составляет книгу, которая называется Летопись природы. В нее заносятся все сведения. Характеристика погоды, численность зверей, все необычные явления. А еще мы изучаем длительные процессы. Например, как постепенно каменистые россыпи в горах зарастают лесом. Как изменяются долины рек. И это тоже описано в Летописи.

— ...А почему вот у нас заповедник? Сделали бы его где-нибудь еще...

— Во-первых, здесь сохранилась первобитная тайга. Во-вторых, мы находимся на стыке двух континентов — Европы и Азии. Здесь встречаются северная тайга со средней. А в-третьих — заповедник существовал тут раньше — с 46 по 61 год. В трудные для заповедной системы времена его закрыли.

— А что это за заповедная система?

— В России — 100 заповедников. Они созданы во всех природных районах страны. И все делают Летопись, все собирают одинаковые данные. Так что мы не одни такие.

— А вот если ты медведя в лесу встретишь... Что ты тогда делать будешь?

— Медведи — звери осторожные. Чаше не хотят встречаться с человеком. Надо дать ему возможность спокойно уйти. Я стараюсь помнить, что это его дом, что я у него в гостях. На самом деле встретить животное в лесу — большая редкость. Я, например, видела медведя в лесу всего шесть раз за десять лет.

— Ну и как же можно что-нибудь о медведе узнать за шесть раз?

— Надо просто уметь читать лес. Ведь не только человек оставляет следы... Развороченный муравейник, разрытые корешки, следы когтей на пихте, след в высокой траве, отпечаток лапы в луже, поломанные

ветки черемухи — всё расскажет о жизни медведя. Ты и сама можешь попробовать — выйди за поселок и посмотри на землю, на деревья. Помщи разные отметинки. Ты увидишь, что сделал в лесу человек, ветер, муравей... Конечно, нужно много знать — прежде всего, кто оставляет какие следы. Чем питаются животные.

— А как я всё это узнаю?

— Читай книги про лес, про природу. Заканчивай школу, поступай на биологический факультет куда-нибудь. Учись. А потом все равно непрерывно нужно учиться у леса. Никогда не узнаешь всего. Просто будешь узнавать все больше и больше.

— И тогда ты меня возьмешь с собой?

— Я же сказала — ты и так всегда со мной. В карманчике. А для того, чтобы работать в заповеднике, тебе нужно понять одну очень важную вещь.

— Какую?

— Что можно радоваться не тому, что сходилась на Денежники, а тому, что там никого нет. Что можно любить горы и лес, не бывая там. Что Природа имеет право быть предоставлена самой себе.

Взвѐм

Есть в местном словаре такое слово — «взѐм». Это как идѐтся зимой на лыжах по снегу. Лыжи у меня короткие и поросшие мехом снизу. Так им теплее, а мне в горку идти легче. От этого меха, а ещѐ того, что лыжи терпят со мною все невзгоды пути, они становятся живыми. Когда появляются новые лыжи, им говоришь — «здравствуйте, лыжи», и всё. Больше ничего не надо лыжам говорить. Эту у меня появились 5 лет назад. Они короткие, с меня ростом, широкие — в полторы моих ладонь и мех у них олений. Лыжи эти ленивые немножко и очень терпеливые. На них никак не побегаете. Можно только идти — чоп-чоп, чоп-чоп. А до этого у меня были лыжи с лошадиным мехом. Они были совсем другие. Быстрые, скользкие. Когда не очень холодно и не очень тепло — за ними не угнаться. Вниз под горку летят, как ошалелые. Летят — и кидают меня прямо в снег. А снегу — почти метр. И меня тоже — почти метр. Хорошо в снегу. Вылезать долго. Я тоскую по быстрым своим лыжам. Но, видно, в этих лесах роднее оленные.

Взѐм зависит от состояния снега. От того, как проваливается и вытаскивается нога. Если почти не проваливаешься, то взѐм хороший. А бывает так, что проваливаешься, но вытащить ногу легко — снег не вязкий. Тогда взѐм ещѐ ничего. А вот когда и не вытащить ногу и не поставить легко — тогда плохо дело — нету взѐма. А ты как непугѐтый мешишь одно место ногами и не двигаешься совсем.

Чтобы легче шлось, идти надо вдвоѐм. То один, то другой топчет лыжно. Правда, от меня в этом никакого толку, я иду — не проваливаюсь почти. Тому, кто идѐт сзади, всё равно приходится по новой лыжно делать. Даже когда идти легко, больше трѐх километров в час по целине не сделать.

Когда идѐшь вверх, лыжи ставишь часто и быстро-быстро переступаешь. Совсем не как на деревянных,

когда надо лыжу в снег впечатать, чтобы не съехать вниз. На шерстяной лыже надо успеть не съехать, пока снег внизу не поехал вместе с лыжей. Конечно, легче, чем на беговых, но не слишком — весит-то каждая лыжа порядочно! Да и ботинок килограмма в два! Тяжело в гору. Лезешь... А наверху — награда! Все веточки и иголочки в кухте, в инее то есть. Если ветра нет. А если ещё солнце...

Когда становишься вскипятил чаю, лыжу можно снять и перевернуть и сесть на неё. И чашку поставить, чтобы не провалилась в снег. Только сильно разогреть лыжу нельзя — снег будет липнуть. Тут нельзя простыть — ведь мокрый, хоть выжимай. И всё равно с чаем хорошо. Если весь день идёшь — то обязательно чаю скипятить надо. Иначе после трёх-четырёх часов переключаешься на «ближний свет» и ничего не видишь. Видишь, но всё равно делается. И не пойдёшь разбираться — куница след оставила или белка прыгала. А зайцев не запишешь. И не заметишь, с какого расстояния вспорхнула тетёрка. И не остановишься снег потрогать на следу россомахи. И все топтания тогда насмарку.

Не надо в лесу топтаться.

Ночь

Мы шли троём по «Большому» маршруту в дикарьские учёты. В первый день мы не смогли дойти до Медевьевой избушки и ночевали в ключевой — поздно выехали, как всегда. Да и взъём был плохой. Следов было не очень много, на Шегультане — след россомахи. Вторую ночь ночевали в новой избушке на хребте. К хребту подходили в темноте. Особенно тяжело шло Косте — он самый тяжёлый. Снега под хребтом — больше метра. Следы уже записывать не получалось — темно. Еле-еле нашли избу — снегом занесло почти под крышу. Откопали. На хребте дров мало — все деревья не больше полутора метров высотой. Да и новая изба дышала ещё влагой и с крыши капало. Всё равно дом. Избушку построили этим летом специально для зимних учётов и для пионов. Рядом с избушкой — площадка, где летом меряем пионы. На хребте почти всегда дождь, и Ольге трудно было в палатке, потому что у неё всегда гербарий.

Третий день шли по хребту. Хребет широкий, почти ровный. От сильного ветра на самых высоких местах камни голые. А во впадинках ёлки замело почти по самые макушки. Ёлки на хребте особенные. Для их небольшого росточка ветки у них нормальной длины, поэтому они сильно расклеванные. И ветки густые, поэтому под ветками — целые вигвамы. Наверное, там можно хорошо укрыться даже на ночь. По хребту идти хорошо, только ветер сильный. Следы сразу переметает. В понижениях всегда встречаются следы горностая, наверное, и имя у него такое из-за того, что он всё по хребтам скачет. И зайцы здесь, и куропатки. Дошли до спуска, здесь хребет расширяется и спускается к реке Кутим. Здесь надо попасть в просеку. Это всегда трудно, особенно зимой. Деревьев не очень много сначала. Они маленького роста, залеплены снегом — затёсок не видно.

Мы расплозаемся по склону — двое идут впереди и ищут затёски, третий пытается держать направление. И как-то бестолково мы рыскали, обходили все деревья, но направление не взяли толком. Обычно Костя всегда с компасом — а тут — «бывальщина», видно, попутала — без компаса. Нашли какие-то затёски, но после некоторого времени они кончились, и оказалось, что идём мы на запад вместо того, чтобы двигаться на юг. Нас обманул бывший капканный путик. Здесь раньше куницу ловили. Сейчас в этом районе заповедника следов куницы больше всего. Лес здесь первобытный, темновойный. Настоящий. Деревья огромные, влажно, летом травища до подбородка.

Вот и попались мы — на склоне Уральского хребта, промахнувшись мимо просеки, которая должна была нас вывести к избе. Вышли на какую-то просеку юг-восток. Начало смерчало — день в декабре короткий, в пять часов уже совсем темно. О том, чтобы выходить к избе рече уже не было — в темноте не видно затёсок. Остановились на ночлег. Мужчины стали готовить большое кострище, чтобы тепла на всю ночь хватало, а я пошла на запад по просеке поискать кварталный столб, определиться, где мы. Нашла столб, оказалось, что мы свалились на восток и ушли от избы на семь километров. Вернулись к костру. Нашли старую лежащую кедрину и около неё сделали низкий костёр. Сидели на лапнике. Лучше всех устроилась Кумба, овчарка наша — свернулась клубочком и спала. А мы поворачивались к огню разными боками, чтобы не замёрзнуть и не пережариться, топтались, грели чай и что-то варили. И всё рассказывали всякие истории — чтобы не засыпать. Над нами стояли толстые кедровые. Я ночевала раньше в лесу зимой, под небом, но под такими кедрками — ни разу. Я так благодарна тому, что нас запутало, за эту ночёвку!

Болото

Февраль. На Шарпу тропили рысь. На вырубке потеряли след. Рысь всё петляла, тропить её — сущее издевательство. Она всё время ходит то по брёвнам, то под кустами. Чтобы тропить рысь, легче быть рысью. Или россомахой. Мы однажды шли и думали: кто шёл — рысь или россомаха. Следы у них похожи, а манера ходить — нет. И никак не могли разобрать. Оказалось — шла рысь, а следом за ней — россомаха. И пока следы не разошлись — я гадала — кто это идёт? Эти обе шли к тому же по старой лыжне. Наши лыжни для многих животных в лесу — как трамвайные маршруты, прыгнул и доехал. А без лыжни бы и не поехал, может. А если рысь без лыжни идёт, то за ней ползти надо или непрерывно обходить бугорки и чащи.

Вечером перебрались на Шегультан — должна за нами прийти машина. Завтра нам надо быть в городе. Завтра последний день перед «круглым столом» в защиту Шемура. На кордоне Шегультан немного обсушились, прогрелись, супу поели. Ждём машину. В девять вечера решаем выходить пешком — завтра нам обязательно надо быть в городе! Идти здесь часа четы-

ре-пять — напрямик, по болоту можно срезать. Кое-что из вещей оставили на кордоне — скоро февральские учёты, заберём — и пошли почти налегке. Конечно, не быстро шло — сегодня ведь и тропили, и с Шарпа пришли. От усталости шли как-то «на автомате». Меня в гору тянула Кумба — всё легче. Поднялись на последнюю гору над озером — и даже при скудной луне увидели внизу белое молоко тумана над болотом и озером. С горки мы опустились в этот туман. Туман был такой густой и плотный, что его было видно. Мы попали в другое измерение, в другую страну. В ней не было Шемура, не было учётов. Не было кордона сзади и дома впереди. Не стало даже усталости. Остался один туман да лыжный след. Чахлые болотные сосны одна за другой исчезали в тумане, и не осталось совсем ничего вокруг. Так было тихо, вернее — не тихо. В этом мире просто не было звуков. Такого понятия не было. Я не знаю, сколько мы жили в этом мире. Мы двигались по нему — шли вроде. Времени-то в мире тоже не было. И расстояний. Только из тумана вдруг стали проявляться сосны — маленькие, что растут на болоте. Потом родились ели, окружающие болото. И туман нас отпустил. Он нас держал ровно столько, сколько надо было — нельзя нас раньше было выпустить и держать дольше тоже слишком много чести. Мы вышли на край деревни и я в свете фонарей увидела, что туман нас пометил. У Кости всё лицо было в густом инее, а собака была как белое привидение. Интересно, какой он меня сделал?

Мы пришли в остывший дом, затопили печь. На следующий день поехали в город делать последние приготовления к приезду разных специалистов. Позавтра у нас «круглый стол» — на хребте Шемура хотят добывать медь. А хребет очень близко от заповедника. Очень хочется не допустить разработку, но это земля не наша. Не наша — значит, не сможем защитить. Если не убедим Город не допускать этого.

Берлога

Снег стал мокрый, тяжёлый. Весь пропитался водой. Сверху лежит корка, но меня не держит. В воздухе туман. Все такое серое, мокрое. Это Март. Март бывает разный. Вчера было такое солнце — глаза слепило. И корка держала хорошо. Вчера уехала от нас, с Шарпа, группа киношников. Снимали материал для фильма о заповеднике. Киношников было трое, все такие большие — их-то снег совсем не держал. Мы повели их на плечо Денежкина. Туда идти недолго — всего километра четыре, а вид хороший. И криволесье есть, и камни. Забрались кое-как — на шерстяных, кисовых лыжах уже не пойдёшь — лыжи пожелтеют. Обрати спускаться — а киношники боятся, в основном за свою технику. Нам отдали — говорят: вы-то привычные к спускам таким. На спуске затеяли костёр — чаю попить. У костра Костя стал в снег зарываться ногами, и через несколько минут от него остались только плечи и голова. Так и пил чай — как за стойкой в баре. Говорит — удобно. Но до земли он ещё не достал. К концу зимы в горах бывает до двух метров снега, полтора — самое малое.

Мы остались на Шарпу, надо попробовать найти берлогу медведя. Должен медведь вот-вот проснуться. Сегодня пошли на запад от избы и недалеко наткнулись на медвежий след. Пошли тропить в пятю, то след туда, откуда он пришёл. Только убедившись, что есть прямой, не петляет, продолжили тропление. Ведь проснувшись, медведь часто не сразу уходит от берлоги, а ходит вокруг неё несколько дней — очуливается. А потом только идёт кормиться. Этот след шёл на юго-восток со склона Журавлёва Камня. Ровно и быстро шёл — видно, проснулся. Значит — ушёл от берлоги и там нас не ждёт. Встречаем наконец множество петель — подходил к муравейникам, выходя из своей пятимесячной голодовки. Разобраться в этих петлях совсем трудно — он сам себя перетаптывает, в мокром месиве снега не понятно, какой давности следы. Вечер вот-вот, возвращаться надо. Начиная выходить на просеку с намерением завтра продолжить. И, конечно, сразу находим берлогу. Это всегда так — только гостей перестаёшь ждать, садись за стол — приходят гости. Закон такой. Я бы лично в такой берлоге спать не согласился. Просто притупился под камнем, и всё. А безобразие-то какое вокруг! Веток накидано, деревья поломаны. Наверное, вставать не хотел. Или кушать хотелось. Мы тут всё замерили и опсали, да и в избу пошли.

Так безобразие это на нас подействовало, что мы в избушке затеяли субботник. А тут и Апрель наступил. Около избушки вытаял кусочек земли, а на нём — первая медуница. Скоро зелёная весна придёт. Наверное, можно волчье лыко искать. Оно цветёт раньше всех — в снегу торчит такой серенький бутрик и весь в сиреневых цветах. И пахнет на всю округу.

В деревню приехали — а снега уж вокруг деревни нет! А мы идём, как дураки, с лыжами. Сейчас вот реки вскроются, и вообще куда не сунешься, пока вода не спадёт.

Сосьва

«Поплыли, — говорю, — по Сосьве, Костя». Согласился. Приехали на Крив, выгрузились. Лодку надули. На воду спустили. В лодку сели. Тут-то Костя мне и говорит: «А плавать я не умею, и по речке такой не плавал ни разу». Первый пережат мы сначала глазами прошли — из лодки вылезли и внимательно всё осмотрели. Но лыжные вода большая, середина мая — можно катиться, как с горки. В позапрошлом году, в июне, с московским студентом плавали, начали сплав выше Крива. И зря. Речка заваленная, узкая. То пешком, то продираешься. А около Крива вообще перевернулись. Нас вынесло на дерево, и зацепившись бортом, лодочка нас вытряхнула. Все вещи в завалах выловили. Тогда здесь кордона ещё не было. Сушились у костра. Теперь мы от Крива плаваем.

С водой-то Костя знаком, это он просто цену себе, видно, набивал. Или скромничал. Пережаты мы проходили легко. Мне это очень нравится. Надо разогнаться, иначе лодкой невозможно управлять. Встали у Угловой. Нам надо построить два профиля — по

границе заповедника и на Денежкин. Поэтому на Угловую мы задержались на два дня.

В это время года к Тальничной легче всего к югу подходить. С севера не пускает вслученный Шарп. Дошли до Тальничной — и оказалось, что сегодня спокойной сбегам с профилем на Денежкин. Зря пошли. Устали и под конец шли уже с «ближним светом». Профиль мы, конечно, построили, но лучше мы бы делали это назавтра, со свежими силами. Я шаги считала — раз-два-три-восемь-пятнадцать. Сосны и кедры сливались в одну породу «дерев», а сомкнутость крон смешивалась с сомкнутыми веками.

Придя на Угловую, увидели Сосьву почти у избы. Это хорошо, быстрее до моста доплывём. От Крива до моста два дня сплава. Можно и за день, если не останавливаться и если воды много. Второй день скучный — перекатов почти нет, сидишь в лодке, как окорочок на вертеле, и крутишься под солнышком. Зато птицы много всякой — здесь река шире. Заповедник остался позади, Угловая — это его юго-восточный угол. Мы заканчиваем маршрут, давая себе слово взять байдарку вместо резинок и однажды проплыть ниже по реке.

Лес

А помнишь, как мы от Сольвы шли на Еловский картировать площадку с пионами? В те полевые нам очень повезло с погодой. Было так жарко, что комаров было мало. На Сольве, когда картировали луг, можно было работать без накомаринков. Июнь, цвели кульничны, и вся Сольва была жёлтая и пахла апельсинами. А горы — белые, снега очень много в горах. На второй день пути от Сольвы, когда мы шли по хребту наверх, пошли прямо по новой просеке, хотели посмотреть, как обустраивали лес пермские таксаторы. Надо было определить, по какой из просек теперь идёт граница. Неудачный был день для экспериментов — груза у нас многовато было. Кроме инструментов, несли ещё и покрытие для новой избы на хребте.

Лес в этом районе заповедника обалденный. Однажды мой знакомый сказал про заповедный лес: «Какой лес грязный». Он привык к окрестностям Базарного Карабулака в Саратовской области, где чистый сосновый бор, и всё, что лежит — вынесено, а всё, что растёт, съедено скотом. Так вот — этот лес просто фантастически, непролазно грязный. Лесники-промысленики говорят: «Там лес пропадает». Этот лес пропадает уже столетиями. И столетиями грязный. Лес этот — первобытный, или климаксный. Значит, не махала здесь рука человека топором и значит, лес здесь разновозрастный. Стоят тут огромные старые деревья — те, что «пропадают». А пропав — падают. И лежат, пока на них не начинает расти новая поросль. Часто семечкам до земли добраться трудно в таком лесу — вот и растут в ряд деревья на полусгнившем стволе. И растут там также деревья помоложе, это те, что скоро будут пропадать, и совсем молодые — у них есть шанс пойти на пользу человеку. Но только не в заповеднике. Тут пропадут! А трава в этом лесу мне по подбородок. Почва влажная — вот и трава боль-

шая. Растут здесь папоротники, чемерица и аконит. На полянках — купальница. Иногда попадаются огромные кусты пионов. Через всё, что в этой огромной траве лежит, приходится перелезать — если будешь обходить, сразу просеку потеряешь.

Я давно заметила, что через ноги всё лучше доходит, чем через глаза. Вот и тебе повезло увидеть это лес ногами. Если бы я тебя привела сюда ненадолго, ничего бы ты про него не поняла. Однажды в таком лесу мы шли с профилем пять километров семь часов. Ползли, точнее.

К вечеру, найдя нужный нам кварталный столб, взяли резко на восток — на хребет. И скоро выскочили в тундру. Это тебе была награда. Тундра — почти ровная, мягкая. Вся пятнами — то лишайник, то кустарнички. Это медведь время от времени переворачивает целые пласты растительности в поисках корешков и насекомых — вот и получают пятна в тундре. Ещё увлажнение разное. Устроившись на ночлег, мы побежали смотреть закат солнца — дни нынче длинные. Помнишь тот закат? Конечно, помнишь. С одной стороны — Денежкин, с другой — все пермские горы — всё на ладони. Прямо перед закатом всё стало каким-то розовым. И Лес кругом. Сто, тысячу лет назад — также было.

КЮБЗ

Нынче летом у нас прямо пиомничество. Полно экспедиций, — из Свердловска, Чувашии, даже из Германии. Кто рыб изучает, кто жуков ловит, кто мышей. Надо думать, они всю природу нам враз изучат — и не останется у нас совсем белых пятен. Не то, что мы сами — потихоньку да помаленьку.

Среди всей этой братии — дети из КЮБЗа, кружка юных биологов московского зоопарка. Кружок этот, даром что зоопарковский, вот уже 75 лет поставляет отличных биологов-полевиков. В списках кружковцев много известных имён — Капранов, Яблоков и многие другие.

Но нынче к нам, слава Богу, приехали не известные — а просто дети. Сразу разделились на кучки — кто мышей считать, кто за бабочками бегать, кто травки собирать. Двоим самым маленьким мальчишкам досталась самая трудная работа — инвентаризация лесных площадей. У всех в КЮБЗе — клички. Этих звали Пиксель и Мерзик. И мне казалось — не отличишь их друг от друга. Но быстро выяснилось, что они специалисты разного рода. Каким образом между мальчишескими тычками и перемешками они умудрились что-то делать — до сих пор не понимаю.

Площадок лесных всего семь. Нескольких из них мы нашли. Площадки были заложены Семечкиным Иваном Васильевичем в 1953—55 годах. Это квадраты сто на сто метров в лесу, отмеченные столбиками. Все деревья на площади были закартированы и обмеряны — два диаметра, высота, ширина кроны. На площадке описаны почвы и травянистый ярус. Это было сделано в те, первые годы существования заповедника. Иван Васильевич прислал нам весь первичный материал, и наша задача — повторить работу.

Видимо, понимая, какая это адова работёнка, никто больше из КЮБЗят на неё не согласился, досталось всё весёлой парочке. Вместе мы разметили площадку — поставили вешки через каждые двадцать метров и пограничные столбы. Вместе с Костей мальчишки сделали теодолитную съёмку четвертой части площадки. Вручив им инструменты, оставили их мерить деревья. Почти все деревья ребята нашли. На них сохранились номера, поставленные тогда масляной краской. Теперь эти номера нужно обновить — лучше всего повесить металлические бирки, чтобы долго держалось. На этой четвертушке деревья померили заново. Теперь мы узнаем, как изменился этот лес за сорок шесть лет. Конечно, мы постараемся доделать всю площадь. Но задел уже есть. В мире мало таких

длинных рядов наблюдений — и материал этот очень ценен.

А я просто очень рада, что есть ещё девчонки и мальчишки, которым интересно знать, как лес живёт, которые вскидывают автоматически руку с биноклем, если в кустах взлетает птица (кстати птиц многие из них знали лучше меня). Они умеют ходить по лесу и видеть, что очень важно — ведь очень многие умеют просто ходить. Они умеют жить в поле — с комарами, с кострами. Не просто жить — работать: вставать до рассвета и идти проверять живоловки на мышей, собирать гербарий в мокрой траве, бегать от дерева к дереву и обратно, пытаясь определить — семьдесят шестое это дерево или восемьдесят восьмое. И всё всё записывать, а потом обрабатывать.

Значит, и мы не выйдем — будет у нас смена.

В объективе – Урал

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ

118

Уральский государственный университет. Екатеринбург, 2009

Фоторепортаж Виктора БАЙДУКОВА

Поселок на Черном Истоке

На слегка приподнятых склонах Уральских гор живописно расположен старинный поселок Черноисточинск. В этом году ему исполняется 280 лет. Его история тесно переплетена с развитием металлургии. Давно уже закрыт Черноисточинский железодельный завод, но окружающая природа притягивает сюда людей. Вокруг поселка возвышаются синеющие горы, широкой гладью разлился Черноисточинский пруд...

Начиналась история поселка с указа из Санкт-Петербурга. 9 февраля 1726 года Берг-коллегия разрешила Акинфию Никитичу Демидову строить заводы на реках Черный Исток, Шайтанке, Утке.

«Вместо вышеупомянутых молотовых построить ему для переделу чугуна в железо вновь молотовых на реке Утке, Шайтанке, где ныне построены у него Демидова для дела стругов пильные мельницы, а впадали оные речки в Чусовую реку, да на Черном Истоке...».

Вот краткая хроника Черноисточинска, о котором мы не найдем сведений даже в «Уральской исторической энциклопедии».

Согласно документам, с 1726 года началось строительство Черноисточинского железодельного завода — в самом узком месте, под крутой горой (вплесствии ее называют Заводской). Железо находило сбыт в России и в Западной Европе.

Производственный процесс Черноисточинского завода сводился к переделу чугуна в железо, которое привозили с Нижнетагильского завода. Под четырьмя

молотами в год выковывалось 32 тысячи пудов железа, а в 1734 году выработка достигла 40–43 тыс. пудов.

Поселок вокруг завода застраивался обывательскими домами, где жили мастеровые люди. Одна из улиц так и называлась — Мастерская.

Первыми жителями были старообрядцы, пришлые и переведенные мастеровые с Нижнетагильского, Лайского и Шайтанского заводов по окончании их строительства. Заводской поселок формировался по обычной для того времени схеме — с классическим трехлучием основных улиц, пролегающих параллельно заводскому пруду и реке. Первые улицы получили названия: Мастерская, Нагорная, Висимская, Напольная, Мертвая, Петропавловская, Нижний порядок по Истоку.

По утверждению историков резиденция Демидовых, находившаяся поначалу в Невьянске, переместилась отсюда на Черноисточинский завод, а потом уже на Нижнетагильский, где оставалась до последнего времени. Во время пугачевского восстания Черноисточинский завод пребывал на осадном положении и не работал около двух месяцев.

В 1770 году на Урал приезжал немецкий ученый П.Паллас. Путешествуя, он посетил и Черноисточинский завод. А в начале XIX века здесь побывали знаменитые ученые А.Гумбольдт и Ж.Эйрие. По приглашению заводчиков Демидовых полотна с видами завода писали художники В.Е.Раев и П.П.Веденцкий.

Теперь их работы хранятся в столичном Государственном историческом музее. Здесь трудились талантливые механики: П.Макаров, Ф.Швецов, Е.Черепанов. По проекту архитектора К.Луценко в начале XIX века строятся новые цеха.

Первый православный храм в Черноисточинске был возведен только в 1833 году. В 1861-м строится каменная Петропавловская церковь.

Для обеспечения завода водной энергией и пополнения Черноисточинского пруда в 1848 году крестной гидротехник Клементий Константинович Ушков построил на свой кош самотечный канал. Он протянулся на 4,5 километра и соединил реку Черную с Черноисточинским прудом.

В первой половине того же XIX века в окрестностях Черноисточинского завода по долинам рек Чауж, Черной, Мартыана, Березовки, Еланки, Бобровки и примыкающим к ним логам были открыты золото-платиновые россыпи.

А в 1850 году построен Авроринский завод (подливной) — для прокатки «красной» болванки. Назван в честь заводоладелицы Авроры Карловны Шернваль-Демидовой. Закрыт завод в конце 1870 годов, но здания его использовались для хозяйственных нужд вплоть до революции 1917 года.

В 1853 году основан Антоновский завод на реке Черной. Имя ему дал Антон Иванович Кожуховский — главополномоченный Нижнетагильских заводов. В 1908 году в 20-ти дворах его поселка проживало 80 человек обоего пола. Завод закрыли после размыва плотины в 1927 году. Решение же о ликвидации Черноисточинского принято в 1923—25 годах.

Д.Н.Мамин-Сибиряк, побывав в этих краях, писал:

«...при въезде в Черную, так сокращенно зовут Черноисточинский завод, я обратил внимание на целый ряд новых домов с палисадниками, крашеными воротами и вычурной резьбой по карнизу. Платина поднимает? Заметил я невольно, припоминая плохое черновское строение лет двадцать тому назад. Дом выкрашен был сплошной краской и снаружи и внутри, так что нигде живого места не оставалось. Внутреннее убранство говорило о зажиточности: ковры на полу, кисейные занавески на окнах, олеография на стенах, венская гнутая мебель и т.д. Широкая заводская улица, выходящая нас из жилья, просто прострела расписными дворами, точно близость платиновых промыслов здесь ощущалась сильнее, чем с тагильского везда».

К концу XIX века железодельательные заводы Урала охватил экономический кризис, снизился выпуск железа. На Урал отправилась экспедиция ученого-химика Д.И.Менделеева. Он интересовался работой и Черноисточинского завода.

В 1905 году здешняя уроженка В.И.Швецова после обучения в Петербурге вернулась на родину и поступила работать заведующей земской библиотекой. Здесь она создала революционный кружок. Но вскоре была арестована и увезена в Нижний Тагил. Больше в Черноисточинске ее никто не видел, но память о Вере Ивановне жива и по сей день: о ней напоминают старые дубки, посаженные ее рукой на берегу реки Исток.

Огненным лихолетьем прокатилась по Уралу Граж-

данская война. В память о ее жертвах на Партизанской горе установлен обелиск.

Когда закрылись Черноисточинский и Антоновский заводы, жители поселка трудились на приисках; в 1930 годах появились паровые и электрические драги.

Ходили работать и в поселок Левиха, там разрабатывались медно-колчеданные месторождения. Бывших старателей на работу в Левиху брали охотно, они умели обращаться с горной породой, и, как говорили, «лишнего не копнут».

В 1929 году здесь образован колхоз «Сталинский набор», артели «Новая Заря», «Уральский текстильщик», им. 23-й годовщины Октября. Не обошли Черноисточинск стороной и политические репрессии.

Наступил роковой 1941 год. Многие черноисточинцы ушли защищать Родину. 782 наших земляка больше никогда не увидели свой родной поселок. В память о их подвиге на берегу пруда установлен обелиск.

В 1946 году в поселке началось строительство прядильно-ткацкой фабрики. Первым ее директором был назначен инженер Иосиф Евсеевич Либерман. Только в 1951 году вступила в строй ее первая очередь.

На пруду работала рыбопромысловая артель, улов составлял несколько центнеров в год, рыба поступала в общественные пункты питания Нижнего Тагила и Черноисточинска. На берегу пруда были построены базы отдыха предприятий города. В 1971 году началось строительство Черноисточинского гидроузла для обеспечения питьевой водой строящихся новых жилых микрорайонов Нижнего Тагила.

В канун перестройки появились позитивные перемены: построен лесопильный цех, открыт детский сад, началось строительство новой школы. Уже на слуху было расширение чулочной-перчаточной фабрики и сооружение цеха ширпотреба Высокогорского завода. Но в начале 1990-х годов все это в одночасье рухнуло. А оживать поселок стал уже в другом качестве. Его жизнь теперь все больше зависит от города. Но, как сказал губернатор Э.Э. Россель, побывавший в 1999 году в Черноисточинске, «достойную жизнь нельзя выпросить, ее можно только заработать».

Сейчас Черноисточинская территориальная администрация объединяет пять населенных пунктов: Черноисточинск, Чащино, Антоновск, Канава, Студеный.

За последнее время построена телерадиотрансляционная вышка, смонтирован газопровод до центра поселка. Работает новая угольно-газовая котельная. Открыта телефонная станция. Для верующих отремонтирована Петропавловская церковь. С 1998 года работает краеведческий музей. В прошлом году в Доме детского творчества появился еще один зал — эпохи социализма. Черноисточинский народный театр отметил свое 120-летие, театральные традиции продолжают.

С 2001 года ребята ходят учиться в новую школу. Молодежи в поселке есть чем и где заняться в свободное время: к их услугам досуговый центр, музыкальная школа, Дом творчества, горнолыжная секция.

В 1908-летия жизнь Черноисточинска продолжается.

Формула времени

Глава 10

Екатеринбург, 2056-А г.

Читателю наверняка интересно узнать, что делали после возвращения Юрий Сосновцев и Сергей Лазаренко. А делали они вот что.

От здания Академии наук заговорщики направились на окраину города, где была спрятана вторая машина времени. И каково же было их удивление, когда, открыв ворота гаража, они обнаружили склад какого-то барахла, по-видимому, предназначавшегося для диффузора.

— Зараза! — в ярости воскликнул Сосновцев и поддал ногой банку из-под газировки.

— А где же машина времени? — промямлил Лазаренко.

Сосновцев не ответил. Он стоял, уставившись в одну точку, и пытался осмыслить произошедшее. Потом медленно повернулся к племяннику.

— Ну и дела... — произнёс он наконец. — Похоже, будущее сильно изменилось, и не в нашу пользу.

— Это всё из-за Вас, дядя Юра! — запальчиво воскликнул Сергей. — Если бы Вы не изменили координаты, мы бы не сбили Чудова, и машина времени была бы на месте! Хороший план Вы придумали, нечего сказать! Зачем нам теперь эта формула — без машины времени!

— Заткнись! — оборвал Сосновцев. — Лучше думай, как всё исправить.

— Что тут думать? — кричал Лазаренко. — Машина времени исчезла! Где мы её возьмём?!

— Не ори! Дай сообразить... Андреев! Он должен знать, что происходит. Поехали к нему!

— Вы что, знаете, где он живёт?

— Он сейчас в 21-й больнице, болван. Туда увезли Чудова, ты разве не слышал? — грубо ответил Сосновцев. — Если и он не поможет, тогда пиши пропало...

И парочка отправилась в 21-ю больницу, где, как нам уже известно, услышала объяснение профессора.

Диана и остальные ребята поселились в гостинице «Октябрьская», в паре кварталов от 21-й больницы. Девушке достался номер на 3-м этаже с видом на

дендропарк. В номере было две комнаты — гостиная и спальня, небольшой телевизор с экраном 1,5 метра по диагонали, телефон, компьютер с Интернетом и прочие удобства.

Однако Диане было не до отдыха. Её одолевали тревожные мысли. Сможет ли Борис Иванович построить машину времени? Поправится ли Дмитрий Чудов и поможет ли он вывести формулу? Решив немного отвлечься, она достала видеокамеру и вставила диск в приставку. На экране появилась воронка временного портала, вспышка — и прямо перед автобусом мелькнула фигура Дмитрия Чудова, которая мгновенно пропала из виду. Все бросились к выходу. Запись оборвалась.

«Надеюсь, он выздоровеет! — подумала Диана, доставая диск. — Как же так получилось, что компьютер ошибся в расчётах? Ведь если бы мы переместились туда, куда должны были, ничего бы этого не произошло!»

Она постучалась в номер Андреева. Борис Иванович открыл дверь.

— А, Диана! Вы что-то хотели спросить?

— Да. Я тут думала об ошибке в расчётах. Машина времени почему-то отправила нас дальше по маршруту. Вы не знаете, почему это произошло?

Профессор покачал головой.

— Не имею представления... Более того, согласно показаниям компьютера, автобус переместился по верным координатам. Так что это либо сбой в программе, либо координаты были введены неправильно. Оператор ведь мог ошибиться. Хотя это вряд ли: у нас работают опытные учёные, и такого ещё ни разу не случалось.

— А если Дмитрию не удастся вывести формулу времени, мы так и останемся в параллельном будущем? — Диана пыталась казаться спокойной, но её голос задрожал от волнения.

— Ну что Вы! Не переживайте, — сказал Андреев. — Я уверен, мы сможем найти выход. Конечно, придётся провести в этом измерении некоторое время, но это не самый худший вариант. Ведь если не считать изменений с машиной времени и вашими двойниками, всё остальное осталось по-прежнему! Завтра я начну работать над чертежами. Дмитрий выпишет не раньше, чем через пару недель, так что время у нас есть. Вы с ребятами гуляйте, развлекай-

(Окончание. Начало в № 7, 2006)

тес, ходите в кино. Школу за вас посещают двойники, — улыбнулся профессор. — Так что считайте, что у вас вневплановые каникулы.

— Спасибо, Борис Иванович, — ответила Диана. — Вроде полечте стало от Ваших слов.

Она попрочилась с учёным и вышла из гостиницы. День был в самом разгаре, и Диана отправилась погулять в дендропарк, расположенный под окнами гостиницы.

«В конце концов, — решила она, — это можно рассматривать как увлекательное приключение. И оно уж точно запомнится на всю жизнь!».

* * *

На следующий день с утра профессор засел за компьютер. Он по памяти восстанавливал чертежи машины времени. Работа продвигалась медленно, поскольку машина времени — не самое простое устройство. Основная трудность состояла в создании генераторов временных частот и их усилителей. Собрав это оборудование, достаточно было подключить его к компьютеру, установить программу перемещения и ввести формулу времени. С формулой учёный разобрался, оставалось найти человека, который напишет программу.

В 11 часов позвонили из больницы и сообщили, что Дмитрий Чудов находится в состоянии средней тяжести. Его самочувствие постепенно улучшается. Борис Иванович поспешил сообщить радостную новость ребятам, когда они собрались за обеденным столом в ресторане гостиницы. Робот-официант разливал по тарелкам суп.

— Это пвофто ждовово! — прормычал Тим, жуя кусок хлеба. Ученики его поддержали довольными возгласами.

— В сознание он пока не пришёл, — продолжал Андреев, — но его состояние стабильное. Врачи сделали всё возможное, чтобы он остался жив.

— А как раньше врачами работали люди? — спросил Тим, прожевав, наконец, свой кусок. — Они ведь могли ошибиться и отрезать больному что-нибудь не то. Только робот может быть абсолютно точен!

— Бывало и такое, — ответил профессор, — и довольно часто. Сейчас люди не проводят операции сами, а только осматривают больных и контролируют действия роботов-хирургов. Диагнозы ставят гезокамера. Оборудование в наше время не в пример лучше, чем 50 лет назад. Так что если бы мы не забрали Чудова с собой, то потеряли бы последний шанс на спасение. А так мы всё же можем исправить ситуацию, пусть и «кружным путём».

— Когда его можно будет навесить? — спросила Диана.

— Как только ему станет лучше. Ещё несколько дней он пролежит без сознания. Но врачи сказали, всё обойдётся. Походит в корсете некоторое время, пока переломы не срастутся.

Насторожены у ребят поднялось. Дела, похоже, налаживались. После обеда ученики отправились в кино на новый фильм «Угроза с Марса».

В последние годы Марс активно осваивался роботами. Там велась разведка источников воды и месторождений полезных ископаемых. Планета готовилась к принятию первых поселенцев. Сначала на Марс должны были отправиться учёные, прожить там один год и сделать вывод, пригодна ли эта планета для массового переселения людей.

В связи с исследованиями Марса вышло много фильмов о нём. Некоторые режиссёры пугали землян ужасными монстрами, живущими внутри красной планеты, или непригодными для жизни климатическими условиями. Другие, напротив, рисовали картину безмятежной жизни в новых колониях, где не будет места насилию и отчуждению личности. Как следовало из названия, фильм, на который пошли ребята, относился к первой категории. Это была очередная история о том, как поселенцы столкнулись с пришельцами из соседней галактики, использовавшими Марс в качестве своего форпоста в Солнечной системе.

Выйдя из кинотеатра, Диана подумала: «А ведь мир не рухнул оттого, что Дмитрий Чудов исчез на 50 лет! Всё осталось по-прежнему, если не считать машины времени. Выходит, ни один человек, даже самый талантливый, не оказывает решающего влияния на историю. Нет таких людей, без которых Земля перестанет вращаться! Всё-таки Бог правильно сделал, что решил подстраховаться в этом отношении! Как же мудро устроена наша Вселенная!».

Она вместе с другими школьниками вернулась в гостиницу. Им оставалось ждать, когда изобретатель машины времени придёт в себя.

Глава 11

Екатеринбург, 2056-А г.

Первый день лета выдался ясным и безоблачным. В палату сквозь приоткрытые жалюзи проникали солнечные лучи. За окном щебетали птицы.

Дмитрий Чудов открыл глаза и медленно огляделся по сторонам, пытаясь сообразить, где он находится. Последнее, что он помнил, был надвигающийся на него бампер автобуса. Потом — темнота. Юноша попытался приподняться, но резкая боль в правом боку вернула его на место. Тогда он повернул голову и посмотрел вокруг. Вроде бы он находился в больничной палате, но какая-то она была необычная. Мягкая постель, чистое бельё, новая мебель, картины на стенах. На столике у окна стояла вазочка со свежими цветами. Дима посмотрел на аппарат, стоящий возле кровати. Он даже отдалённо не напоминал ни одно медицинское устройство.

«Странно, — подумал молодой человек, — где это я? В частной больнице, что ли? Обстановка — прямо как в пятизвёздочном отеле!».

Его размышления прервал звук открывшейся двери. В палату вошла красивая девушка с длинными светлыми волосами. Одежда на ней показала Дмитрию странной, будто из фантастических фильмов.

— Ну всё, — слабо произнёс он, — я умер и попал в рай. Вот и ангел пришёл по мою душу!

Гостья звонко рассмеялась.

— Нет, Вы ещё живы, слава Богу! — сказала она. — Вы пролежали без сознания почти неделю. Но теперь уже недолго осталось. Скоро Вас выпишут.

— Где я? — спросил Дмитрий. — И кто Вы, прекрасная незнакомка?

— Меня зовут Диана, — ответила девушка. — А Вы сейчас находитесь в 21-й больнице. Вас сбил наш автобус.

— Ах да, автобус... — юноша потрогал рукой затылок. — А меня зовут...

— ...Дмитрий Чудов.

— Правильно! Вы откуда знаете?

— Да кто ж Вас... — начала Диана, но вовремя опомнилась. Она хотела сказать «Да кто ж Вас не знает!», но пока ещё было рано говорить Дмитрию правду. Она поправилась:

— Да это ж у Вас в студенческом билете написано!

— Ах да, верно... Рад с Вами познакомиться, Диана! Извините, что не могу подать руку, правый бок болит страшно.

— Ничего, — успокоила его девушка. Она слегка пожалала кончики пальцев на руке Димы. — Мне тоже очень приятно!

Новая знакомая очень понравилась Дмитрию. Вообще-то девушки его вниманием не баловали, хоть он и был симпатичный. Просто по характеру юноша был не очень общителен. Поэтому визит такой красивой девушки ему был приятен вдвойне.

Диана тоже приглянулась широкоплечий молодой человек с выразительными карими глазами. Она снова вспомнила учебник истории, где говорилось, что Чудов никогда не был женат, и про себя очень удивилась. Казалось бы, на такого красивого парня девчонки должны гроздьями вешаться... Ведь он такой привлекательный! Да к тому же умный. Что им ещё надо?

— Так зачем, Вы говорите, пришли? — спросил Дмитрий.

— Узнать, как Вы себя чувствуете. Мы все за Вас очень беспокоились, ведь Вы едва не погибли.

— Кто это — все?

— Ребята из автобуса и ещё три человека. Понимаете, мы ехали на экскурсию, а тут — Вы. Водитель не успел затормозить...

— Да-а, припоминаю... Но откуда Вы взялись? Я ведь посмотрел по сторонам, дорога была пустая! Ни одной машины. Этот автобус будто из воздуха материализовался!

Диана потупила взгляд. Ведь, по сути, так оно и было. Она почувствовала себя в некоторой степени виноватой в том, что случилось.

— Вы не могли бы приоткрыть жалюзи, — попросил Чудов. — Не люблю сидеть в полумраке.

— Конечно, — ответила Диана и, к удивлению молодого человека, вместо того чтобы подойти к окну,

нажала какую-то кнопку на пульте возле странного аппарата. Жалюзи бесшумно открылись, и палату залил солнечный свет.

— Ничего себе техника! — вырвалось у Дмитрия. — Однако наша медицина удивляет меня всё больше и больше! Смогли меня вылечить так, что я даже остался жив, положили в роскошную палату, больницу сделали по высшему классу... Нет, наверное, я всё-таки в раю!

— Больница как больница, — пожалла плечами Диана. — И палата самая обычная.

— Видимо, я что-то пропустил! — удивлённо произнёс юноша. — Скажите, Диана, я случайно не пролежал в коме 10 лет? А то получится, как в кино. Там один мужик попал в аварию и провёл в больнице 7 лет, а когда вышел, его новорождённый сын уже в школу пошёл. Тут есть зеркало? Хочу посмотреть; поди-ка, я уже с бородой!

Девушка снова нажала кнопку, и с потолка к Дмитрию спустилось зеркало, остановившись на уровне глаз.

— Ну, чудеса! — воскликнул Чудов. Он с опаской глянул в зеркало. — Нет, вроде не постарел. Тогда в чём же дело? Когда я последний раз лежал в больни...

Он не договорил, оборвавшись на полуслове. Взгляд его был устремлён на улицу, глаза расширились. Диана повернулась в том же направлении, чтобы посмотреть, что его так поразило. За окном, снижаясь, пролетела машина «скорой помощи».

— Это... это... — пытался произнести Дмитрий, но язык его не слушался.

— ...«скорая помощь», — подсказала девушка.

— Но она... это... по воздуху... — не унимался Чудов. Наконец, дар речи к нему вернулся, и он повернулся к Диане.

— Скажите честно, где я нахожусь?

— В Екатеринбурге, в 21-й больнице.

— Неправда, у нас «скорые» по воздуху не летают. Больницы грязные, оборудование старое, персонал грубый. А в отдельной палате лежат только богачи.

Диана ужаснулась его словам, А и представить не могла, что в прошлом так относились к людям. Но как же ему объяснить?

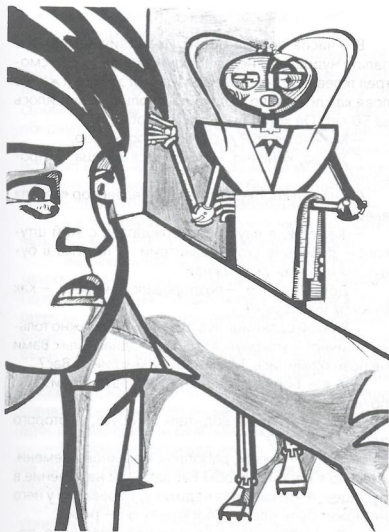
В этот момент дверь открылась, и в комнату вошла медсестра-робот в белом халате. Она не была андроидом, то есть выглядела как робот, а не как человек. При виде её Дмитрий в ужасе попытался забиться в дальний угол кровати.

— О Боже! Меня похитили пришельцы, чтобы проводить опыты! А-а-а!!!

— Ради Бога, успокойтесь! — схватила его за руку девушка. — Вы всё не так поняли!

— Не так понял?! А как я должен это понять?!

— Видите ли... — Диана замаялась в нерешительности. Если не сказать правду, Чудов может и с ума сойти. Лучше уж выдать всё как есть. И она продолжила: — Вы только не волнуйтесь! То, что я скажу, может показаться невероятным, но Вы постарайтесь понять.

Дмитрий с недоверием посмотрел на девушку. Похоже, она говорила искренне.

— Я сказала правду. Мы сейчас действительно в Екатеринбурге. Вот только... не в том Екатеринбурге, который Вы знаете.

— А где же мы?

— Правильнее будет спросить: «А когда же мы?». Сегодня 1 июня... 2056 года.

Юноша пристально посмотрел на Диану, затем перевёл взгляд на робота-медсестру. Его рот растянулся в улыбку.

— Я понял! Это программа «Розыгрыш»! Ну, где у Вас скрытая камера? В цветах спрятана? Или за картиной?

Диана с роботом озадаченно перелгянулись.

— Не знаю, о чём Вы говорите, Дмитрий, — осторожно начала девушка, — но я Вас не обманываю. Вы в самом деле находитесь в будущем.

— И как же я попал в две тысячи... пятьдесят шестой год? — с долей сарказма в голосе спросил молодой человек, всё ещё думая, что его разыгрывают.

— Вас сбил наш автобус...

— Это я уже слышал, — перебил Чудов. — Но при чём тут будущее?

— На этом автобусе мы отправились из 2056 года на экскурсию в 2006 год, — пояснила Диана. — Машина времени по ошибке переместила нас дальше, чем планировалось, и мы оказались на дороге, которую Вы как раз переходили. Затормозить водитель, хотя это и был андроид, просто не успел...

— Очень интересная история, — произнёс Дми-

трий. — Ну, допустим, вы из будущего прилетели в наше время и нечаянно меня сбили. Но как я-то оказался в будущем?

— Мы забрали Вас с собой. Спасти Вас можно было только при нашем уровне медицины. Оставшись в прошлом, Вы бы неминуемо погибли. Тем более... — она запнулась, — ...тем более при том положении дел в медицине, которое Вы описали.

Некоторое время Дмитрий молчал. Потом обратился к Диане:

— Ну хорошо, я готов Вам поверить. Но, сами понимаете, то, что Вы сказали, звучит просто невероятно. Я бы хотел как-то сам убедиться, — его взгляд упал на телефон. — Давайте, я наберу первый попавшийся номер и спрошу, какой сейчас год.

— Идёт! — Диана дала ему трубку телефона¹. Чудов, не мудрствуя лукаво, набрал 123-45-67. Тут же сверху опустился плоский экран. Включилась громкая связь. На экране появилось лицо какой-то женщины.

— Здравствуйте! — вежливо произнёс юноша. — Скажите, пожалуйста, какой сегодня день?

Женщина на секунду оторопела. Она не ожидала подобного вопроса. Но, поскольку незнакомец выглядел прилично и был вежлив, то она ответила:

— Первое июня, четверг.

— А год?

— Что, простите?!

— Какой сейчас год?

— 2056-й, — сказала женщина, совершенно ошарашенная.

— Большое спасибо! — ответил Дмитрий и, прежде чем та успела опомниться, нажал кнопку «конец разговора». Лицо исчезло, и высветился надпись: «Вызов закончен. 00:23». Телевизор уехал вверх.

— Теперь Вы мне верите? — спросила девушка.

— Да уж, приходится... — выдавил Чудов. — Но это... просто в голове не укладывается. Выходит, я — в будущем... Непостижимо!

— Знаю, в это трудно поверить, но всё так и есть.

— «Круто ты попал!..» — протянул Дмитрий.

— Что-что? — не поняла Диана.

— Нет, ничего. Это так... из одной песни... Что-то мне нехорошо, — вдруг прошептал он.

Медсестра попросила Диану выйти из палаты. Пациент был ещё слаб, и ему был нужен покой. Тем более, после всего, что он услышал.

— Подождите, Диана! — остановил её Дмитрий. — Я Вас ещё увижу?

— Непременно, — улыбнулась она. — Я буду навещать Вас каждый день.

— Буду ждать с нетерпением, — отозвался юноша.

Медсестра сделала ему укол, и глаза сами собой закрылись. — До завтра, Диана... — пробормотал он в полудрёме и крепко уснул.

¹ На самом деле, телефонных трубок в привычном понимании этого слова давно не существовало. То, что Дмитрий прина к трубку, было пультом управления стереоскопическим видеофоном.

Екатеринбург, 2056-А г.

За прошедшую неделю профессор Андреев почти полностью закончил работу над чертежами машины времени. Оставалось только достать необходимые детали и приступить к сборке. Он как раз дочерывал последнюю схему, когда в номер вошла Диана.

— Здравствуйте, Борис Иванович! — радостно воскликнула она. — У меня хорошие новости!

— Рад это слышать! Что же хорошего у Вас произошло?

— Не у меня, у всех нас. Дмитрий Чудов пришёл в сознание! Я только что от него.

— Слава Богу! — обрадовался учёный. — Как он себя чувствует?

— Говорит, что бок болит, но в целом ничего.

— Замечательная новость, Диана! Это означает, что он скоро поправится. Надо будет зайти к нему после обеда!

— Ему сделали укол, — сказала девушка, — и сейчас он спит. Можно будет сходить вечером.

— Хорошо, вечером так вечером. А как он отреагировал на... обстановку? — поинтересовался профессор. Ему в детстве доводилось лежать в российских больницах, и воспоминания остались не самые приятные. Он понимал, что контраст между тем ужасом, который царил в медицинских заведениях начала века, и теми комфортными условиями, в которые попал Чудов, не мог остаться незамеченным.

— Ну-у... — протянула Диана, — он был весьма удивлён. Особенно после того, как увидел медсестру. Бедняга решил, что его похитили пришельцы для опытов! — она рассмеялась, вспомнив сцену в палате. — И мне пришлось...

— ...всё ему рассказать, — догадался Андреев. Девушка кивнула.

Борис Иванович задумчиво потёр подбородок. Конечно, надо было выждать некоторое время, но, пожалуй, Диана поступила правильно. Если бы Дмитрий встретил медсестру один на один, у него мог и разрыв сердца случиться. Не каждый день, приходя в сознание, видишь перед собой железного человека в белом халате. Учёный вспомнил фильм «Терминатор», который смотрел в молодости. Несомненно, Чудов тоже его видел, и при виде робота-медсестры подумал, что пришёл его смертный час.

— Наверное, так даже лучше, — произнёс профессор. — У него уже не будет такого шока, когда он выйдет на улицу.

Когда ребята узнали, что Дмитрий пришёл в себя, они очень обрадовались. Некоторые даже закричали «Ура!». Стал ближе тот день, когда они исправят прошлое и вернуться в привычный 2056 год. Это событие ученики решили отметить, заказав по двойной порции десерта.

В 6 часов вечера Борис Иванович заглянул в палату Чудова. Тот недавно поужинал, и теперь смотрел телевизор, не отрывая взгляд от экрана и жадно ловя каждое слово. Шутка ли, столько изменилось за 50 лет! Он хотел быть в курсе событий.

— Можно войти? — спросил профессор.

— Да-да, конечно, — обернулся юноша. — Пройдите.

Он нажал кнопку на пульте, и телевизор «уехал» вверх.

— Кажется, я научился обращаться с этой штукой! — довольно сказал Дмитрий. — Техника в будущем не такая уж сложная.

— Добрый вечер, — поздоровался Андреев. — Как Вы себя чувствуете?

— В такой больнице чувствовать себя можно только отлично! — улыбнулся Чудов. — Однако мы с Вами не познакомились. Меня зовут Дмитрий, а Вас?

— А я — Борис Иванович Андреев, один из тех, по чьей вине Вы здесь.

— Вы — тот самый водитель автобуса, у которого плохая реакция?

— Нет. Я — физик, работаю с машиной времени. Именно я настоял, чтобы Вас забрали на лечение в будущее. А что касается водителя, то реакция у него не может быть плохой, поскольку он — робот.

— Вы отправились на экскурсию в прошлое, посадив за руль робота?! — поразился молодой человек. — Неужели Вы думали, что никто не заметит?

— Это не просто робот, а андроид, — уточнил профессор. — На вид не отличить от человека.

— Прямо как Терминатор! — восхитился Дмитрий. — Классно!

Андреев улыбнулся. Как он и думал, Чудов смотрел этот фильм.

— Диана Вам всё рассказала? — спросил он у Дмитрия.

— Ну, она сказала, что сейчас 2056 год. По её словам, она вместе с какими-то ребятами отправилась на экскурсию в прошлое. Но машина времени переместила автобус не туда, и мы с ним «встретились». Меня забрали в будущее, потому что, оставшись в своём времени, я бы погиб. Это всё, что я знаю.

— Так всё и было, — кивнул учёный. — Диана Вас не обманула. Только она кое-что не договорила.

— Ещё какой-то сюрприз? — вопросительно поднял брови молодой человек.

— Дело в том, что мы не случайно так за Вас беспокоились. Вы не должны были погибнуть. Если бы это случилось, будущему бы пришёл конец.

— Ух ты! Неужели я такая важная птица?! — удивился юноша.

— Очень. Понимаете, машина времени, на которой мы попали в 2006 год... Её изобрели Вы.

— В самом деле?! — у Дмитрия просто глаза на лоб полезли. — Я?! Изобрёл?! Машину времени?!

— Тот доклад, который Вы должны были сделать в тот день, когда Вас сбил автобус... Помните?

— Ещё бы! Доклад о теории времени. Я столько

к нему готовился, и, выходит, всё напрасно! — с сожалением произнёс Чудов.

— Не волнуйтесь, Вы его ещё прочитаете, — обнадежил профессор. — Впоследствии Вы решите посвятить свою жизнь науке и в 2025 году постройте машину времени. Ваша случайная смерть обернулась бы катастрофой. Судите сами: если бы Вы умерли, Вы бы не построили машину времени. А если нет машины времени, то как мы могли поехать в прошлое и сбить Вас? Возник бы временной парадокс, который бы уничтожил Вселенную!

— Бог ты мой! Из-за одного человека мог погибнуть весь мир! — в ужасе прошептал Дмитрий.

— Во Вселенной всё взаимосвязано. Если изменится что-то одно — изменится и всё остальное. Поэтому во время путешествий в прошлое категорически запрещается что-либо менять, — объяснил Борис Иванович. — Но в данном случае изменения были вызваны ошибкой компьютера, которую мы не смогли вовремя обнаружить. Этот пример наглядно показывает, насколько опасными могут быть путешествия во времени. Если мы вернёмся, я поставлю вопрос о прекращении дальнейших исследований.

— Вы сказали «если вернёмся». Что это значит? — не понял Чудов. — Ведь Вы уже в своём времени. Разве не так?

— Так, да не так, — ответил Андреев. — Мы действительно переместились в 2056 год, но — не в тот, из которого отправились.

— Как это?

— Мы забрали Вас с собой в 2056 год, чтобы спасти от гибели. Получилось, что Вы исчезли на 50 лет. И, стало быть, никак не могли создать машину времени в 2025 году. Поэтому, когда мы переместились, мир вокруг нас стал другим, и в нём машины времени нет.

— Вот так номер! — воскликнул Дмитрий. — Выходит, мы здесь застряли?

— Не совсем. Есть возможность всё исправить. Для этого мы должны вернуть Вас в прошлое, будто Вы никуда и не исчезали. Тогда ход событий пойдёт по-старому, Вы постройте машину времени, а мы попадём в нормальный 2056 год.

— Но стойте! Вы сказали, что в этом будущем машины времени нет. Тогда как Вы собираетесь вернуть меня обратно?

— Скоро будет, — уверенно ответил профессор. — Я работал над проектом машины времени; под Вашим, кстати, руководством. И уже восстановил чертежи необходимого оборудования. Осталось собрать генераторы частоты времени и усилители. После чего раздобыть программу перемещения. — Он повернулся к Дмитрию. — И нам потребуется Ваша помощь.

— Но чем я могу помочь? Ведь я ещё не создал машину времени...

— Для перемещения нам нужна формула, которую Вы собирались представить на конференции.

— Вы имеете в виду формулу, которую я вывел с помощью статистической программы? Выходит, она действительно правильная?

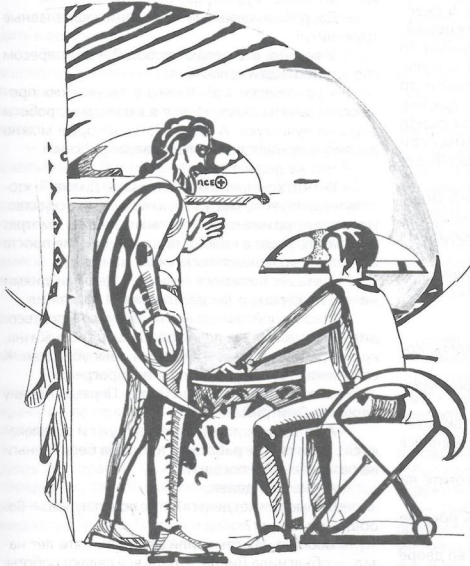
— Более чем! — подтвердил Андреев. — Мы называем её «формулой времени». Без неё невозможно определить частоту пункта назначения, а значит, нельзя воспользоваться машиной времени. Если формула попадёт в дурные руки, любой проходимец сможет менять историю по своему усмотрению. Поэтому она строго засекречена. И в этом измерении её знаете только Вы.

— Ну надо же! — удивился Чудов. — Никогда не думал, что стану обладателем такой бесценной информации! Конечно, я Вам её дам. Доклад у меня в портфеле. Кстати, где он?

— Здесь, — Борис Иванович открыл шкаф и достал чёрный портфель.

— Можете взять доклад, — разрешил Дмитрий.

— Пусть он пока будет у Вас. Сначала надо собрать оборудование и установить программу. А потом Вы дадите формулу. Кстати, никто из группы не знает, что в докладе она есть, — предупредил Андреев, убирая портфель обратно в шкаф. — После создания машины времени она была удалена из всех источников в целях

безопасности. Так что если будут спрашивать, Вы говорите, что пока формулу не знаете, но попытаетесь вывести.

— Договорились, — согласился юноша.

Профессор встал и попрощался с Дмитрием.

— Не буду Вас долго задерживать. Отдыхайте, набирайтесь сил. На днях я ещё к Вам зайду.

— Борис Иванович, последний вопрос, — обратился к нему Чудов. — Вы говорите, что если бы я умер, то не изобрёл бы машину времени, и это бы вызвало парадокс, грозящий гибелью всей Вселенной. Но вы забрали меня в будущее, и всё равно получилось, что я её не изобрёл. Почему же Вселенная до сих пор не взорвалась?

— А ведь мне это не приходило в голову! — признался учёный. Он крепко задумался, и наконец ответил: — Очевидно, Вселенная знает, что Вы остались живы, и даёт нам шанс исправить ситуацию. Мы просто обязаны воспользоваться этим шансом!

Глава 13

Екатеринбург, 2056-А г.

На следующий день с утра Дмитрию сделали процедуру энерготерапии. С помощью специального прибора, воздействующего на энергетическое поле, врачи укрепляли иммунитет пациента и увеличивали восстановительные силы организма. Это заставляло кости срастаться намного быстрее: мелкий перелом срастался примерно за 5 дней, а Чудову, с учётом полученных повреждений, требовалось вдвое больше времени — примерно полторы недели. Поскольку лечение началось ещё пять дней назад, когда юноша был без сознания, то впереди оставалась всего половина курса терапии. Кости уже частично срослись, и вскоре, как сказал врач, больной сможет вставать и передвигаться при помощи костылей. А через неделю и вовсе будет бегать как ни в чём не бывало.

Когда Диана вошла в палату, Дмитрий сидел в кресле и смотрел в окно. На нём будет надет медицинский корсет. Увидев девушку, он попытался привстать, но не смог.

— Сидите, сидите, — остановила его Диана. — А у нас прогресс, как я вижу! — добавила она с улыбкой.

Молодой человек улыбнулся в ответ.

— Доктор мне разрешил немного посидеть. Хорошо у вас тут врачи!

— Я принесла Вам фотоальбом о Екатеринбурге. Думаю, интересно будет почитать!

— Спасибо огромное! — с благодарностью ответил Чудов. — Очень хочется взглянуть, как изменился город за 50 лет.

— Положу книгу на тумбочку... А не хотите ли прогуляться? — вдруг предложила она.

— Я бы с удовольствием, но вставать пока не могу...

— А я Вас повезу на кресле! Погуляем во дворе немного; думаю, врач не будет против.

— Идём! — кивнул Дмитрий. — Только что мы всё на «Вы»? Мы ведь почти ровесники! Может, перейдём на «ты»?

— Как скажешь, — ответила Диана, слегка покраснев.

Она выкатила кресло в коридор и подвезла его к довольно большой круглой платформе.

— Сейчас спустимся вниз, — сказала девушка.

— Это что — лифт? — спросил Чудов. — А где же кабина?

— Нет, это телепортёр. Он никуда не ездит, перемещаемся мы сами. Вот смотри, сейчас мы сразу окажемся на первом этаже.

С этими словами она нажала кнопку на пульте. На мгновение стало темно, а когда темнота исчезла, Дмитрий с удивлением обнаружил, что они находятся в просторном помещении, вокруг сновали роботы и люди. На стене висела табличка «1 этаж».

— Приехали, — сообщила Диана.

Они подошли к стеклянным дверям, и те сами открылись. Девушка выкатила кресло во внутренний двор больницы. Он был очень зелёным и уютным. Яблони уже отцвели, зато благоухала сирень. По дорожкам неторопливо прогуливались пациенты в пижамах. Некоторые сидели на скамейках и кормили птиц. Было тепло и солнечно.

Диана подвезла Чудова к краю скамейки, а сама села рядом.

— Хорошо в будущем! Всё так ухожено, чистоенько! — восхитился Дмитрий.

— Да, роботы следят за этим... Они наши главные труженики!

— У вас что, всё делают роботы? — с интересом спросил молодой человек.

— Практически всё. Только в творческих профессиях заняты люди. И ещё в кулинарии: роботы вкуса не чувствуют. А все работы, которые можно распisać по действиям, выполняют роботы.

— Что же делают люди?

— Кто что хочет, — пожалла плечами Диана, — кто-то путешествует по миру, кто-то подался в искусство. Некоторые развлекаются целыми днями: смотрят телевизор, ходят в кино, в театры. А многие просто бездельничают, лезут от скуки на стенку.

— Жуть... — поёжился Чудов. — Целыми днями ничего не делать, и так десятки лет! Я бы спятил.

— Многие действительно сходят с ума, — подтвердила девушка. — Им нечем заполнить свою жизнь, кроме работы, и они совершают самоубийство. К сожалению, это обратная сторона прогресса.

Некоторое время сидели молча. Первым тишину нарушил Дмитрий.

— А те люди, которые путешествуют и развлекаются... Если они не работают, то откуда берут деньги на развлечения и поездки?

— А у нас нет денег.

— В смысле: «нет денег»? — не понял Чудов. — Вообще, что ли, нет?

— Вообще. Их отменили двадцать пять лет назад, — объяснила Диана. — Ведь всё делают роботы,

которым за труд не нужны деньги. Они производят все товары просто так.

— А как же люди их получают, без денег?

— Ну, как... Приходят в магазин и берут, что хотят.

— Вот это класс! — взорвался прощептал гость из прошлого. — То есть я могу взять любую вещь совершенно бесплатно?! И не надо ничего давать взамен?

— Нет.

В глазах Дмитрия вспыхнули задорные огоньки. Он осторожно спросил:

— А можно будет взять что-нибудь с собой? Какую-нибудь современную технику?

— Не знаю, — растерялась Диана. — Борис Иванович предупреждал, что ничего нельзя брать из прошлого в будущее. А из будущего в прошлое — он не говорил.

«Надо будет узнать у него, — подумал Чудов. — Вот родители удивятся, когда я притащу крутой телик или компьютер из будущего!».

— А путешествия во времени тоже бесплатны? — обратился он к спутнице. — Ты говорила, что вас везли на экскурсию. Значит уже и студенты ездят в прошлое, как на пикник?

— Вообще-то я ещё в школе учусь, — смущённо ответила Диана. — В последнем классе. Этой осенью пойду в институт.

— А я думал, ты студентка первого курса!

— Пока нет, но скоро стану.

— И ты решишь проветриться напоследок, съездить в прошлое...

— Это случайно получилось. По решению Всемирного Правительства машиной времени могут пользоваться только учёные. Посторонних к ней не допускают. А отдел времени тщательно охраняется.

— Как же они проморгали целый автобус со школьниками?! — поразился юноша.

— Потому что сами нас пустили. — И Диана рассказала, как она, неожиданно для себя самой, стала одной из лучших учениц города и выиграла поездку на машине времени; как готовилась к путешествию вместе с другими победителями; как ждала этого момента и как печально, в итоге, всё обернулось.

— Выходит, я вам испортил всю экскурсию, — не весело произнёс Дмитрий.

— Ты не виноват. Откуда тебе было знать, что машина времени отправит нас не туда...

— Неоткуда, — согласился молодой человек. — Слушай, Диана, — вдруг спохватился он, — а меня врачи не потеряют? Я же не сказал, что мы ушли погулять!

— Не волнуйся, — успокоила его девушка. — Видишь этот браслет у себя на руке? В него встроены передатчик, так что врачи прекрасно знают, где ты сейчас находишься. К тому же, я предупредила медсестру, что мы будем во дворе.

— А вот и она, легка на помине! — воскликнул Чудов.

К ним подошла медсестра-робот.

— Извините, пожалуйста. Сейчас время процедуры.

— Как, уже?! — изумился больной. Он посмотрел на часы в браслете. — Действительно! Надо же, мы уже целых два часа разговариваем! Как быстро летит время!

Он попрощался с Дианой. Та пообещала придти вечером и, может быть, привести ребят. Медсестра повезла Дмитрия в корпус.

— Пока, Диана! — крикнул он. — Увидимся вечером!

Однако мы совсем забыли про Сосновцева и Лазаренко. Что они делали всю неделю?

А ничего они, собственно, и не делали. Поселились в гостинице «Эрмитаж» на берегу озера и стали ждать, когда профессор соберёт машину времени. Что им ещё оставалось?

На листок с формулой, украденный из портфеля Чудова, с момента прибытия они даже не взглянули. Да и какой смысл! Всё равно в этом мире от формулы времени не было никакого толку.

— Сделаем так, — решил Сосновцев, — сначала попадём в своё измерение, а там уже воспользуемся нашей машиной времени.

— Послушайте, дядя Юра, — сказал Сергей, — может, хватит экспериментов? Из-за своих амбиций Вы поставили под удар всё будущее! А если бы Чудов погиб и Вселенная разрушилась? Вы об этом подумали?

— Не погиб же! Хватит сопли разводить! Ты что, не хочешь больше участвовать в нашем деле? Не забывай: если план провалится, нас обоих ждёт пожизненное заключение! Мы теперь оба с тобой повязаны! Так что не вздумай отступать!

Сергей промолчал. Он знал, что Сосновцев прав. Попытка изменить историю — серьёзное преступление, в котором Лазаренко был соучастником. И если их замысел раскроется, то остаток дней им придётся провести в тюрьме. Он давно пожалел, что свёзлся с дядей, но раскаиваться было поздно. Выбор был невелик: или слава, или позор до конца жизни.

Вечером школьники собрались в приёмном покое больницы, с ними был Борис Иванович. Диана спросила у робота-администратора, можно ли видеть больного. Тот утвердительно кивнул и велел медсестре привезти пациента.

Спустя некоторое время на платформе телепортера появилось кресло, в котором сидел Дмитрий. Робот подвез его к ребятам, и те с любовью и изобретателя.

— Добрый вечер, Дмитрий! — поздоровался профессор. — Разрешите представить Вам лучших учеников города Екатеринбург. Диану Вы уже знаете. А вот и другие победители конкурса!

Екатеринбург, 2056- А г.

Прошло два дня. Борис Иванович с помощью роботов закончил сборку генераторов и усилителей частоты времени. Оставалось достать программу перемещения.

Профессор решил обратиться к тому же программисту, который написал её в «правильном» 2056 году. Он пригласил его к себе и объяснил задачу.

— Вот это оборудование, — он показал на усилители, — подключено к компьютеру. Вы можете написать такую программу, которая позволяла бы рассчитать частоту колебаний при помощи произвольной формулы и воспроизвести эту частоту через усилители?

Программист внимательно выслушал Андреева и задал встречный вопрос:

— Если я правильно понял, Вы хотите, чтобы в программу вводились исходные данные и некая формула, позволяющая рассчитать нужную частоту колебаний на основе этих данных?

— Совершенно верно. Мы вводим начальную частоту, рассчитываем по формуле конечную частоту и воспроизводим её через усилители.

— Да, я могу написать такую программу, это несложно, — ответил компьютерщик. — Только скажите, пожалуйста, зачем это Вам?

— Это... научный эксперимент по изучению торсионных полей, — сказал профессор первое, что пришло ему в голову. — Я собираюсь писать диссертацию на эту тему, и мне нужны результаты исследований. Только на работе некогда этим заниматься. Приходится всё делать в свободное время...

— Ну что ж, постараюсь Вам помочь, — согласился программист. — Думаю, завтра будет готово. Я заеду к Вам часа в четыре и установлю программу.

На том они и расстались. Последняя проблема была решена.

Дмитрий Чудов уже окреп настолько, что мог самостоятельно передвигаться при помощи костылей, но ещё носил корсет, фиксировавший сломанные рёбра. Врач сказал, что через пару дней он сможет совершенно нормально ходить.

Диана навещала его каждый день. Они подолгу гуляли в больничном парке и часами разговаривали о самых разных вещах. За это время молодые люди очень подружились. Дмитрию казалось, что они знакомы уже целую вечность. Никто не понимал его так хорошо, как эта прелестная девушка, которая была не по годам умна и образованна. Речь её была чистой, без грубых слов, которыми так грешила молодёжь начала 21-го века. Приятной неожиданностью оказалось и то, что она не курила, в отличие от подавляющего большинства девушек 2006 года. Юноша поймал себя на мысли, что с нетерпением ждёт каждого визита Дианы и скучает, когда не слышит её голос.

— Очень приятно! — сказал молодой человек. — Вот, значит, они какие — школьники будущего!

Ученики с неподдельным интересом смотрели на него, слегка перешёптываясь. Тим первым подскочил к Чудову и протянул руку.

— Привет! Рад познакомиться! Я Тим, учусь во 2-й школе, в 10-м классе.

— В самом деле? Я ведь тоже учился в этой школе! — обрадовался Дмитрий. — Она что, до сих пор существует?

— А куда она денется! — ответил Тим. — Наша школа — одна из старейших в городе! Она ещё сто лет простоят! — добавил он с гордостью.

Остальные ребята, осмелев, тоже стали подходить к юноше.

— Первый раз Вас живым вижу! — воскликнула одна из девушек.

— Можно подумать, раньше Вы меня видели исключительно мёртвым! — пошутил Чудов.

Ребята буквально засыпали Диму вопросами, он не успевал на них отвечать. Многие просили автограф. Постепенно разговор подошёл к главному — постройке машины времени.

— Вы можете вывести формулу времени? — с надеждой спросили ребята.

— Не знаю, — ответил Дмитрий, помня о разговоре с Андреевым, — но я сделаю всё, что смогу. Обещаю, мы исправим ошибку и вернём вас в нормальное будущее!

Те же чувства испытывала Диана. Она не хотела себе в этом признаваться, но Дмитрий стал ей очень дорог, и она не могла дожидаться, когда снова увидит его. Девушка с грустью сознавала, что всё ближе тот день, когда они расстанутся навсегда, разделённые непреодолимой пропастью времени.

В последний день пребывания Чудова в больнице Диана снова пришла к нему.

— Ну вот, скоро тебя выпустят, — сказала она, пытаясь казаться бодрой, хотя от грусти хотелось плакать. — Тебе из-за нас пришлось пережить столько неприятностей!

— Нет худа без добра, — ответил Дмитрий. — Если бы вы меня не сбили, я бы не попал в будущее. И ещё... — он запнулся, — ... я не познакомился бы с тобой, Диана!

Девушка опустила глаза. Он словно прочёл её мысли!

— Я тоже рада, что мы встретились! — проговорила она. — Знаешь, ты оказался таким... нормальным!

— А почему я должен быть ненормальным?

— Я не в том смысле. Просто... нам рассказывали, что ты за всю жизнь так и не женился. Вот я и думала: почему? Из-за характера, что ли? Теперь вижу, что характер у тебя замечательный.

— Спасибо! Не часто услышишь комплимент от девушки. Тем более, от такой красивой!

— Разве девушки тобой не интересуются? — вкрадчиво спросила Диана.

— Скорее, я ими не интересуюсь, — ответил Дмитрий, но тут же сообразил, что ляпнул что-то не то, и попытался объяснить: — Понимаешь, Диана, в душе я безнадежный романтик. Мне нравится любоваться закатом, читать книги с хорошим концом, смотреть комедии. А девушки в наше время почти поголовно курят, пьют, ругаются матом. Ведут себя очень развязно и грубо. В парнях ценят только деньги и силу, а меня считают слабохарактерным неудачником. Я надеялся, что когда-нибудь встречу девушку, которая будет красивой, умной и воспитанной, и которая будет встречаться со мной не ради денег, а ради любви. Найти такую в 2006 году просто нереально. Разве что в будущем...

Он повернулся к Диане и внимательно посмотрел на неё. Фактически перед ним сидела идеальная девушка, которую он так давно искал! Длинные светлые волосы, золотом отсвечивающие в лучах солнца, обрамляли её юное лицо, а тёмно-синие глаза казались двумя звёздами. Рядом с ней ему было так хорошо и легко! Меньше всего на свете он хотел, чтобы они расстались. И Дмитрий понял, что никогда себе не простит, если не сделает одну очень важную вещь.

— Диана, я хотел тебе сказать... — начал он.

— Нет, это я хотела тебе сказать... — перебила Диана.

— Давай ты первая!

— Нет, сначала ты!

— Ну хорошо... Я никогда раньше не говорил такие

вещи, поэтому может получиться нескладно... — он глубоко вздохнул. — Диана! За ту неделю, что мы знакомы, ты стала для меня очень близким человеком. Я постоянно хочу видеть тебя, слышать твой голос, быть рядом с тобой... Тот день, когда меня сбил ваш автобус, стал самым счастливым днём в моей жизни: я встретил тебя! И ради этого я бы, не раздумывая, бросился под него ещё раз!

У Дианы на глаза навернулись слёзы. Юноша продолжал:

— Ты мне очень нравишься, и я хотел сказать... — он покраснел до ушей и, зажмурившись, выдохнул: — Я люблю тебя!

Когда он произнёс эти слова, ему показалось, что сейчас с неба ударит молния и поразит его за дерзость. Но всё было спокойно. Дмитрий медленно открыл глаза и с опаской посмотрел на девушку. Больше всего он боялся, что она рассмеётся ему в лицо. Однако Диана и не думала смеяться. Она помолчала несколько секунд, а потом вымолила:

— Дима, ты знаешь... Ты мне тоже стал очень дорог, и я... Я тоже люблю тебя! — очень тихо сказала она.

Они медленно приблизились друг к другу, и их губы робко соприкоснулись. В этот момент всё вокруг будто растворилось, перестало существовать. Исчез парк с раскидистыми деревьями, исчезли люди, гуляющие по дорожкам, исчезла безбрежная синева неба. Были только двое влюблённых и первый в их жизни поцелуй — самое незабываемое происшествие, которое останется в памяти навсегда.

Глава 15

Екатеринбург, 2056-А г.

Утром Борис Иванович заехал за Чудовым в больницу. Обследование в геокамере показало, что пациент полностью здоров. Кости срослись, и теперь он мог ходить и бегать, как прежде.

Дмитрий оделся, взял портфель с докладом и положил в него альбом о Екатеринбурге будущего, который подарила Диана. Профессор разрешил ему взять книгу с собой в 2006 год.

— Только показать её ты никому не сможешь, — предупредил он.

Выйдя из больницы, они сели в автомобиль, и тот плавно поднялся в воздух. Учёный решил не ехать сразу в гостиницу, а сделать круг над городом, чтобы юноша полюбовался видами. Когда ещё представится такая возможность!

Под ними проплывал Екатеринбург 2056 года. Дмитрий заворожённо прилип к окну. Район Втузгородка, где находился Уральский технический университет, практически не изменился, его молодой человек сразу узнал. На востоке блестело, как зеркало, озеро Шарташ. За ним, на горизонте, вырисовывались силуэты небоскрёбов и многоэтажных домов.

— Что это там, за озером? — спросил Чудов. — Вроде раньше ничего не было.

— Итальянский квартал, — объяснил профессор. — Его закончили строить в 2017 году. Там расположены Евразийский университет, студенческий городок и спортивные сооружения.

— Да, его как раз собирались строить! — вспомнил Дмитрий. — Но в 2006 году он был ещё в проекте.

Автомобиль повернул на запад, двигаясь вдоль Главного проспекта. Юноша с интересом разглядывал небоскрёбы рядом с гостиницей «Большой Урал», башни Сити, широкую полосу парков вдоль реки Исеть.

Дмитрий отметил, что город будущего был очень зелёным, и это его обрадовало. В начале века деревья вдоль улиц и даже целые парки безжалостно вырубались ради расширения дорог, устройства автостоянок и строительства огромного числа торговых центров. В погоне за прибылью люди забывали о красоте и экологии. Но когда машины стали летать по воздуху, широкие дороги оказались не нужны, и газоны с деревьями вернулись на прежнее место.

Ещё примерно полчаса автомобиль кружил над городом, а затем приземлился возле гостиницы «Октябрьская».

— Сейчас снимем Вам номер, — сказал Андреев. — А после обеда поедем на испытания машины времени. Если всё пройдёт успешно, завтра мы вернём Вас домой.

— Как, уже завтра?! — с грустью воскликнул молодой человек. — Я так надеялся подольше здесь остаться!

— Я Вас понимаю, — ответил профессор. — Диана Вам очень нравится, и она к Вам тоже неравнодушна. Но Вам нужно вернуться в 2006 год и построить машину времени, иначе вы вообще никогда не встретитесь. К сожалению, иногда приходится отказываться от того, что нам дорого...

Дмитрий молчал. Он знал, что выбора у него, по большому счёту, нет. Но сердце разрывалось при мысли о том, что он навсегда потеряет свою первую любовь.

— Я понял, Борис Иванович, — тяжело вздохнул он, — но можно нам хотя бы последний день провести вместе? Разрешите Диане поехать с нами на испытания!

— Конечно, — кивнул учёный, — пусть едет с нами.

Андреев прекрасно понимал, какие чувства испытывают молодые люди, зная, что больше никогда не увидятся. Поэтому он разрешил Чудову взять девушку с собой.

Войдя в холл, Дмитрий сразу увидел Диану. Она ждала его возвращения и, радостно подбежав к нему, крепко обняла.

— Как хорошо, что ты поправился! — сказала она. — Теперь вы с Борисом Ивановичем выведете формулу, и мы вернёмся в своё измерение.

— Больше всего на свете я хочу быть с тобой, Диана! — ответил юноша. — Но если всё пройдёт удачно, уже завтра мы расстанемся навсегда... Я бы

хотел, чтобы последний день в будущем мы провели вместе! Профессор разрешил тебе поехать на испытания машины времени. И ты должна знать: формула времени уже готова, она в моём докладе. У нас есть всё, что нужно, и мы можем отправляться в прошлое хоть сейчас. Только, пожалуйста, никому не говори: это секретная информация.

Девушка кивнула. Значит она была права: формулу удалили из доклада, а изначально она в нём была...

Ученики приняли известие о скором возвращении радостными криками «Ура!». Только Дмитрию и Диане было совсем несвесело.

— В честь чего такое веселье? — раздался мужской голос.

В ресторан вошли Сосновцев и Лазаренко. Чудов вытаращил глаза.

— Диана, ты посмотри! — прошептал он. — Это же... Ой, я не могу! Ну просто вылитый!..

Мужчины подошли к столу.

— Я вижу, наш больной уже совершенно здоров! — сказал Сосновцев. — Надеюсь, с Вашей помощью мы вернёмся в нормальный пятьдесят шестой год!

— Я сделаю всё, что в моих силах, — ответил юноша, еле сдерживая смех. — А Вы, простите...

— ...Сосновцев Юрий Петрович, заместитель мэра Екатеринбурга. По моей инициативе состоялась наша поездка в 2006 год. Мне жаль, что так получилось с автобусом, — добавил он. — Я рад, что всё обошлось!

— Сергей Лазаренко, историк-краевед, — представился второй мужчина. — Приятно познакомиться!

Дмитрий пожал им обоим руку, широко улыбаясь. До чего же этот Сосновцев похож на Гитлера! Хоть в кино снимай без грима!

— Мы с Димой попытаемся вывести формулу времени, — сказал Борис Иванович. — Надеюсь, скоро вы все окажетесь дома.

Побоудав, ребята разошлись по своим делам, а Диана с Чудовым и профессор Андреев направились в гараж, где стояла машина времени.

Перед ними предстал аппарат, похожий на концертную установку, подключённую к компьютеру. Рядом стояли какие-то железные ящики — генераторы частоты.

— Это и есть машина времени? — спросил Дмитрий. — Если честно, я её не так себе представлял.

— Это упрощённый вариант, — ответил учёный. — Мы собрали его по восстановленным чертежам. Вообще-то, машина времени должна находиться в специальном оборудованном помещении, не пропускающем электромагнитные волны. Но в данном случае приходится довольствоваться тем, что есть. Программа перемещения уже установлена. К сожалению, эта версия не позволяет перемещаться в пространстве, в отличие от нашей, поэтому нам

нужно будет погрузить аппарат в автобус и подъехать своим ходом к месту отправления. Там мы и откроем портал.

Профессор включил компьютер и запустил программу. Затем ввёл исходную частоту, время отправления и назначения.

— Для проверки мы отправим какой-нибудь предмет на одну минуту в будущее. Дима, введите, пожалуйста, формулу для расчёта частоты!

Юноша полез в портфель и вытащил свой доклад.

— Это должно быть где-то в конце, — сказал он, открыв оглавление. — Сейчас найдём...

Внезапно он поблелел и начал лихорадочно перелистывать страницы.

— Ничего не понимаю... — прошептал он растерянно.

— Что случилось? — с тревогой в голосе спросил Андреев.

— Формула времени! — в отчаянии воскликнул Дмитрий. — Её украли!!!

Глава 16

Екатеринбург, 2056-А г.

Профессор с Дианой стояли, остолбенев от неожиданности. Борис Иванович первым пришёл в себя.

— Это невозможно! Никто не знает, что она у нас есть!

— Смотрите, — показал Чудов, — формула должна быть на 36-й странице. Вот 35-я, а за ней сразу идёт 37-я. Страница с формулой вырвана!

— Действительно! — убедился Андреев, заглянув в доклад. — Формулу похитили! Но кто мог это сделать?!

— Тот, кто знал, что формула есть в докладе! — резонно заявила Диана. — Кто-то из группы. Ведь в этом измерении машины времени нет; стало быть, о формуле мог знать только наш человек.

— Вот оно что! — воскликнул профессор. — Теперь я понял!

— Что Вы поняли?

— Машина времени ошиблась и послала вас немного дальше по маршруту, — объяснил учёный. — Мы все думали, что это случайность. А что, если нет? Разве не странно, что автобус оказался прямо перед зданием, где должна была начаться конференция?

Он принялся развивать свою мысль:

— Допустим, кто-то знает, что в докладе Димы есть формула времени. Он решает попасть на конференцию и раздобыть её. Для этого он изменяет координаты точки назначения, так что робот, которого мы послали записать маршрут экскурсии, какое-то время не видит автобус. Не видим его и мы, ведь он стоит за углом. Пока автобус находится вне зоны видимости, этот человек незаметно выбирается из него и проникает на конференцию. Потом

он дожидается группу в точке возвращения и присоединяется к ней как ни в чём не бывало. Но его планы нарушили Вы, Дмитрий. Преступник не мог знать, что Вы будете переходить дорогу в то самое время и в том самом месте, куда переместится автобус. В чём-то его задача даже упростилась. Вместе со всеми он вернулся в автобус и спокойно украл формулу из портфеля. Никто этого не заметил, так как все смотрели на Диму.

— Вы просто Шерлок Холмс! — восхищённо сказал молодой человек. — Держу пари, так всё и было. И я даже знаю, кто это сделал!

— Кто? — хором спросили Диана с Андреевым.

— Элементарно, Ватсон! — хриплым баритоном произнёс Чудов. — Преступник, разумеется, заранее готовился к операции. Прежде всего ему надо было попасть в прошлое. Но как это сделать? К машине времени его бы на пушечный выстрел не подпустили. И тогда он придумал очень хитрый план: организовать конкурс, победитель которого отправится в день проведения конференции. Сам он, разумеется, тоже бы поехал как идейный вдохновитель сего мероприятия.

— Сосновцев! — догадалась Диана.

— Именно! Вот кто украл формулу времени и поменял координаты точки назначения!

— Нет, подождите, — задумчиво сказал Борис Иванович. — Чтобы поменять координаты, нужно взломать программу в компьютере машины времени. А к ней Сосновцев доступа не имел. Это мог сделать только кто-то из наших сотрудников.

— Значит, у него был сообщник.

— Постояйте! — вдруг сообразил учёный. — Мы часто приглашали для консультаций по истории одного научного сотрудника. Он иногда присутствовал при перемещениях. Наверняка это он запустил вирус в компьютер! Его зовут...

— ...Сергей Лазаренко! — в один голос закончили Дмитрий и Диана.

Всё совпадало. Сосновцев и Лазаренко были в створе. Один изменил координаты точки назначения, а другой собирался проникнуть на конференцию и достать формулу. В итоге они её всё-таки достали, но при этом попались в собственные сети. Изменив координаты, они оказались косвенно виновны в наезде на Чудова, и его пришлось забрать в будущее. В результате они оказались в параллельном измерении, где машины времени не было вообще. И формула, за которой они охотились, оказалась абсолютно бесполезной.

— Что будем делать? — спросила Диана. — Раскром их?

— У меня идея получше, — ответил юноша. — Если им так нужна формула, мы дадим им её.

— Что?! — не веря своим ушам, воскликнула Диана.

— Они ведь украли формулу из доклада.

— Ну да. И что дальше?

— Мы подменим формулу! — торжествуя изрёк Чудов. Он изложил свой план: — Я отправлюсь в ночь на 11 мая 2006 года и заменю 36-ю страницу доклада. Получится, что Сосновцев похитил заведомо неправильную формулу. Как только я вернусь в прошлое, настоящая формула на украденном листке изменится на поддельную. Когда Сосновцев приедет в нормальный 2056 год и попытается ею воспользоваться, его будет ждать большой сюрприз!

— План хороший, — похвалил Борис Иванович. — Но ты забыл: настоящая формула украдена, а значит, мы не сможем отправиться в прошлое и подменить её.

— Как бы не так! — с этими словами Дмитрий достал из портфеля тетрадь. Он открыл страницу с каким-то графиком, и профессор увидел формулу.

— Когда я вывел её, то на всякий случай решил переписать в тетрадь, — объяснил молодой человек. — Файл может стереться, а «что написано пером — не вырубишь топором!» Ну, куда её надо вводить?

Он набрал формулу в графе «Параметры расчёта». Профессор нажал кнопку «Пуск», и все с нетерпением повернулись к усилителям. Воздух между ними стал плотнее, заструился, искривляясь, и вот уже образовалась воронка — портал времени. Андреев взял палку и бросил в воронку. Окно медленно закрылось.

Все стали ждать, что будет дальше. Прошла минута. Гараж осветила вспышка, и буквально из воздуха вывалилась палка.

— Эксперимент удался! — произнёс учёный. — Можем отправляться домой.

— Отлично! Борис Иванович, позвоните програм-

мисту. Надо распечатать фальшивую страницу с формулой. Устроим жуликам небольшой подарочек!

Глава 17

Екатеринбург, 2056-А г.

Программист подошёл к видеофону быстро. Он выглядел озадаченным.

— Что, программа не работает?

— Нет-нет. С программой всё в порядке, — успокоил его профессор. — Просто хотел спросить кое-что. Вы не знаете, где можно найти компьютер с дисководом для трёхдюймовых дискет начала века и с операционной системой «Windows-2000»?

— Зачем Вам этот металлолом?

— Понимаете, мы нашли старую дискету; хотим посмотреть, что на ней записано.

— Такая техника осталась только в Музее радио. Обратитесь туда!

— Вы слышали? — повернулся профессор к молодым людям. — В Музее радио есть такой компьютер. Поезжайте туда и распечатайте нужную страницу!

Диана с Чудовым сели в машину. Только тут Дмитрий заметил, что в автомобиле нет ни руля, ни педалей.

— Как же им управлять? — изумился он.

— Очень просто, — ответила девушка. Она включила бортовой компьютер и чётким голосом скандовала: «Музей радио!». На экране тут же появилась карта, на которой замигал красный кружок — пункт назначения. Автомобиль поднялся в воздух и полетел в указанном направлении.

— Вот и всё! — откинулась она на сиденье.

— Здорово! — восхитился юноша. — Не надо смотреть на дорогу! Можно спокойно любоваться видами... или попутчиками, — добавил он, повернувшись к Диане.

— Как бы мне хотелось поехать с тобой! — со вздохом сказала она.

— Мне бы тоже этого хотелось больше всего на свете. Будь ты года на два постарше, я бы хоть сейчас предложил тебе выйти за меня замуж! — с жаром произнёс Дмитрий. — Но ты привыкла к этому миру. У вас всё по-другому: нет денег, нет проблем с жильём, с работой... А у меня даже квартиры своей нет, я живу с родителями. Квартиры у нас стоят очень дорого, можно и за всю жизнь не накопить.

— А сколько «денег» нужно, чтобы хорошо жить в вашем времени? — спросила Диана. — Чтобы можно было взять и квартиру, и машину, и самую лучшую технику?

— Даже не знаю... — вопрос поставил Диму в тупик. — Где-то миллион или два миллиона долларов. Доллары — это американские «деньги», — пояснил он.

— Почему американские? Разве в России денег не было?

— Были, но доллары — это универсальная денежная единица, понятная во всём мире. На российские деньги это примерно 50 миллионов рублей.

— И этого хватит на всю жизнь?
 — При разумном подходе — вполне. Где-то половину потратишь на квартиру, машину, обстановку, остальное положишь в банк под проценты и будешь ежемесячно получать приличный доход.

— А что такое «банк»?
 — Ну, это такое место, куда люди на время отдают лишние деньги. Из банка эти деньги берут другие люди, у которых денег не хватает, а затем возвращают их, но уже больше, чем брали. Эта прибавка — плата за то, что они пользовались чужими деньгами. В общем, я сам толком не понимаю весь этот механизм, — признался он. — Просто у нас так принято — отдавать лишние деньги в банк.

Пока они разговаривали, машина приземлилась возле небольшого домика на улице Энгельса, где находился Музей радио.

— Здравствуйте, — сказал Чудов пожилой женщине-смотрителю, войдя в здание. — Скажите, пожалуйста, есть у вас в музее компьютер начала 21-го века?

— Есть, молодой человек. Проходите, пожалуйста! — пригласила экскурсовод.

Она повела их через зал, полный всякой диковинной техники. Здесь были железные ящики радиостанций с лампочками и ручками для переноски, тумбочка с малюсеньким экраном — первый телевизор и ещё много всякой всячины. В углу зала Дмитрий увидел привычный ему компьютер.

— Вот то, о чём Вы спрашивали, — сказала смотрительница. — Всё ещё работает!

— Вы не могли бы нам помочь? — юноша достал из кармана дискету. — Мы нашли вот эти и хотели бы посмотреть, что там записано, чтобы вернуть владельцу. Можно?

— Где Вы откопали такую древность? — удивилась женщина. — Их уже лет 40 не делают! Конечно, давайте посмотрим, что там.

Она включила компьютер. Дмитрий уверенным движением вставил дискету и открыл папку для просмотра файлов. Диана заворожено следила за его действиями.

— Вы будто каждый день с такими работаете! — поразилась экскурсовод.

— Да, приходилось пару раз...

Чудов открыл файл с докладом и вывел на экран 36-ю страницу.

— Надо же! — сказал он для виду. — Какие-то графики, формулы... Видимо, дискету потерял какой-нибудь учёный. А можно нам распечатать эту страницу?

— Хорошо, — согласилась женщина. Ей самой уже стало интересно.

— А что это там такое? — отвлекла её внимание Диана.

— Где? — обернулась старушка. В этот момент Чудов быстро заменил настоящую формулу на

поддельную. Сохранять файл он не стал, а сразу отправил страницу на принтер.

— Мы попробуем определить, кто владелец дискеты, — сказал он смотрительнице. — Спасибо, что помогли нам!

— Не за что! — отклинулась женщина. — Приходите к нам в музей!

— Обязательно! — пообещала Диана, и они вышли на улицу.

В машине Дмитрий достал доклад и вставил в него новую страницу.

— Этот доклад я положу себе прошлому в портфель, — объяснил он, — а настоящий заберу оттуда в будущее. И Сосновцев получит нашу подделку. Будет знать, как воровать формулы!

Пока молодые люди ездили в музей, профессор вызвал роботов, которые установили машину времени в автобус. Пару окон по бокам пришлось вырезать лазером, чтобы в них можно было выставить усилители. Теперь направленные волны открывали портал времени прямо перед автобусом.

Вскоре прибыли Диана и Чудов с поддельным докладом. Ехать решили ночью, так как днём их действия могли заметить. Андреев протянул Дмитрию прибор, похожий на наручные часы.

— Что это? — спросил юноша.

— Переносной телепортёр. Позволяет перемещаться в пространстве на расстояние до 20 метров. С его помощью Вы незаметно попадёте к себе в квартиру.

— Зачем? У меня есть ключи.

— И Вы разбудите весь дом, ковыряясь ими в замке посреди ночи!

— А ведь правда! — сообщила Диана. — Тогда он мне, пожалуй, пригодится.

— Учтите, он действует только в направлении, указанном стрелкой, — предупредил Борис Иванович. — Так что следите, чтобы она была направлена на Вашу дверь!

Они договорились встретиться в холле гостиницы в 2 часа ночи, после чего покинули гараж и отправились по своим делам.

Глава 18

Екатеринбург, 2056-А г.

В последний вечер перед отправлением Диана и Дмитрий не расставались. Они сидели на скамейке в дендрарии и молча смотрели друг на друга, словно пытаясь сохранить в памяти образ любимого человека. Для них обоих это была первая любовь, и тем больнее было терять её, не успев обрести. Хоть и говорят, что время — лучший лекарь, но в данном случае время стало жестоким разлучником, навсегда отрывающим любящих людей друг от друга.

— Скажи мне свой адрес, — попросил Дмитрий, — я напишу тебе письмо.

— Письмо? Но дойдёт ли оно?

— А я всё-таки напишу! — упрямо повторил юноша. — Я согласен и сам отправиться с тобой в будущее. Меня останавливает лишь то, что я должен изобрести машину времени, иначе мы с тобой никогда не встретимся. А этого я не могу допустить!

Влюблённые наслаждались последними часами, отпущенными им Вселенной. Уже завтра между ними ляжет пропасть шириной в 50 лет, и больше они никогда не смогут вместе прогуляться по парку, посидеть в тени деревьев, поговорить о простых вещах.

Молодой человек был бесконечно благодарен Сосновцеву за то, что тот невольно помог им с Дианой найти друг друга. Тем не менее, он по-прежнему был опасен, и его надо было остановить.

Диму разбудил будильник. На часах горели цифры «2:00». Одевшись, он спустился в холл, где его уже ждали Борис Иванович с неизвестным мужчиной.

— Это наш водитель, андроид, — сказал профессор. — Я Вам о нём рассказывал.

— Действительно, выглядит, как человек! — похвалил Чудов.

Автобус стоял у гостиницы. Юноша сел рядом с роботом и показывал дорогу. Город был ярко освещён, и ориентироваться в нём не составляло труда. Через 20 минут автобус остановился у дома, где когда-то жил Дмитрий.

— Ну-с, приступим! — произнёс Андреев, нажимая кнопки. В оконные проёмы из салона выдвинулись усилители на кронштейнах и повернулись слегка под углом. Учёный ввёл время назначения, а Чудов набрал формулу. Затем он взял доклад и прибор ночного видения, надел переносный телепорт и вышел на улицу. Перед ним разверзлась воронка времени.

— С Богом! — воскликнул Дмитрий, шагнув в портал, и исчез в яркой вспышке. Пройдя сквозь «окно», он оказался в своём дворе в 2006 году. Это он понял сразу по кромешной тьме, царившей вокруг. Войдя в подъезд, молодой человек осторожно поднялся по лестнице на третий этаж, стараясь не шуметь. На телепортере было выставлено расстояние 1 м. Чудов подошёл к своей квартире, направил стрелку на дверь и нажал зелёную кнопку. Обстановка тут же изменилась — он уже стоял в своей прихожей. Включив прибор ночного видения, Дмитрий на цыпочках прокрался в свою комнату. Портфель стоял у стола. Осторожно вытащив доклад, юноша положил вместо него поддельный. Настоящий доклад он сунул под мышку и так же тихо вышел в прихожую. Телепортация — и вот он в подъезде. Всё прошло как по маслу! Выбежав на улицу, Дима вошёл в портал времени, который профессор предусмотрительно оставил открытым, и вновь оказался в освещённом дворе возле автобуса.

— Дело сделано, Борис Иванович! — воскликнул Чудов. — Теперь у Сосновцева поддельная формула,

а настоящая — вот она! — он поднял кверху доклад.

— Молодчина! — учёный пожал ему руку. — Теперь всё будет хорошо. Мы вернём тебя в своё время, а сами отправимся в привычный 2056 год.

За завтраком профессор объявил долгожданную новость: им удалось вывести формулу времени, и через час они отправляются в 2006 год. Там они высадят Дмитрия Чудова, а сами вернутся в исправленное будущее.

Радости учеников не было предела. Наконец-то они увидят родителей и друзей! Борис Иванович позвонил Сосновцеву и Лазаренко в гостиницу «Эрмитаж» и велел быть у автобуса через час. Те обещали не опаздывать.

В указанное время все собрались на месте. Робот открыл дверь автобуса, и путешественники зашли внутрь. Только двое остались стоять на улице — это были Дмитрий и Диана.

— Почему они задерживаются? — спросил Тим.

— Не торопите их, — ответил Андреев. — Им нужно проститься.

Молодые люди стояли, глядя друг другу в глаза. Они не могли сдержать слёз. Диана проговорила:

— Я тут... кое-что приготовила... на память... Не забывай меня!

Она приколола к пиджаку Чудова веточку белой сирени. Он заключил девушку в объятия и крепко её поцеловал.

Профессор отвернулся от окна, украдкой смахнув слезу. Девушки поднесли к глазам платки. Даже у Сергея начали дрожать губы. Сцена прощания двух влюблённых никого не оставила равнодушным.

— Нам пора! — произнёс Дмитрий. — Я всегда буду помнить о тебе, Диана!

— И я о тебе! — ответила девушка сквозь слёзы.

Они зашли в автобус, и учёный включил машину времени.

— Время назначения — 11 мая 2006 года, 9 часов 15 минут утра, — объявил он. — Дима, введите формулу!

Юноша набрал что-то на компьютере. Из окна выдвинулись усилители, и перед автобусом раскрылся портал времени. Робот нажал на газ, и группа медленно двинулась навстречу неизвестности. Вспышка — и перед ними предстал город 2006 года. Метрах в пятидесяти от них исчезал в воронке автобус, увозящий раненного Чудова в альтернативное будущее.

— Прощайте, Дмитрий! — пожал ему руку Андреев. — Удачи Вам!

Молодой человек ещё раз поцеловал Диану, схватил портфель и выбежал на улицу.

— Прощай, Диана! — крикнул он. — Я люблю тебя!

— Прощай, любимый! — прошептала Диана.

— Нам надо торопиться! — воскликнул профессор. Автобус двинулся к portalу, который оставался открытым: предыдущая группа в будущем

не появлялась, уйдя в параллельный 2056 год, и учёные не закрывали окно, ожидая их возвращения.

Ребята махали Дмитрию руками, но он их не видел. Перед ним стояло отдалёющееся лицо Дианы и её глаза, смотревшие на него с любовью и отчаянием. Автобус въехал в портал времени и исчез в яркой вспышке, навсегда увозя от юноши его первую любовь.

Глава 19

Екатеринбург, 2056 г.

Сотрудники отдела времени с нетерпением ждали возвращения профессора Андреева, который отправился в прошлое на помощь сбитому Дмитрию Чудову. Окно времени, как и велел учёный, они держали открытым.

Наконец ангар залил яркий свет, и из портала выехал автобус, остановившись в центре зала. Все бросились к нему. Первым навстречу коллегам вышел Борис Иванович, за ним высыпали школьники, Сосновцев и Лазаренко.

— Что с Чудовым? — воскликнул один из ассистентов. — Он жив?

— Всё в порядке, — улыбнулся Андреев. — Дмитрий Чудов жив и здоров.

— Но мы же сами видели, что его сбил автобус!

— Так оно и было, — подтвердил профессор. — Но мы всё исправили.

— Как? Когда? — недоумевали все.

— Это долгая история. Я вам непременно всё расскажу, но сначала надо передать молодых людей их родителям.

Ученики встали на платформу телепортера и мгновенно оказались в холле главного здания Академии наук. Борис Иванович проводил их до двери.

На улице ребят окружили репортёры и просто любопытствующие.

— Как прошла экскурсия?

— Вам понравилось в 2006 году?

— Что вам больше всего запомнилось?

Протолкнувшись сквозь толпу, Диана увидела родителей.

— Мама! Папа! — бросилась она к ним.

— С возвращением, Диана! — обняла её мама. — Мы уже успели соскучиться!

— Как съездила? — спросил папа, садясь в машину.

— Нам сказали правду, — ответила девушка. — Это путешествие действительно никогда не забудется...

Она отвернулась к окну и тихо заплакала.

— Наконец-то мы в своём времени! — довольно воскликнул Юрий Сосновцев. — И формула у нас!

Мне не терпится испытать её в деле!

— Тогда поехали скорее! — сказал племянник. — Зря, что ли, мы столько натерпелись!

Он зашёл в гараж, и Сосновцев торжествующе произнёс:

— Наступает эпохальный момент! Сейчас мы перенесёмся в прошлое и впишем свои имена в историю!

Он включил машину времени.

— Куда мы отправимся? — спросил Сергей.

— Для начала съездим на 150 лет назад, в год 1906-й, — ответил дядя. — Страна в это время была на распутье и не знала, куда идти. С нашими знаниями мы легко убедим царя выбрать выгодный для нас курс; получим высокие должности и станем знаменитыми!

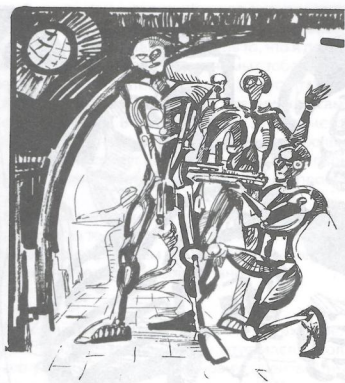
Он ввёл дату назначения: 25 мая 1906 года. Затем достал листок с формулой времени и набрал её в соответствующей графе. Появилось сообщение: «Расчёт частоты».

— Превосходно! — Сосновцев откинулся на спинку кресла. Он уже предвкушал сладкое бремя славы, но тут раздался прерывистый сигнал, и на экране замигала надпись «Неверно указана формула. Невозможно произвести расчёт частоты».

Юрий в ярости вскочил на ноги.

— Нас подставили! — закричал он. В ту же секунду дверь с грохотом разлетелась на куски, и в гараж ворвались роботы-полицейские.

— Ни с места! — приказал командир. — Вы ар-

Диана долго не могла придти в себя. Она перечитывала письмо несколько раз, постоянно плача. Увы, время не разжалобит её слёзы, и они с Дмитрием навсегда останутся в разных эпохах, вспоминая те счастливые несколько дней, на которые судьба свела их вместе.

Девушка включила компьютер и открыла фотографию Чудова, сохранённую из Интернета. Она с любовью гляделась в дорожное лицо. Молодой человек всё так же горячо выступал на конференции. В руках он держал доклад, а на груди у него была приколотая веточка белой сирени...

Эпилог

Екатеринбург, 1 июля 2008 г.

— Диплом с отличием вручается Чудову Дмитрию Олеговичу! — торжественно произнёс ректор Уральского технического университета. Юноша поднялся на сцену, где ректор вручил ему диплом и пожал руку. На факультете он был одним из шести обладателей «красного» диплома.

Дмитрий дождался конца церемонии, а затем вышел на улицу. Моросил дождь. Настроение у него было совсем не праздничное. Все выпускники были с подругами, многие уже женились. А он всё никак не мог забыть белокурую девушку из будущего. Присев на скамейку возле памятника Кирову, молодой человек открыл диплом и принял его рассматривать.

— Поздравляю! — раздался за спиной удивительно знакомый голос.

Дмитрий резко обернулся. Перед ним стояла стройная девушка лет восемнадцати с длинными светлыми волосами. В её лице угадывалось что-то до боли знакомое.

— Диана?! — не веря своим глазам, выдавил Чудов. — Это ты?!

Девушка молча улыбалась.

— Диана!!! — бросился юноша к ней. Они обнялись и стояли так несколько минут, не в силах поверить своему счастью.

— Но как?! — воскликнул он. — Как ты попала сюда?

— Помнишь, ты говорил, что будь я на пару лет постарше, ты бы хоть сейчас предложил мне выйти за тебя замуж? Выполнил же своё обещание! — с улыбкой сказала Диана.

— А это не сон? Ты не исчезнешь? — недоверчиво спросил Дмитрий.

— Нет. Я всё объяснила родителям, они меня поняли и отпустили. Теперь я всегда буду с тобой. Если ты, конечно, этого хочешь...

— Хочу ли я?! — молодой человек встал на колени и со слезами на глазах произнёс: — Диана Леонова! Я люблю тебя больше всего на свете и не могу жить без тебя. Ты выйди же за меня замуж?

— Да! — ответила девушка. — Конечно, выйду!

Они поцеловались, и в этот момент из-за туч робко пробилась солнечная лучика, точно сама природа радовалась за них.

ставаны за попытку незаконного перемещения во времени и кражу секретной информации!

Сосновцев потянулся к лазерному ножу, но парализующий луч из пистолета полицейского свалил его на пол. Лазаренко не стал сопротивляться. Он лишь со вздохом вымоловил:

— Это конец!

Диана была совершенно расстроена. Родители заметили, что с дочерью что-то не так, но решили пока не лезть к ней в душу. Девушка лежала на диване и с грустью вспоминала их поцелуй с Дмитрием. Она не могла смириться с тем, что потеряла его навсегда.

Хвостик подошёл к хозяйке и потёрся щекой об её руку. Диана посадила кота рядом с собой и погладила его густую шерстку.

— Если бы ты знал, Хвостик, как мне сейчас тяжело! — проговорила она.

В дверь позвонили. Через некоторое время в гостиную вошёл папа.

— Диана, тебе письмо. Надо же, — сказал он, взглянув на конверт, — роботы, и те ошиблись: поставили на штемпеле 2006 год!

— Что?! — девушка мигом соскочила с дивана и выхватив из рук отца конверт. В графе «отправитель» стояли только две буквы — «Д.Ч.». — Боже мой! Это же...

Она бросилась к себе в комнату и дрожащими руками вскрыла конверт. Развернув пожелтевший от времени лист бумаги, она прочитала следующие строки:

«Дорогая, любимая Диана! Я обещал написать тебе письмо и выполняю своё обещание. Пускай это послание напомнит о моих самых нежных чувствах к тебе, моя первая и единственная любовь! Ты наполнила мою жизнь смыслом, научила искренне и беззаветно любить. Я всегда буду помнить о тебе, мой ангел! Над нашей любовью не властно время.

Прощай, и Бог тебе в помощь!

С бесконечной любовью, твой Дмитрий Чудов».

— Всё же, как ты сумела попасть в наше время? — спросил Чудов.

— Мне помог Борис Иванович, — пояснила Диана. — Чуть не забыла, он же прислал тебе записку! — она протянула ему листок бумаги.

«Дорогой Дмитрий! — гласило послание. — Огромное спасибо за то, что помогли нам вернуться в привычный мир. После того, как Вы оказались в 2006 году, всё вернулось на свои места, и будущее стало прежним.

Спешу сообщить, что Сосновцев и Лазаренко арестованы и осуждены на пожизненное заключение. Их взяли в тот момент, когда они пытались воспользоваться формулой времени. Благодаря Вашему замечательному плану, украденная ими формула изменилась на поддельную, и они потерпели фиаско.

Возможно, Диана — последний путешественник во времени: со следующего месяца по решению Всемирного Правительства все эксперименты со временем прекращены на неопределённый срок.

Надеюсь, Вы будете счастливы с девушкой, которую любите. Это мой маленький подарок Вам в знак благодарности за спасение будущего. А чтобы Вы с Дианой ни в чём не нуждались, посылаю чемодан макулатуры из музея. Нам она без надобности, а вам очень даже пригодится. Всего, по моим подсчётам, должно быть два миллиона американских долларов.

Я не прощаюсь с Вами. Ещё увидимся через двадцать лет! Храни вас обоих Господь!

Ваш друг во времени, Борис Андреев».

Прочитав записку, Дмитрий улыбнулся и сказал:

— А как же все эти разговоры о недопустимости изменять прошлое?

Диана, пожав плечами, ответила:

— Ну, мы подумали — была не была! Ведь Вселенная всё равно мудрее любой машины времени...

БЕМ Ольга (псевд.; наст. имя Карышева Ольга Александровна; 1900 —?), поэтесса.

Род. в СПб. Долгое время работала в различных учреждениях машинисткой. В 1936 стала членом лит. кружка при Детиздате, которым рук. А.А.Чумаченко (см.). В 1939 в сб. «Снежки» были напеч. ее первые стихи для детей. Сotr. в журн. «Семья и школа» (1915). Авт. кн. «Три сестры» (стихи). Ташкент, 1943; «На солнечной земле». М.-Л., 1951; «Дорогие гости». М.-Л., 1955 и др.

Дет. писатели; Венгеров. Источ.

БЕНДЕРЕВА Ариадна (Адриана) Ивановна (1865 — 1889), переводчица.

Сotr. «Славян. известий». Жена А.Ф.Бендерова, деятеля болгарского освободит. движения, в котором она деятельно участвовала. Помогала мужу в составлении военно-статистич. труда о Македонии; перевела массу источников о Македонии с франц., нем., англ. До последней минуты переживала за судьбу этой работы мужа и только когда последний печатный лист выдержал корректуру, покончила с собой выстрелом из револьвера, чтобы избавиться от тяжелых телесных недугов (страдала грудной и женской болезнью одновременно).

Венгеров. Источ.; Сл., т.У1.

БЕНЕДИКТОВА Н.

Сotr. в сб. «Верниссаж». Вып. 1. М., 1913. Розанов.

БЕНЗИС О.В.

(См. Белинская, О.В.)

БЕНКЕНДОРФ Софья Ермолаевна (в замуж. Гельфрейх), поэтесса.

Двоюродная сестра шефа жандармов А.Х.Бенкендорфа («Рус. архив», 1865. № 12. С. 1511). Печаталась с 11-летнего возраста. Ей были посвящены Крыловым две первые его басни: «Дуб и Трость» и «Разборчивая невеста». В прим. к 2-томнику басен Крылова (М., 1969) адресатор посвящения значится Софья Ивановна Бенкендорф, дочь бригадира И.И.Бенкендорфа, московского знакомого Крылова.

Слов. рус. писателей; Венгеров. Источ.

БЕНЦИАНОВА Любовь Абрамовна (урожд. Левенсон; 1891 — 1942), историк.

Педагог. Сotr. журн. «Сев. Азия» (1925) — Л.Б. Масанов; Лит. наслед. Сибири. 1.

БЕР Надежда Самойловна (1887 — 1950), библиограф.

Зам. директора Иркутской научной биб-ки. Авт. библиографич. указателя «Сибирская живая старина» за пять лет. 1923-1928 \ \ Сиб. живая старина. Вып. У111-1X. 1929. С. 267-283.

Лит. наслед. Сибири. 1.

БЕР-СТУНЕЕВА Юлия Дмитриевна (1834 —?), авт. воспоминаний.

Племянница М.И.Глинки. «Воспоминания о М.И.Глинке». Запись И.И.Липаева. — В кн.: «Глинка в воспоминаниях...», М., 1955. С.294-296.

ИДРДВ. Т.2. Ч.2. № 3486.

БЕРГ Вера, детская писательница.

Авт. кн. «Ученый скворец: Тирольская легенда». М., 1876.

РНБ.

(Продолжение на стр. 43)

С Клавдиёй Шульженко на фирме «Мелодия»

Получил большое удовольствие, читая статью Петра Евладова о гитаристе Н.А. Орлове «Встреча с гением». («Ур. следопыт», — 2003. — № 12). Какой добрый, мягкий и восторженный (как ребенок) этот Евладов! Побольше бы таких людей, слушателей на концертах. Как мало нужно, оказывается, для того, чтобы быть счастливым!

Но я хотел бы дописать к той новелле Евладова и свою маленькую главку.

Дело в том, что я какое-то время знал Николая Александровича Орлова. Леонид Максимович Кривоносов (известный педагог-семиструнник из Ростова-на-Дону, воспитавший много лауреатов различных конкурсов), в то время, 1964–1969 годы, просто Ленья, и я были студентами училища имени Гнесиных, класса гитары Льва Александровича Менро. Играли мы на простеньких гитарах. У Лени была гитара А.В.Климова с басами, «как бельевые веревки», без продолжительности. У меня была гитара, сделанная из клена в Шихове (Подмосковье), с острым тембром на тонких струнах и достаточно тембристая в басах. Купил за 120 рублей.

У Кривоносова было много учеников. Они играли на плохих гитарах, и он искал по Москве стариков, хранителей старинных гитар, с тем, чтобы купить у них одну-две. Одного такого «деда» нам с Кривоносовым «открыл» Борис Хлоповский. Мы ходили к нему подержать в руках подлинного «шерцера» (11-струнный). Ходили не один год. Параллельно с этим «дедом» Кривоносов «открыл» еще одного. Им и оказался Николай Александрович Орлов. Мы ходили к нему не часто, но об одном из таких визитов я хочу рассказать.

Это было весной 1969 года, в мае-июне, сейчас точно и не вспомнить. Орлов нашел нас в училище сам, но о деле говорить не стал, а пригласил к себе домой. Эта интрига нас заинтересовала. И на следу-

А.А. Агибалов

ющий день мы с Леонидом Кривоносовым пришли к старику.

—Тут вот какое дело, ребятки, — начал он. — Пригласили меня поаккомпанировать Клавдии Шульженко, но я сейчас не в форме, и хотел бы попросить вас сделать это вместо меня. Поаккомпанировать известную песню «Дорогой длиною», — и дал ноты этой песни для голоса с фортепиано.

От неожиданности такого предложения мы потеряли дар речи. Аккомпанировать самой Клавдией Ивановне, легенде советской песни! Возможность

ПАТОР

Агибалов Алексей Александрович, гитарист-семиструнник и композитор. Работал во Фрунзенском музыкальном училище педагогом по классу гитары и теоретических дисциплин. С 1975 г. по настоящее время — солист-гитарист Киргизского радио и Киргизской филармонии. Выступал с сольными концертами во многих городах Советского Союза, в том числе и в Свердловске (Екатеринбурге).

увидеть ее рядом, говорить о ней! Мы с восторгом согласились. Прежде чем расстаться, уточнили детали, когда запись? (Оказалось, завтра!) И Орлов подробно объяснил, где находится эта сказочная, волшебная фирма грамзаписи «Мелодия», о которой мы и не мечтали. Знали только, что есть такая, что записывает выдающихся музыкантов на грампластинки. Поблагодарили Николая Александровича за такой подарок, попрощались. Идем по Москве, разговариваем.

—Раз нужны два гитариста, значит, надо делать срочно партии гитар, — говорю я Леониду.

—Вот и делай, у тебя это лучше получится.

—Хорошо, что известна тональность и есть фортепианный аккомпанемент.

—Но он слишком прост, я бы сказал, примитивен, — возразил Леня.

Идем, говорим, а я про себя думаю: все это прекрасно, но ведь у нас через неделю госэкзамен по специальности, где мне предстоит играть «Чакону» Баха, над которой я работаю уже два года. Можно ли мне сейчас отвлекаться? Ведь за ночь надо сделать две гитарных партии, чтобы не осрамиться перед Клавдией Ивановой. Да и сделать надо, сохранив цыганский характер аккомпанемента, но с элементами современной эстрады.

Пришли в общежитие, и я впрягся в сочинение партий. Работать было интересно, так как в голове было много накоплено материала из области аккомпанемента. Дома в Ташкенте у меня было много пластинок с исполнением цыганских песен, я любил их слушать время от времени. Было в этих песнях что-то завораживающее. «Ту балвал, ту балвал...». А из «Живого трупа» (Л.Н.Толстого), из фильма, снятого по роману, — «Не вечерняя» — спокойно ее слушать невозможно. Веришь, что Протасов, да и другие знатоки цыганской песни могли бросить к ногам цыган, ее поющих, целое состояние. Не жалко! За такое наслаждение!

Часам к двум ночи я, наконец, написал дуэт. Леня уже спал, я не стал его будить. Не репетировать же в 2 часа ночи. Ладно, завтра разберемся.

Наступило завтра. Быстро встали, позавтракали по дороге к станции метро «ВДНХ» в пончиковой за 30 копеек (20 копеек 2—3 пончика свежеприготовленных и 10 копеек стакан кофе с молоком). Далее на метро, улица Герцена, затем маленькая узкая улица, идущая от улицы

Клавдия Шульженко и Давид Ашкенази

Герцена к улице Горького. Почти напротив редакции газеты «Гудок» и столовой рядом, в которой мы с Кривоносовым потом любили съесть московский борщ со свеклой, стоял старинный костел с готическими сводами куполов, с высокими аркообразными окнами, с витринами — это-то и была сказочная фирма «Мелодия».

Вошли в костел, нас уже ждали. Встретил нас невысокий, лысоватый мужчина, еще с ним 2—3 парня наших лет. Прошли коридорами и попали в аппаратную — небольшую комнату, заставленную аппаратурой, большим пультом, и с огромным застекленным окном, отделяющим аппаратную от самой студии звукозаписи. С нами поздоровался звукорежиссер (трудно вспомнить его фамилию спустя 46 лет, но думаю, что писал

Н.А. Орлов

нас мэтр Виноградов, слава о котором была по всему Союзу). И, о Боже! В аппаратную вошла Клавдия Ивановна. Такой, как мы ее видели с экранов телевизоров — в элегантном сером платье, на плечах цветастый платок. Она приветливо улыбалась.

— Клавдия Ивановна, эти молодые люди — гитаристы, которых порекомендовал Орлов, сам он не смог приехать, — сказал лысоватый мужчина. Как выяснилось, это был бессменный аккомпаниатор Шульженко — Давид Ашкенази.

— Здравствуйте, молодые люди! Вы из «Ромэна»? — спросила она с любопытством.

Мы растерялись окончательно.

— Нет, Клавдия Ивановна, мы не из «Ромэна», мы — студенты музучилища имени Гнесиных по классу гитары, пятикурсники, — довольно смело сказал Ляня. — Алексей Агибалов и Леонид Кривоносов.

— Так вы уже профессионалы, без пяти минут, — сказала, улыбнувшись своей обворожительной улыбкой, Шульженко. — Ну что ж, ребята, пошли в студию. А, кстати, вы уже познакомились с моим концертмейстером Давидом Ашкевичем, который будет вами руководить? — К нам подошел тот самый лысоватый мужчина, протянул руку. Мы по очереди пожали ее — мяжкую, пухлую, как будто без костей. Он смотрел на нас доброжелательно.

— А это, познакомьтесь, контрабасист и ударник, — и он назвал нам два незнакомых имени. Пожали руки и им, молодым, незнакомым парням... Все пошли в студию, по пути я обратился к Ашкенази:

— Николай Александрович ничего нам не объяснил, сказал только, что нас будет два гитариста, и я написал в расчете на это две гитарные партии.

— Позвольте взглянуть, — сказал пианист. — Я подал ему несколько нотных листов. Он взглянул на них и, возвращая их мне, сказал: — Ничего этого мне не надо. Мне нужен чёс!

Я остолбенел. Как? Весь мой труд не нужен! Какой чёс? У меня через неделю госкзамен. «Чакона». Я уже лет 15 не осквернял гитару примитивным брэнчанием. Зачем мы здесь? Это же катастрофа! Зная, что будет так, я бы ни за что не согласился, даже из уважения к Шульженко. Вот и доигрались! Что делать? Уйти? Отказаться? Нет, нельзя. Теперь уже нельзя. Наступи «себе на горло», своей гордыне, терпи. Посмотри хотя бы из любопытства, что это такое — звукозапись. И я покорно вошел в студию. Ляня нашего разговора не слышал.

Я думал — сейчас сядем вместе впятером, рядом с роялем и будем что-то играть (какой-то «чёс»). Ан

Концерт в Свердловске. 1996 год.

нет. Звукорежиссер с помощником (ассистентом) отдалил каждого из нас от соседа метра на 3—4 и загордил высокими деревянными щитами. Получилось у каждого по маленькой комнатке. У каждого был свой микрофон, а у Клавдии Ивановны — целых три. Я не видел из-за щитов (они были высотой метра по два) никого, да и слышал, честно говоря, не очень. Думаю, что и Кривоносов чувствовал себя не лучше. Я услышал «у себя в комнатке» голос Ашкенази:

— Давайте все попробуем, прорепетируем. Тональность ля минор. Гитаристы, начинаем с доминанты, широкими мажками аккорды на сильной доле, дальше идите за мной, за фортепиано, следите за гармонией...

Стали пробовать. Сначала все рассыпалось, играли не вместе, кое-где «мазали» гармонию. Стержнем, конечно же, было фортепиано. Честно говоря, Давид Ашкенази мог один прекрасно саккомпанировать, как он это и делал всегда. Контрабас, ударник и две гитары, как выяснилось, нужны ему только для того, чтобы придать чуть-чуть «цыганский» колорит сопровождению. На третий, четвертый раз стал звучать ансамбль. Партии гитар свелись к элементарной гармонической поддержке рулад фортепиано.

— Ну что, Додик, голубчик, попробуем все вместе, — раздался голос Клавдии Ивановны.

— Хорошо, попробуем, но после второго куплета у нас будет проигрыш, — согласился Ашкенази.

И вот началось. Наступила тишина, и по громкой связи раздался голос Виноградова:

— Тишина, приготовились! «Дорогой длинною», дубль один.

Началось действие. Знакомый с детства голос Клавдии Ивановны Шульженко, голос родной всей стране, ее народу, особенно после «Синего платочка», и не только. Голос спокойный, уверенный стал рассказывать:

— «Ехали на тройке с бубенцами...»

Мне и голос Шульженко, и всех участников ансамбля был слышен довольно слабо, но я старался играть вместе с фортепиано, особенно помогали сориентироваться контрабас и ударник. Я волновался. Записали пробный дубль. Режиссер пригласил всех на прослушивание в аппаратуру. Стали слушать пробную запись. Конечно же, еще не было ансамбля. Как выяснилось, запись велась на 12-дорожечный магнитофон, где каждый инструмент писался на свою дорожку. Не было еще должного динамического равновесия. Ашкенази обратилась к режиссеру:

— Гитары надо немного убрать. Громковато.

Клавдия Ивановна добавила:

— На мой взгляд, гитары надо оставить в покое, а вот фортепиано многовато. Да и мне надо сосредоточиться на тексте, пока формально звучит у меня. И я бы в том месте, где по тексту: «Да с той старинною, да семиструнною, что по ночам так мучила меня», — подчеркнула бы звучание гитары...

По просьбе звукорежиссера пошли писать второй дубль, потом третий, пятый, десятый. Только одиннадцатый дубль мы записали хорошо, и по мнению Виноградова, и Ашкенази с Шульженко. Это было уже часа в три дня. После его прослушивания Виноградов добавил:

— Это все пока вечерне. Сведение голосов я сделаю позже. А сейчас благодарю всех за запись и поздравляю с интересной работой.

Много лет спустя я узнал, что такое «сведение». Это когда звукорежиссер, регулируя громкость каждого исполнителя, пишет все на одну дорожку, создает, по своему усмотрению, баланс в ансамбле — звуковой баланс. Например, вполне возможно сделать так, что будут громко звучать гитары и «шептать» солист и фортепиано, и наоборот. Этот процесс сведения более удобен для монтажа, чем вариант, когда все пишут на одну дорожку, где уже ничего нельзя изменить.

Перед уходом из студии, прощаясь, Давид Ашкенази и Клавдия Иванова поблагодарили нас за участие в записи, и Шульженко добавила:

— Передайте мой низкий поклон Николаю Александровичу. Пожелайте ему здоровья. Я его помню и люблю...

Мы попрощались и уставшие и довольные уехали в общежитие.

На этом рассказ можно и закончить, но я бы хотел добавить. Через год я получил во Фрунзе, где жил, денежный перевод от фирмы «Мелодия» на сумму 11 рублей 80 копеек. Эту квитанцию я берегу, как драгоценность.

...Только однажды, спустя несколько лет, я услышал по Всесоюзному радио «Дорогой длиною». С интересом и волнением я вслушивался в звучание всего альбома — голоса Шульженко и аккомпанирующей группы. Где же гитары? Их голоса едва прослушивались и действительно служили дополнением к громко звучащему фортепиано, на котором Давид Ашкенази легко и непринужденно импровизировал.

...Николая Александровича Орлова я более не видел никогда.

БЕРГЕН Ида.

(См. Данненберг).

БЕРДЯЕВА Елена Григорьевна, новеллистка.

Жена поэта С.А.Бердяева; сопр. в газ. «Киевские отголоски» (1905). Уч. в «Киевском сборнике». Киев, 1894 («Бенефис. Набросок»).

Венгеров. Источ.; Смирнов-Сокольский.

БЕРДЯЕВА Лидия Юлифовна (урожд. Трушева; 1871 — 1945), автор дневника, поэтесса.

Жена философа Н.А.Бердяева. Родилась в семье нотариуса Харьковского окружного суда. Училась в пансионе при частной женской гимназии Н.Я.Григорцевич. Ездил в Швейцарию, где в пансионе под Лозанной изучала франц. язык. Первым мужем Б. стал чиновник В.И.Рапп, совладелец издательства книг для народа («Книгоиздательство В.И.Рапп и В.И.Потапова»). Участвовала в просветительской деятельности (устройство библиотек, школ, занятия в кружках). Участвовала в рев. деятельности, подвергалась арестам. В Киеве разошлась с мужем и познакомилась с начинающим философом Николаем Бердяевым, активно помогала ему в работе, правила корректуры его статей и книг. Позднее он писал, что жена «по натуре была душа религиозная, но прошедшая через революционность». Об Н.А.Бердяеве и взаимоотношениях с ним повествует дневник Б. «Профессия: жена философа». М., 2002. Частично он печат. в журн. «Звезда» (1995, №№ 10-12) и в сб. документов РГАЛИ «Встречи с прошлым» (1996, вып. 8). Рукопись хранится в РГАЛИ. В 1915 г. в журн. «Русская мысль» были напеч. три стихотв. Б. под псевд. Лидия Литта (№ 4). Поэтик. наследие Б. (хранится в РГАЛИ) напеч. прилож. к дневнику. Шуточные опыты Б. в прозе появлялись в рукописном журнале «Бульвары и переулки» под псевд. Филантропов (см. Герцык Е. Воспоминания. М., 1996, с. 182). О ней: Бронникова Э.В. «Guarda e passa» (О Лидии Бердяевой и ее рукописном наследии) — в кн. Бердяева Л. Профессия: жена философа. М., 2002.

БЕРЕДНИКОВА М.В., издательница детской библиотеки (1914).

БЕРЕЗИНА Е.

В Берлинской газ. «Новое слово» напечатана ее ст. «Тени дня» (1940. 7 янв.) - о творчестве Набокова.

Периодика...

БЕРЕЗИНА Елизавета Яковлевна (1794 —), авт. воспоминаний.

Дочь поручика Я.П.Раткова. Оставила воспоминания «Жизнь моей матери, или Судьба провидения». - «Ист. вестн.». 1894. Т. 58. № 12. С.681-693 (Запись воспоминаний матери. Быт офицерской среды. Высылка отца в Березов при Павле 1. Поездка к нему матери. Жизнь в имении в Тверской губ.).

ИДРДВ. Т.1. № 714.

(Продолжение на стр. 47)

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

В каждом номере журнала «УС» будет публиковаться раскраска Андрея Патокина. Чтобы стать победителем конкурса «Приглашение к рисованию», нужно:

1. Взять в руки фломастеры, гелевые ручки или цветные карандаши.
2. Раскрасить рисунок так, как подсказывает воображение.
3. Вырезать и положить в конверт.
4. Отправить по адресу: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, с пометкой «Конкурс».

В январе 2007 г. жюри подведет итоги конкурса; авторы самых ярких и интересных рисунков получат ценные призы, а тот, кто пришлет все 9 вариантов, — книгу-раскраску Андрея Патокина.

Продолжение. Начало в № 4-7, 2006

Забутые монеты — знакомые слова

Порой мы употребляем в разговоре названия старинных денежных единиц, совершенно не подозревая об этом.

«Талант», «талантивый» — с этими словами мы сталкиваемся постоянно. Словом «талант» принято обозначать высокую степень одаренности, которая дает человеку возможность добиться в том или ином виде деятельности наибольших успехов. А ведь первоначально «талант» — название самой крупной весовой и денежно-счетной единицы Вавилона, Египта, Древней Греции, Древнего Рима и некоторых других областей древнего мира. Древнегреческий талант, например, состоял из 6000 драхм — по тем временам целое состояние! «У него есть талант» — так говорили об очень богатых людях. Само собой разумеется, обладание талантами давало богачам гораздо больше возможностей, чем их соотечественникам с более скромным достатком.

В середине века, когда таланты-деньги вышли из употребления, слово «талант» все чаще и чаще стали использовать в аллегорическом, иносказательном смысле, пока, наконец, примерно с XVIII в. оно не обрело современное значение.

«Не зарывай свой талант в землю!». Сегодня так говорят людям, которые, по мнению окружающих, не до конца используют свои способности и возможности. А происхождением своим это выражение обязано Библии. В одной из евангельских притч повествуется о некоем богаче, который,

уезжая надолго по делам из родного дома, оставил трем своим рабам некоторое количество талантов. Два раба пустили деньги в оборот, и вернувшийся хозяин получил от них свои деньги с большой прибылью. Разумеется, эти рабы удостоились хозяйской похвалы. Третий раб, лишенный способностей к предпринимательству, а может быть — просто ленивый, зарыл доверенный ему талант в землю, чтобы сохранить его для своего хозяина. Сохранил, но не приумножил, за что и заслужил порицание.

Газетой в наши дни принято называть регулярное, часто ежедневное печатное издание. Откуда взялось это название?

Одна из версий утверждает, что названием своим газета обязана мелкой венецианской монетке шестнадцатого столетия, которая так и называлась — «газета». В то время купеческая республика Венеция была сравнительно крупным и сильным государством, имела большой военный и торговый флот, успешно воевала и торговала с Османской империей. Венецианские суда бывали во всех портах Средиземного моря, доходили до Британии и Скандинавии. Возвращаясь домой, капитаны кораблей доставляли на родину не только всевозможные товары, но и известия обо всем на свете: где началась война, а где, наоборот, заключен мир, где голод и где временное изобилие продовольствия, где и что подешевело или подорожало... Такого рода сведения для купцов всегда были крайне необходимы, ведь

Солид с именем имп. Анастасия. Государство остготов. Золото

Солид Яна Казимира. Польша. 1662. Медь

без соответствующей информации невозможно прибыльно торговать. Таким образом нужная информация сама превратилась в своеобразный товар, и в Венеции стали издаваться общедоступные листки письменных новостей. Каждый такой листок стоил ровно одну газету. Вскоре и само издание стали в обиходе называть газетой. Из Венеции это наименование перешло в некоторые другие страны, в том числе и в Россию. Первоначальный же смысл слова, связанный с давно вышедшей из употребления монеткой, почти забыт даже на его родине.

«Внести лепту»... Современное значение этого выражения примерно таково: принять посильное участие в каком-либо общем деле. Но далеко не каждый сможет объяснить, откуда это выражение пришло в русский язык.

Родина его — Древняя Греция. «Лепта» — название одной из самых мелких древнегреческих

монет. Даже самые бедные граждане в случае необходимости могли внести несколько лепт на различные общественные нужды, лептами подавали милостыню... Выражение «внести лепту свою» сохранилось и тогда, когда реальные лепты исчезли из обращения. И православные священники где-нибудь в Константинополе или Солуни, призывая своих прихожан совершать посильные пожертвования на какие-либо «богогодные дела», говорили им: «Внесите лепту свою!».

В современной Греции лепта вновь, после многовекового перерыва, с 1912 г. появилась в качестве разменной монеты. 100 лепт = 1 драхме.

Безусловно, всем нам хорошо знакомо слово «солдат». В русской речи оно появилось во второй половине XVII в. и постепенно почти вытеснило прежнее «воин». В энциклопедиях приводится ссылка, что слово «солдат» заимствовано из немецкого, где

1

2

3

1 — солид императора Анастасия (491—518). Золото.

2 — солид императора Маврикия (582—602). Золото.

3 — солид императора Константина V (741—775). Золото.

произносится почти так же. Уверен, что очень многие читали замечательную сказку Алексея Толстого «Приключения Буратино». Героям сказки неоднократно приходится пользоваться монетками с названием «сольдо»...

Неужели?. Да, да, именно так — оба слова имеют общее происхождение. «Солид», он же «солидус», что значит «прочный», «массивный» (отсюда — «солидный») — так называлась высокопробная золотая монета, введенная первоначально римским императором Константином I (по имени которого назван Константинополь) в начале IV в. и просуществовавшая до падения Византийской империи (1453 г.). Солид вызвал многочисленные подражания в средневековой Европе, одним из которых было итальянское «солдо», иначе «солидино». (Правда, сольдо — сравнительно небольшая серебряная монетка — унаследовала от солида только название).

Но при чем здесь «солдат»? Очень даже «при чем». Именно солидами предпочитали принимать плату византийские наемники, большинство которых одно время было родом из Германии. Ведь золото при равной стоимости весило в десять-пятнадцать раз меньше серебра, и переносить его на дальние расстояния было гораздо удобнее. От названия этой крупной золотой монеты и произошли слова, первоначально соответствовавшие понятию «наемник» («служащий за солиды»), а затем и вообще любой военный, вошедшие во многие европейские языки.

«Пробный камень»... Сегодня это выражение употребляется только иносказательно. Так могут назвать, например, особые обстоятельства, трудности или препятствия, во время преодоления которых выявляется подлинный характер того или иного человека... Но какое отношение «пробный камень» имеет к монетам?

К сегодняшним монетам — никакого. Но еще несколько столетий назад каждый уважающий себя купец или меняла имели под рукой пробные камни. Эти камни, а точнее — каменные пластинки вытесывали из особых горных пород и тщательно полировали с одной стороны. Если по этой стороне проводили полноценной серебряной монетой — на камне оставался хорошо заметный след. Чем меньше в монете было серебра — тем меньше заметный след она оставляла. Таким образом, при помощи пробного камня можно было (хотя и не всегда!) быстро и просто отличить полноценную монету от ухудшенной или поддельной.

БЕРЕЗИНА Л.

В сб. «Венок на гроб Тургенева» (Одесса, 1883) напечат. стихотв. «На смерть Тургенева». Смирнов-Сокольский.

БЕРЕН Мария Вильямовна.

(См. Кистяковская, М.В.).

БЕРЗИНЬ Анна Абрамовна (псевд. Ложкин, Ферাপонт; 1897 — 1961), писательница.

Печат. в изд. 20-х гг.: «Октябрь», «Мол. гвардия», «Комсомолия», «Правда», «Заря Востока». Авт. кн.: «Горбачевский». ГИЗ, 1925; «Старики» (1927). О ней: «Лит. Россия» 1965, № 4.

Масанов; Мацуев.

БЕРКОВА Клара Наумовна (1881 — 1938), писательница.

Род. в Николаеве; высшее образование (медицинское и гуманитар.) получила в Женеве. Там же начала печататься. В России — с 1920 г. Авт. неск. популярных жизнеописаний: Вольтера (с ее коммент. вышел однотомник Вольтера, М., 1938), А.С.Пушкина, А.Герцена, А.Грибоедова, Гольбаха, Н.Г.Чернышевского, С.Кравчинского (Степняка), А.Д.Михайлова и др., а также очерков об ученых средневековья. Авт. кн. «Герои и мученики науки». М.-Л., 1939. Написала также несколько популярных медицинских и антирелигиозных брошюр: «Верный путь к здоровью» (1930), «Антирелигиозное воспитание в семье», «Существует ли душа?» (1931), «Жизнь, ее проявление, происхождение и развитие» (3-е изд. 1922), «Что такое зараза и как от нее уберечься», «Правда о сифилисе», «Чухотка лютой враг народа» (1925), «Как надо лечиться» (1930), «Кому верить? (Врачи и знахари)» (1929), «Что появилось раньше — курица или яйцо?» (1932) и др.

Дет. писатели; РНБ.

БЕРЛИН-КАУФМАН Фанни Моисеевна (1850 — 1896)

Доктор прав Бернского унив., жена экономиста проф. И.И.Кауфмана. Некрологи: «Жизнь и Искусст.», 1899, № 131; «Народ», 1899, № 848; «Нов. Время», 1899, №8332; «Новости», 1899, № № 126, 129; «СПб. Вед.», 1899, № 126; «Сын Отеч.», 1899, № 126. Венгеров. Источ.

БЕРНАДСКАЯ Екатерина Константиновна (1888 — 1964), авт. воспоминаний.

Слушательница Бестужевских курсов. «Первый выборный директор ВЖК Виктор Андреевич Фаусек». — В кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, 2-е изд. Л., 1973. С. 177-179. ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5368.

БЕРНАРД Софья Алексеевна, переводчица, драматург.

Авт. комед. «Сила электричества» (С.А.Б.); пер. траг. Кальдерона «Сила веры» (С.Б.); ист. драму А.Дюма «Генрих III» (СПб., 1900).

Масанов; Венгеров. Список; РНБ.

БЕРНЕР Евгения, дет. писательница (М., 1879).

Венгеров. Список.

(Продолжение на стр. 49)

Тайна Скачковской горки

На юго-западной окраине старинного уральского села Слободы, которому недавно исполнилось 350 лет, среди большого безлесного пространства выделяется холм, покрытый густыми зарослями молодого соснового леса, посаженного в 1981–82 годах. Когда и почему этот холм назван Скачковской горкой, не могли сказать даже самые старые жители края. Легенда гласит, что до прихода русичей среди бескрайнего моря глухой тайги выделялся холм-голец (чистый от зарослей), на котором ставились башкирские юрты. Подобные холмы возле населенных пунктов на Среднем Урале не редкость. К примеру, Могильница в поселке Билимбай. Этот холм тоже выделялся своей голой вершиной среди моря тайги. В конце XIX века на холме был посажен

сосновый лес — к сожалению, без археологических исследований. И только легенды повествуют о том, что на вершине гольца горели ритуальные костры местного башкирского племени. Могильницей или Могильнической горой холм стали называть жители, поселившиеся у его подножия. Поводом для этого послужили нередкие случаи, когда после сильных дождей в их огородах обнаруживались разные кости, смытые водными потоками с горы.

Что касается Скачковской горки, то в легендах о мансийских и башкирских ритуалах на холме ничего не упоминается; костей тоже не находили. А то, что вымывало, попадало в бурный поток реки Утки, которая плотно охватывала подошву холма с трех сторон. И все-таки что-то здесь было.

До прихода в наши края башкир аборигенами края были манси (вогулы) — племена угро-финской языковой группы. Они вели полукочевой образ жизни, промышляли охотой и рыбной ловлей, поклонялись духам, обожествляли солнце, луну, ветер и многих животных. Их языческие обряды сопровождалась жертвенными кострами. Голец, окруженный с трех сторон рекой, не мог не привлечь их внимания — как удобное место для проведения ритуальных обрядов. И, возможно, на вершине холма когда-то стояли языческие идолы.

Башкиры — кочевники-скотоводы, тоже были язычниками, но веру аборигенов-манси не признавали и их святилища уничтожали или относили к местам обитания нечистой силы и называли «шайтанами». Для башкир голец был удобным местом для юрта. К тому же река Утка была водным путем из Башкирии на Большую Сибирскую дорогу — Чусовую. Следует отметить, что манси называли реку Вуть-ка, означавшее «путь-река» или «водный путь»; а у башкир слово «утка» переводится как место, богатое кормом для скота. И действительно, пойма Утки изобилвала заливными лугами с богатым травостоем и была удобна для выпаса скота.

Пришедшие сюда в начале XVII века русичи стали называть реку Дикая Утка, позднее Верхняя Утка.

В начале XVII века Сибирь официально была Московской вотчиной. Но бассейн Чусовой, выше Межевой Утки, оказался не заселенным русскими. Здесь по-прежнему обитали манси и башкиры. Для полного присоединения края царь Михаил Федорович направляет в Сибирь, на свободное поселение добровольцев — 500 мужчин и 150 женщин. В 1635 г. пришла вторая партия — из 900 казаков, для освоения земель и защиты интересов русских поселенцев.

Русские основывали здесь свои небольшие (в несколько дворов) деревни — в местах, близких к путям сообщения. Голец на реке Утке, при впадении ее в Чусовую, был одним из таких мест. Вероятно, с 1635 года здесь был установлен таможенный пост. Остается неизвестной величина и название поселения на гольце. Можно предполагать, что оно было небольшим, в пределах десятка домов.

В 1651 г. из Верхотурья прибыли строители. Утинскую слободу-таможню построили на высокой скале — перемычке большой излучины реки Чусовой. Сейчас там, где был острог, стоит православный храм Георгия Победоносца. А холм оставался голым и пустым до 1980-х годов, храня тайну прошлых веков. Он служил местом отдыха и развлечений для сельчан. В зимние праздники с него катались на санях. Когда и почему природному памятнику дали название Скачковская горка, остается неизвестным.

БЕРНЕР Нина Герасимовна (псевд. Яковлева, Н.), переводчица.

Сделала сокр. пер. и обработку ром. Э.Глезера «Положение 1902 г» — «Наши отцы». М., 1931.
Масанов; РНБ.

БЕРНШТЕЙН Рахиль, авт. статей по искусству (РБ.).
Масанов.

БЕРС А.А., авт. естеств.-науч. книжек (СПб., 1900).
Венгеров. Источ.

БЕРС Евлогия Петровна (1876 — 1962), авт. воспоминаний.

Племянница С.А.Толстой, жены Л.Н.Толстого. «В гостях у Евгении Петровны Берс» (1894-1961) — воспоминания Е.П.Берс, записанные К.Н.Баженовой, с ее вступлением. — РГБ ОР. Ф. 218, № 1266.57.
ВД. Указ рук. (указ. имен).

БЕРС Елизавета Андреевна (1843 — 1919).

Авт. кн.: « О причинах разорения земледельческой России». СПб., 1899; «Магомет». М., 1862; «Вопросы нашего времени» (СПб., 1906); «Курс на русский рубль» Пг., 1914.
Венгеров. Источ.; РНБ.

БЕРТЕНСОН Ольга Апполоновна (урожд. Скальковская; 1850 — после 1936), хозяйка лит.-музыкального салона.

Дочь историка, архивиста и юриста А.А.Скальковского, знатока и исследователя балета. Обладая выдающимся голосом, Б. с медалью окончила Петерб. консерваторию и два года (до замужества) играла на сцене Императорского театра, исполняя первые роли. Ее мужем был Л.Б.Бертенсон, практикующий врач, специалист по диагностике и терапии. Покинув сцену в 1877, Б. посвятила себя концертной деятельности и музыкально-педагогической работе. Дом Бертенсонов в СПб, вплоть до революции был своего рода салоном искусства и литературы. Здесь бывали Тургенев и Достоевский, Лесков и Чехов, Чайковский и Мусоргский, Бородин и Римский-Корсаков, Шаляпин и Варламов, Савина и Станиславский, Репин и Маковские, а также многие иностранные музыканты и артисты. Вместе с Достоевским Б. выступала на худож.-лит. вечерах в пользу слушательниц Высших Бестужевских курсов в 1879. Ум., скорее всего, в Эстонии у дочери в г. Ревеле.

Диаспора. 4 (в тексте перепутаны инициалы); Брокгауз и Ефрон. Т.30. С. 171 (там ошибочно указан г.р. - 1855); Белов С.В. (Скальковская-Бертенсон).

БЕРТРАМ Елизавета.

(См. Полонская Е.Г.).

БЕРХМАН Татьяна, поэтесса.

Авт. кн. «Первые песни: Сб. стихов». СПб., 1914.

БЕРЧАНСКАЯ Августа, сотр. журн. «Неделя Хр. Восхода» (1889, № 21).

Масанов.

БЕССЕЛЬ Л.

(См. Никитина Е.Д.)

(Продолжение на стр. 79)

Команда Искателей Приключений представляет

Алексей СЛЕПУХИН,
действительный член Русского Географического Общества, врач, путешественник
фото автора и В.Петрова

Режевские путевые заметки

Лето — время активных спортивных мероприятий на природе для всех. И для тех, кто занимается спортом постоянно, и для тех, кого довольно сложно вытащить из дома и офиса в другой период. Начинает просыпаться желание увидеть новое, что-то таинственное, испытать необычное, в общем, отпуск близко и хочется вырваться из душного города. Настоящее раздолье для походов и сплавов.

Если с пешими походами относительно всё ясно (чего мудрить: бери рюкзак, продукты и вперед), то со сплавами возникает масса вопросов. На чём сплавляться? Как это делается? С кем отправиться в путешествие? Куда пойти?

Последнее очень актуально. Далеко не все реки подходят для сплава: какие заболочены, какие мелководны, а в иные и не сунешься из-за откровенной грязи и промышленных отходов, добротно сливаемых в драгоценные «артерии» страны.

Мы, уральцы, гордимся несколькими речками, чьи гибкие тела охраняют многочисленные камни, силуэты которых приводили в трепет ещё наших предков. Нынешнее состояние рек оставляет желать лучшего. Сами посудите: водо-

ёмы и речушки загрязнены и не ухожены, берега зарастают прониர்ливым и приспособившимся кустарником, рыба мельчает, извечное противостояние «камень — вода» сходит понемногу на нет, что не красит реки, да и воды в них становится меньше.

О своих впечатлениях со сплава по Чусовой уже рассказывалось уже не однажды. Сейчас же хотел бы сказать несколько слов о другой, не менее значимой в истории уральского края — Реже. Чусовая испокон веков была транспортным путём на запад, а названный Реж движется на восток. Конкуренции не было, а вот пользы обе «водные артерии» приносили немало. Ещё сто лет назад по Режу шли баржи, гружёные товарами. И так же, как на Чусовой, периодически разбивались, встречая на своём пути острые и крепкие бока скал, бойцов, как их принято называть.

Но времена изменились. Реж ныне не тот. Ещё в конце 70-х годов существовал водный маршрут по этой реке, но впоследствии был закрыт из-за экологической обстановки. Видимо, природные резервы режевского края были на исходе. И не зря экологи завбили тревогу. Спустя почти три десятка лет ситуация изменилась к лучшему.

Маршруты «Уральского слепого»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Мы, сплаваясь по этой реке, видим массу преимуществ в этих водных походах, даже по сравнению с Чусовой, чью красоту и значимость несколько не принижаем.

Наоборот, необходимо задаться вопросом планомерной очистки берегов и водного пространства реки Чусовой, пока есть ещё возможность.

Реж оказался нам очень интересным и перспективным в отношении коротких сплавов.

Мы отправлялись на режевской сплав с очередной группой начинающих туристов в середине июня. Время было удачное: уже тепло, но уровень воды в реке не снизился до критической отметки. С нами полтора десятка новичков. Для них всё новое: катамараны, река, люди. А вот вопросы почти те же, что и всегда: как сидеть на катамаране, что делать. Недоверчивые глаза (неужели доплывём?), внутреннее беспокойство за два дня пути сменяется приятным расслабленным состоянием. Их можно понять. Но и позавидовать тоже можно, т.к. им пока незнакомо здесь ничего и можно удивляться.

Одна из многочисленных режевских достопримечательностей — Мантуров Камень. Назван в честь погибшего местного жителя Мантурова, спасавшего свою семью.

Огромная гора, имеющая вид настоящего Пояса из камня, охватывая некогда полноводный Реж по правому берегу. Мантуров Камень — великолепный

образчик одного из эпизодов тысячелетнего процесса создания определённого участка Рифейских Гор. Путешествуя по Режу, любой из пилигримов сможет ощутить на себе притягательную силу наших Хмурых Гор. Они — свидетели очень давней истории, той, которую мы даже и не знаем. К сожалению, мы можем лишь соприкоснуться с этой древностью, не осознавая её величие и значимость. Только пытливые путешественники, кто не один год скитается по закоулкам Каменного Пояса, понимает и чувствует их глубину.

Наша кавалькада-флот медленно проследовала мимо урочища Семи Братьев, где ранней весной мы смогли столкнуться с большим количеством безобидных ужей, сновавших под нашими кроссовками, стараясь далеко не уходить от разгорячённых весенним светлом каменных валунов, но и заботясь не попасть под ноги неведомых пришельцев. Ужи в тот раз были разные: от маленьких с ярко окрашенной, но узкой полосочкой позади головы с постоянно снующим раздвоенным язычком и до маститых, крупных иссиня чёрных отпрысков змеиноного народа. Последние, словно дразня нас, полуголых фотографов, задерживались на открытых скальных боках, давая возможность запечатлеть их. А вот молодёжь наоборот, претерпев первый испуг после нашего ухода, стремилась навстречу друг другу. Переплетаясь между собой, они плетёным блестящим кожаным ремешком, словно узкий ручеёк, скользила и между

Шайтан-Камень (нижний)

более мелких камней. Я не испытываю особой симпатии к змеям, да и рептилиям вообще, и даже больше скажу, стараюсь меньше иметь с ними дело, но тогда мне представилась великолепная возможность понаблюдать за весенней радостью, и, подозревая, брачными взаимоотношениями.

Скатываясь в деревне Бучино по бурунам быстрого порога, выскакиваем в великолепную речную долину, окружённую с одной стороны лесом, с другой роскошной поляной. На ней и торопимся организовать обед. Скоро начинает потрескивать в костре «плавник», что щедро выносятся рекой на берега Режа. Наши новые знакомые от непривычки разминаются на берегу. Вскоре начинается привычная суета — стучат ложки, передаются специи, в общем, походная жизнь.

Над нами слегка сгущаются тучи. Надо спешить. К вечеру должен быть готов лагерь, а с ним тепло и уют. Пока суетимся во время отправки дальше по реке, нас накрывает гроза. Поначалу мелкий дождь, а затем настоящий ливень. Серая пелена, холодные струи, забирающиеся во все неожиданные места, часовое давление водной стихии с небес, град приводят нас в изумление. Спешим быстрее приплыть к стоянке, но дождь мешает нам в этом. Наконец,

выбираем место и там пытаемся развести костёр. Полчаса бьёмся над его разведением. Дрова мокрые и оттого горят плохо. У некоторых моих спутников зуб на зуб не попадает, но в глазах искорки веселья и радости — когда ещё такое может случиться. Небо понемногу становится светлей, унося хмурость подалее от нас. Вскоре нас догоняют и другие катармараны. Наш лагерь мы разворачиваем чуть ниже, на более широкой и удобной площадке.

Вечерний глинтвейн согревает не только наши тела, но и наши души. Новички понемногу привыкают к нашей необычной жизни, недоверие уходит, остаётся приятная усталость и куча впечатлений.

Утро встречает нас великолепным солнцем, ослепительно сверкающим в утренней росе.

Плыть легко и приятно. Даже жара, навалившаяся на нас ближе к обеду, не портит настроение, расслабляя наших путешественников на берегу. Последний отрезок наиболее красив. Я люблю его. Здесь очень много красивых скал: Дунькин Камень, Мамин Камень, Шуриков и Шайтан.

Дунькин Камень. Почти в самом конце небольшого водного путешествия можно лицезреть настоящий памятник в честь девичьей любви. Скала, с которой решила броситься обманутая

Першинские скалы

девушка Дуняша, в народе так и названа её именем — Дунькин Камень. Я не хочу обижать память несчастной деревенской красавицы (мне хочется в это верить!), но мне это скала напоминает пончик или пышную булочку, щедро покрытую белёсым слоем пудры. Конечно, совершенно разные ассоциации. Но, так уж сложилось. Камень Дуняши красив в любое время года. Правда, я не имел возможности увидеть (пока!) его зимой, но, думаю, он также прекрасен, как и та любовь, которую испытывала неведомая хозяйка утёса.

А ещё я люблю показывать скалу с Каменным Лицом, которую называю Лицом Манси. Этот народ здесь когда-то проживал, а потому и можно ассоциировать именно с ним.

«Манси» — это моё собственное название скалы, не имеющее пока официального статуса. Действительно, совершая водное путешествие по одной из самых красивых рек Среднего Урала, в один прекрасный момент делаешь поворот, и ещё за кило-

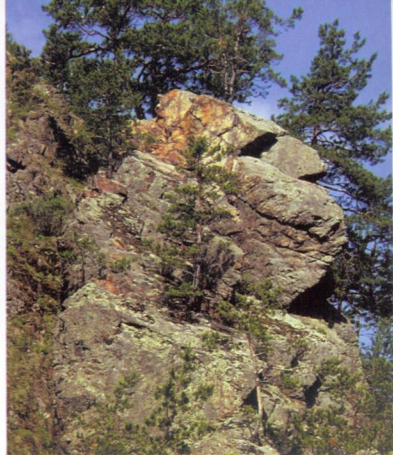
Першинская пещера

метр видно необычное каменное образование: от высокого левого берега откололось, но продолжает стоять, словно каменный дозорный, некий страж, чей профиль виден в любую погоду. Замершее в гримасе лицо ярко подчёркивают коричневая полоса по всему телу дозорного, расщелина, что отделяет

Арамашевская церковь

Лицо манси

нашего «солдата» от общей скальной массы породы, да резкие границы черт лица.

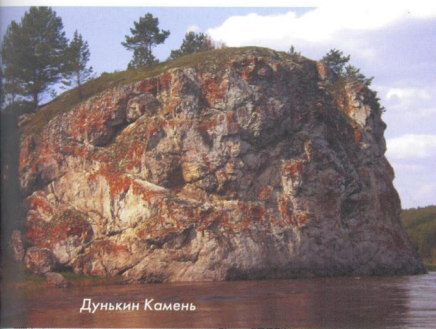
Мне довелось наблюдать «манси» в разные световые промежутки и даже в грозу, что наотмашь хлестала меня и моих спутников, сплавлявшихся по режевской водной глади. И всегда он встречал меня свои невозмутимым видом, не поддаваясь на погодные провокации. Даже в означенную грозу потоки небесной благодати не могли скомпрометировать его службу. Каждый раз приближаясь к нему, я с упоением рассказываю о своих впечатлениях и мыслях.

Некоторые мои спутники дивятся, дескать, чудной малый. Согласен, чудак. Но меня что-то роднит

с этой скалой. Она как часть моего прошлого — и я догадываюсь, что малоизвестного мне самому, вот в чём настоящее чудачество, — связывает меня с ней. На фото этот дозорный никогда не подводит мои ожидания. Чёткие, даже чуть резковатые черты профиля, словно для нас, ныне живущих, вырезаны и существуют. Я каменные лики часто имел возмож-

Излучина Режа в деревне Арамашево

Дунский Камень

сокие, но живые. Того, кто решится последовать за мной, будет ждать и сюрприз, когда проплывёт уже знакомый «мансийский» каменный лик. Не буду опережать — сами увидите. Взбираться на эту скалу неподготовленным и осторожным людям стоит в любом случае. Вас ожидает небольшая площадка, с которой великолепный вид на саму реку.

Всё, вскоре появляются крайние дома «аромашеской слободы», так в старину называлось селение.

Наш поход подходит к концу, как не жаль.

На Реже нас ждали великолепные скалы, отсутствие других «сплавщиков», красивые виды, быстрые перекаты даже в середине лета, масса историй и тайн, грациозные церкви, пример тому Церковный камень с двухсотлетним храмом Иконы Казанской Божьей Матери в деревне Аромашево. К нему мы сходили напоследок всей группой.

А ещё эхо. Не удивляйтесь, именно эхо. Оно здесь тоже особенное. И не случайно же на Реже есть скала Говорун, со своей увлекательной историей. Если прислушаться: река и её скалы и вправду умеют разговаривать, только надо прислушаться.....

Скоро мы снова придём сюда. И новая группа путешественников будет исследовать этот край, каждый раз выискивая что-то новое для себя. А нам будет приятно — путешествие-то продолжается!

ность наблюдать в наших хмурых горах. Судите сами: лицо чуть выше основания Семи Братьев, многочисленные фигуры, лица, лики и образы Каменных идолов Маньпулыньёра, речные профили скал, господствующих над уральскими водными артериями, да мало ли ещё чего.

И вот «манси» не исключение, а лишь подтверждение, что наши горы, пусть старые, невы-

Мантуров Камень

Из крайности в крайность, или от creaking до big volume

Древняя эскимосская притча (вместо предисловия)

Давно это было, очень давно. В те давние времена не было на свете суши, и кругом была лишь вода. Катились волны по волнам, растекались волны во все стороны бесстороннего тогда света — из ниоткуда в никуда. Откуда появилась суша, я не стану вам рассказывать, да только она появилась, и это факт! А после появился на ней человек, и с этим тоже не поспоришь.

И ходил человек на берег моря и смотрел на волны, так как суша тогда была ещё мала и он давно уже всю её обошел. А море было большое, и не видно было ему ни конца, ни края. Вот так сидел человек на берегу и смотрел в море, когда явился к нему Дух Воды. Звали его не то Ульмень, не то Таймень, сейчас этого уже никто толком не помнит, ибо давно это было, очень давно. И стал дух нащёптывать человеку, что далеко-далеко за морем есть другая, большая земля, тёплая страна и хорошо было бы там побывать, поглядеть, как там люди живут.

Человек сделал лодку из рыбьего скелета, из шкуры тюленя и назвал её каяк. Вырезал дырку, забрался внутрь и поплыл туда, где солнце садится в море. И никто из соплеменников его больше не видел. Никогда! И тогда все решили, что он уплыл на Солнце, ну, или ещё куда-нибудь. И тоже стали строить лодки и ходить по морю...

Много времени прошло с тех пор, много воды утекло. Люди научились делать разные лодки. Но умение делать каяки и ходить на них не забыто и по сей день. Более того, умение это переросло в науку, а для некоторых людей стало высоким искусством, для обучения которому они готовы посвятить всю свою жизнь!

Часть первая. Карагем

Наконец-то на Горный Алтай потянулись каякеры из Европы и даже из Америки. Девятого августа в местечке под кодовым названием «Капитанская дырка» собралась без малого 25 человек, представляющих эту замечательную диаспору. Одни вернулись из экспедиционы, другие, напротив, собирались отправиться навстречу новым приключениям. Наша команда, состоявшая из пяти человек, принадлежала ко второй половине и горела желанием без промедления осуществить свои дерзновенные планы. А планы эти были таковы: для начала Карагем-Аргут (от 4 до 5 дней), после Нижний Башкаус (за 2 дня), затем Чульча ниже водопада Учар (1 день) и «на закуску» решено было оставить Мажойский каскад (1 день). За нами, наступая на пятки, шла русско-американская команда, состоявшая из дюжины каякеров, имевших приблизительно те же планы, — то есть стать героическими героями ещё при жизни либо, превратившись в прах, увековечить свои имена в скрижалях бурновотинга.

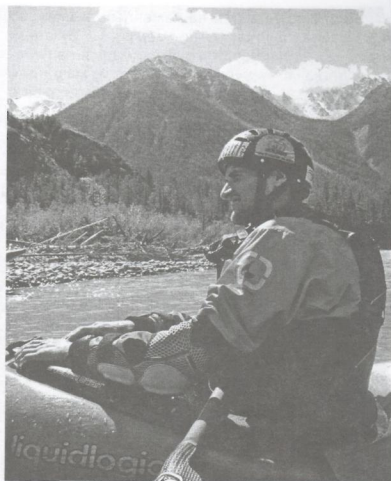
Заброска на Карагем является, пожалуй, одной из наиболее сложных среди прочих популярных водных маршрутов. От Горноалтайска около 450 км. до перевала Карагем (2800 м.) и около 12 км. пешком вниз с перевала до Карагемской поляны, откуда собственно и начинается сплав по Карагему, образующему слиянием рек Джело и Йолдо-Аеры.

Совершенно случайно удалось найти УАЗик, водитель которого за восемь тысяч согласился доставить нас на этот самый перевал. Сам он там не бывал, но мы заверили его, что дорога есть, хотя были знакомы с ней не более чем со слов третьих лиц.

Наш путь проходит через Чуйские степи. Здесь до границы с Монголией рукой подать. Горы и лес постепенно исчезают, и пространство открывается, насколько хватает глаз. Так непривычно видеть горизонт! Вокруг ни одного кустика. Сухая растрескавшаяся земля вздымается невысокими покатыми холмами. Безжизненная страна. Лишь на столбах электропередач вдоль дороги сидят неподвижные, как статуи, орлы, да иногда, если повезёт, можно увидеть стадо верблюдов. Пожалуй, только они удачно вписываются в этот пейзаж.

Заехали в село Бельгир, где местный драйвер пытался поколебать нашу веру в успех, заявив, что трёхдневные дожди размыли дорогу. Но верить аборигенам глупо, ибо они всегда врут! Первое препятствие — мост через реку Чаган-Узун, покосившийся и полузаотпленный мутным и вздувшимся от дождей потоком. Мы легко преодолеваем его. Последующие несколько вёрст довольно кривой дороги вдоль реки Талдура мы имели счастье обозреть окрестности на предмет последствий землетрясения. Последние были наглядно представлены огромными оползнями и глубокими трещинами на противоположной стене ущелья.

Постоянно теряя в небольших болотцах и находя вновь проклятую дорогу, к вечеру мы добрались до так называемого брода через Джело. Фактически же

мы оказались перед глинистым, ревущим потоком, сквозь общий гул которого можно было услышать стук крупных валунов, перекатывающихся по дну реки. После некоторого раздумья мы решили отложить до утра окончательное решение вопроса о переправе.

Утром, едва продрал глаза, все отправились смотреть брод. Вода, как мы и надеялись, действительно спала сантиметров на двадцать от вчерашнего уровня, и цвет её значительно изменился в лучшую сторону. Однако наш драйвер всё равно наотрез отказывался форсировать эту преграду, заведя старую песню: «Мост на ладан дышит, слишком глубоко» и всё такое. У нас же на этот счёт имелось своё, особое, давно сложившееся мнение: нет ложек — нет варенья. Либо едем дальше, либо расчёта не будет! Пришлось популярно изложить водителю нашу точку зрения на решение вопроса о расчёте, после чего, благополучно перебравшись через реку, мы начали подъём на перевал вдоль Джело.

Ручей Джело достоин отдельного описания. Долгое время мы вообще не могли понять, откуда в долину Талдуры вливается этот не маленький приток. И лишь когда я специально пошёл на разведку, то обнаружил узкий, извилистый коридор, разрезающий скалу надвое, словно горячий нож кусок масла. Поток, вырывающийся оттуда, предвещал выше по течению неслабые пороги, а возможно и водопады. Так вот, дорога на перевал проходит как раз над небольшим каньоном, выход из которого я видел снизу. На протяжении одного километра река течёт среди отвесных стен, где есть и несколько небольших водопадов, и пороги, вполне пригодные для сплава на каяках.

Дорога то теряется на каменных осыпях, то возникает вновь, как из-под земли, и «буханка» медленно, но неотвратно поднимается на перевал. Иногда кто-нибудь выпрыгивает из машины и бежит впереди, отыскивая след предыдущего авто и знаки приглашая ехать за собой.

Наш путь проходит по руслу одного из многочисленных ручьев. По всему видно, что здесь недавно был паводок, поэтому дороги как таковой вообще-то и нет. За очередным поворотом нашему взору предстает стадо сарлыков. Коровы разной степени мохнатости и всевозможных расцветок в ужасе шарахаются от нашего УАЗа. Предводитель этого разношерстного «зоопарка» выполняет серию немислимых прыжков, то приближаясь к машине, то отбегая в сторону; его действия явно несут агрессивный характер...

Постепенно пейзаж меняется. Вокруг раскинулась гигантская котловина, по стенке которой мы поднимаемся. Слева в ущелье спускается язык ледника, который упирается в висячую долину, образуя небольшое озеро, справа в котловину впадают истоки Джело. Здесь нет леса — это высокогорная тундра. Лишь темная вода многочисленных озер отражает облака на своей спокойной поверхности. По берегам лежит снег. Вершины вокруг скрыты тяжёлыми облаками.

Вот наконец-то появляется и перевал. Дорога здесь проходит меж двух невысоких каменных башенок, сложенных местными жителями в знак поклонения каким-то неведомым духам. На перевале невыносимо холодно. Пронизывающий ледяной ветер несёт не то редкие капли дождя, не то льдинки. Несколько минут мы стоим в этой пустынной местности, но быстро замерзаем и забиваемся в машину. Разогретый двигатель разливает пахнущее маслом тепло. Ветер бессильно завывает, разбиваясь о стальную обшивку. Я содрогаюсь при мысли, что в долине Карагема нас ждёт подобная погода, но, глядя на спокойные лица своих друзей, понимаю, что вместе с ними мы прорвемся куда угодно, хоть к черту на рога.

С перевала машина прошла ещё около четырех километров, скрипя рессорами и перепавшаяся с боку на бок в глубокой колее, набитой явно более крупными колесами, и, в конце концов, остановилась перед бродом через Йолдо-Аеры. Здесь мы рассчитались с водителем, доплатив ему ещё 500 рублей за бездорожье, и остались один на один с этой суровой красотой, которая подавляла своим величием. Дальше пешком, с лодами и баррахлом, вперёд в неизвестные ещё места. Впрочем, нет, вру: из всех нас здесь когда-то был Сэм, в далеком прошлом он путешествовал тут с туристами на катамаранах.

Под низким и тяжёлым свинцовым небом и мерзким морозящим дождиком мы разделили продукты, перекусили карамельками, набили свои лодки шмотками, опутали их хитромудрыми приспособлениями (конструкции Николая Тимонина) и медленно двинулись вниз, по долине, которая посте-

пенно переходила в глубокое ущелье. Несколько раз приходилось форсировать небольшую речку, вдоль которой идет дорога. Вода нереальной температуры, она не замерзает лишь благодаря быстрому течению. В одном месте приходится переправлять лодки с вещами через поток на верёвке, здесь вода доходит почти до пояса, ноги сводит судорогами...

Мы все уже насквозь мокрые, но главное — не останавливаться, ибо на остановках сразу начинаешь замерзать. Кое-где дорогу закрыли свежие оползни. В таких местах, идёшь по крутому берегу, подмытому водой, и видишь, как он едет под ногами, увлекая тебя в реку. Выходишь на осыпи из крупных камней, и они начинают раскачиваться под ногой. Сложно устоять, особенно когда над твоей головой на добрых два метра торчит лодка, которая отнюдь не добавляет тебе устойчивости.

Так продолжается около семи километров. В конце — подъём. Это последнее испытание на выносливость. Где-то внизу шумит набравшая силу река. Судя по звукам и рассказам очевидцев, там целое ущелье для настоящего каякинга, но у нас нет ни сил, ни времени для его разведки. На спуске к Карагемской поляне нам навстречу попадаются пеше-горные туристы. Испуганно хлопая глазами, они застывают по стойке смирно, пока мы проходим мимо. Опять на нас смотрят как на космонавтов, что, впрочем, не далеко от истины.

Наконец мы выходим на огромную поляну. Именно отсюда стартуют все «ныряльщики», здесь сливаются две реки, образуя Карагем. На поляне нами была обнаружена замечательная избушка, в которой оказалась не менее замечательная девушка. Она дождалась команду пеше-горнолазных туристов из Барнаула и была брошена ими здесь по причине намозоленных ног.

Я взял два ведра и отправился за водой. До реки было довольно далеко, но на полпути через поляну протекал ручей. Вода была прозрачной и холодная, словно лёд. Ручей разлился, затопив травы на берегах, и теперь они волнами колыхались на дне, как под ветром в поле. Трава на поляне стояла высокая, почти по пояс, и берегов у ручья не было. Из мокрой от дождя травы можно было незаметно зайти в воду, но я уже давно был насквозь мокрым и долго стоял по колено в воде, чувствуя, как она обжигает ноги.

Наша новая знакомая с любопытством расспрашивала постояльцев обо всём, что вызвало её бесконечный интерес, и я поймал себя на мысли, что меня совсем не напрягают эти надоевшие вопросы. Ночью на наши головы свалилась очередная кара горноалтайских богов в виде небольшого землетрясения в 5-6 баллов. Я проснулся от звона стекол в окнах. Вся избушка ходила ходуном... Но не успели мы перепугаться, как всё закончилось так же неожиданно, как и началось. Ещё добрых полчаса все шумно дискутировали на тему природных катаклизмов и слушали камнепады в окрестных горах.

Пока готовили завтрак, однотонное серое небо

порвалось прямо над нашими головами, и в долину потянулись первые робкие солнечные лучи, растворяя молочные сгустки тумана, зацепившиеся за склоны зелёных гор. Солнце, которое не замедлило появиться из-за туч, с интересом наблюдало следующую картину: на крыльце избушки ровным слоем были разбросаны наши разноцветные пожитки и упаковки с продуктами, а мы пытались разделить между собой весь этот груз.

— Эй, друзья! Кто возьмет ЭТО? — говорит Сэм. Он взял котел в руки и тем самым решил его участь, ещё не догадываясь об этом. Все продолжают уграмбовывать продукты вперемешку с вещами, громко выказывая свое недовольство по поводу неудобства кормовых отсеков для перевозки грузов.

— Андрюкса, к тебе котёл не влезет?

— Дай попробую... Нет, не влазит. Да я к себе уже «сникерсы» положил, они очень тяжелые!

— Да?! — негодует Сэм. — Давай-ка я к себе «сникерсы» возьму, а ты котел забирай!

— Не, так не пойдет. Он же ко мне не лезет, — твердит Андрюкса. — И потом, это большая ответственность «сникерсы» возить. Я не могу тебе их доверить.

— Юрик, может к тебе положим? — Не унимается Сэм.

— Ну что ты, — отвечаю я, — уж если к Андрюксе не вошёл, ко мне и подавно не войдет, у меня же пиллерс кормовой мешает. Может, тебе банку открутить, тогда должен влезть.

— Да?! Я чё, каждый раз её откручивать и прикручивать буду?!

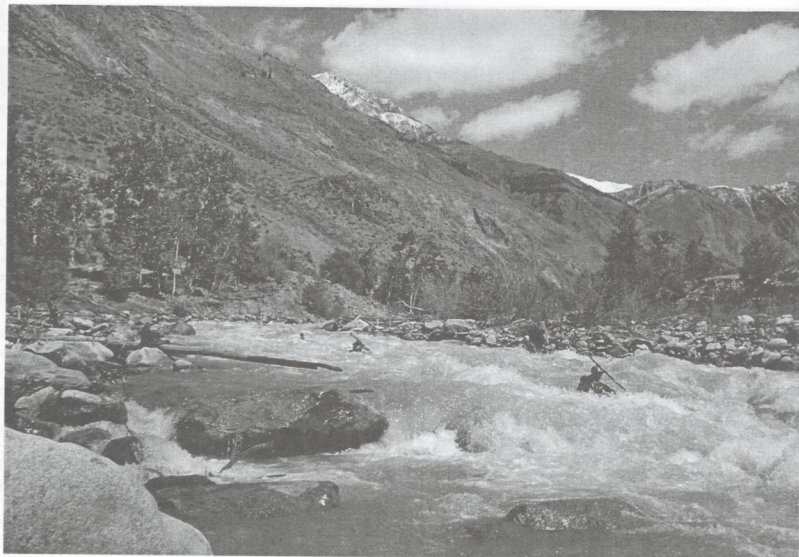
— А может, котел отпилить или загнуть? — предлагает Ванечка. Он вообще юморист.

— Вы чё, сдурели?! — Это Саня, он всегда такой эмоциональный. — Надо только раз прикручивать, когда запиливаешь и вечером откручивать, когда достаешь!

— Да?! Не хочешь попробовать?! — но Сэм уже сдаётся.

К моменту нашего старта солнце светило вволю, и лишь мокрая трава напоминала о недавней непогоде. Мы долго идём друг за другом через поляну, утопая по колено в росистой траве. Пять разноцветных фигур, сторбивших под тяжестью лодок. На поляне, кроме нас, стояли ещё какие-то турики из Москвы. В общем, все, как один, выстроились на берегу с фотокамерами, и выглядело это довольно забавно. Ну прямо «Прощание славянки» устроили.

Карагем оказался довольно шустрой речкой, да иначе и быть не могло. Будь он чуть медленнее, вода в нём непременно замёрзнет и спускаться можно будет разве что на коньках. Через час сплава по непрерывной шивере, поминутно отогревая руки дыханием, нас снадало желание найти подходящее для остановки улово, дабы размять свои занемевшие членки. Последующие полчаса поисков не имели положительного результата. Не то что бы их не было, но либо мы замечали их довольно поздно, либо они

казались нам слишком маленькими для пяти лодок. Проще говоря, река выпадала из ряда прочих типичных алтайских рек, где после порога всегда имеется специально оборудованное для стоянки улово. Мы уже втянулись в первое ущелье, представлявшее собой бесконечный и довольно однообразный несложный порог. Пока что сложность сплава, лично для меня, заключалась в том, чтобы приноровиться к «новой» воде. Высокая скорость потока предполагала быстроту реакции на возникающую картинку, и это было довольно интересно.

Наконец на повороте реки нам удалось собраться всем вместе в не самом, впрочем, подходящем месте. При попытке выйти отсюда некий *anklefucker* убрался под раскидистые бревна и немедленно затонул! SOS...SOS...SOS. Сам он спасся довольно быстро, просто вышел на берег пешком. А вот за его корытом мы с Ванечкой гнались довольно долго, и, признаюсь честно, причалить его своими лодками не представлялось возможным, а брать на трамвай на таком потоке желания не возникало. Лодка остановилась сама. Тут уж мы вытащили её на берег.

Из всех порогов первого ущелья реально выделяется только порог «Селевой». Первую его часть (около 30-50 м.), замусоренную бревнами, мы занесли, а во второй (весьма протяженной), словили такой кайф, какого я не припомню в этом сезоне. Перед «Селевым», как и положено в таких случаях, имеется характерное озеро, из которого торчат маяки

сухостоев, заметные издали. На выходе из него природа неслабо почудила! Друг против друга впадают в Карагем два притока. Небольшой, едва заметный ручеек слева, откуда и сошел сель, и более крупный справа. Последний имеет достаточное количество воды и замечательные пороги-водопады для того, чтобы укататься на маленьких лодочках!

В нижней части порога, русло разбивается на несколько протоков, левая из них наглушняк залеплена бревнами, в связи с чем попадать в неё не рекомендуется, а рекомендуется в неё не попадать. Короче говоря, когда я заехал в этот, представлявшийся с берега не слишком-то серьезным, порог, то, как говорится, света белого не видел, а когда видел, едва успевал понять, где нахожусь. Но, на всякий случай, дабы не создавать паники, продолжал энергично грести и вскоре очутился в маленьком улове под левым берегом, с удивлением отметив про себя, что всё закончилось. Здесь мы роскошно пообедали мегапитательными супербатончиками. Немного погрелись у костра, спрятавшись от вездесущего ветра в тени за скалой. И, если доверять описанию, вошли во второе ущелье, которое, по сути, ничем не отличалось от первого.

Все пороги были похожи друг на друга, и иногда сложно было определить, где заканчивается один порог, а где начинается следующий. Небо вновь затянуло облаками, и очень скоро все мы замерзли. Найти стоянку оказалось не так-то просто. Берега

глубокого ущелья спускались к реке крутыми осыпями. Здесь не только ночевать, но и ходить было трудно и опасно, а ехать дальше совсем не хотелось. С трудом удалось отыскать небольшую полку, сплошь заросшую тайгой. Здесь, среди дремучего леса, мы расчистили небольшое пространство, подходящее для того, чтобы растянуть кусок капрона, который служил нам крышей.

Наутро погода окончательно испортилась, вновь стало холодно и сыро. Но отступать было некуда, и мы продолжили наше путешествие. Второе ущелье оказалось намного короче, а вода, к которой мы успели привыкнуть, уже не казалась нам сложной. Но если можно привыкнуть к сложности, то вот к холоду привыкнуть гораздо труднее. И мы поминутно останавливались в крохотных сводах, что бы отогреть дыханием замерзшие пальцы.

Недавно при переправе через эту реку, в районе между вторым и третьим ущельем, утонул какой-то турист, чьи бранные останки нас просили поискать, и мы изображали поиски, зыряка во все стороны из лодок, от души надеясь, что не нам выпадет «удача» найти этого несчастного.

Брёвен и завалов здесь было более чем предостаточно. Что в совокупности с высокой скоростью потока представляло некоторую опасность и вообще не добавляло романтики этой и без того не слишком приятной реке. Перед третьим каньоном на реке — участок разбоев, протоки которых засорены хитросплетением колоссального количества древесины. Иногда просвета в них не видно до самого последнего момента, и, лишь подобрившись вплотную к завалу, можно заметить небольшой просвет чистой воды. В одном месте меня прижало к отвратительному растению, едва не насадив на острые обломки сучьев, поставило вертикально на свечу и каким-то чудом не утащило под бревно. Минуту я висел на струе, намертво прижатый к стволу, вцепившись руками в сучья и пытаясь выправить крен лодки.

Мимо пролетел Сэм. Кажется, он что-то кричал, но не силах был что-либо сделать. Изю всех сил я пытался выправить положение лодки, и вдруг какая-то неведомая силаща подхватила меня и, вернув в нормальное положение, вынесла на середину реки! Чудо, свершилось чудо! А говорят чудес не бывает. Враньё, бывает. Теперь я это точно знаю.

В другом месте, выезжая из-за крутого поворота, мы все едва не убрался под бревно, перекрывшее поперек всё русло на мощной струе. Уловов поблизости, естественно, не оказалось, и мы едва успели зайти за каменную отмель прямо на быстроток. Здесь скорость течения была чуть меньше, и вся наша команда ещё долго стояла на веслах против течения. Никто не решался первым причалить к берегу. Ведь первому предстояло выпрыгнуть из лодки на берег самостоятельно и поймать следующего. Героем стал Ванечка и спас всех остальных.

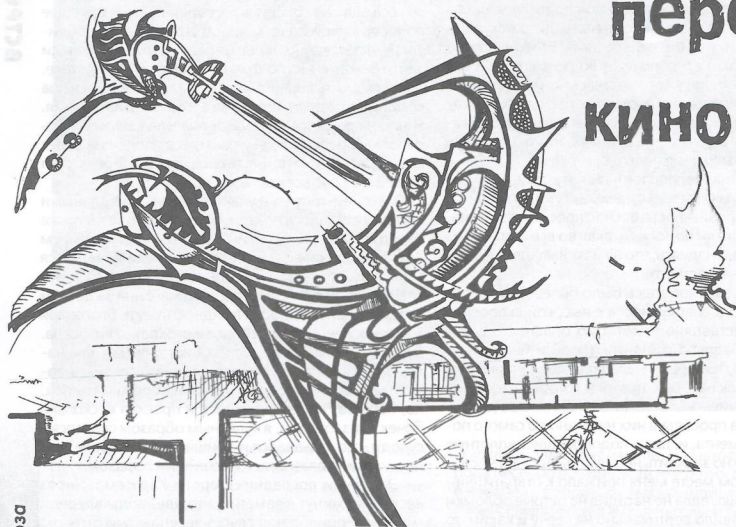
Наконец-то третье ущелье с его колоссальными завалами осталось позади, и все гадают, за какой же из гор мы увидим великий и ужасный Аргут. Делаем алкогольные ставки, как вдруг впереди появляется мост, под которым явно угадываются какие-то пороги. Вылезать из лодок неохота, и мы один за другим уходим в неизвестность. Мощность реки, благодаря многочисленным притокам, многократно возросла. Это уже совсем не тот Карагем, с которого мы начинали. Пороги стали заметно серьезнее. В какой-то момент мне показалось, что наступает большой пипец, но, пару раз перевернувшись и проехав несколько бочек вниз головой, я чудесным образом оказался в своды, где отдышался и пришёл в себя, после чего продолжил сплав более достойным образом.

Это были последние пороги Карагема. Через несколько минут я заметил, что цвет воды впереди меняется, приобретая слегка зеленоватый оттенок, и мы оказались уже совсем в другой реке. Слева открылось ущелье Аргута.

Окончание в следующем номере

Никто не устоит перед кино

Расположившись на балконе высотного этажа и прихлебывая из бутылочек прохладное пиво, Джекки наслаждался зрелищем сражения. В миле над землей два гигантских сверкающих корабля, грузно маневрируя, стегали друг дружку огненными радугами. Ее Величество Смерть сотрясала небеса грохотом, разгоняя горожан по подвалам и переполненным убежищам. Картина завораживала, вызывая благоговейный трепет, и Джекки не видел ни одного смельчака, кто подобно ему наблюдал бы за схваткой с балкона. В этом жутковатом театре он представлял собой единственного зрителя. Впрочем, небесная дуэль близилась к завершению. Оба корабля успели получить серьезные повреждения. Один из них все больше кренился, стремительно теряя управление. Через обширные иллюминаторы было видно, что внутри парящего дреднота полыхает пожар. Конца оставалось ждать недолго, и когда прогремел роковой взрыв, Джекки даже не моргнул глазом. Соскользнув вниз, стальной гигант рухнул на хрупкие крыши небоскребов. Каменный град хлынул на тротуары улиц, клубы пыли взметнулись к

небесам. Приблизившись к месту падения, соперник искристыми очередями принялся добивать тех, кто надеялся еще спастись...

Джекки настолько увлекся разыгравшейся на глазах трагедией, что внимание на приближающуюся стаю обратил чересчур поздно. Исполинских размеров крысы входили колоннами в город. Они знали, что делали. Время для утоления голода было самым подходящим! Увлеченные войной люди становятся невнимательными и рассеянными. Вот и сейчас, заметив человека, грызуны, ни секунды не колеблясь, по-слоновьи медленно поползли по стенам. Казалось, земного притяжения для них не существует. Шаг за шагом они одолевали этажи небоскреба. Самая крупная из них, почерневшая от старости, тигровой масти, сунулась на полпути в одну из балконных оранжерей, азартно молотнула голым хвостом. Хрустнули рамы, и звон осыпающегося стекла слился с отчаянным воплем. Все так же медлительно хищница высвободила длинную усатую морду. Зубастая пасть стискивала трепещущую жертву — какого-то бородатого старикашку, изо всех сил

колящего сухонькими кулачками по нижней челюсти крысы. Но последней было все равно. Круглые, с футбольный мяч, глаза ее уже глядели на Джекки. И тотчас зрительский восторг сменился ужасом. Отшатнувшись от напыляющих монстров, Джекки ударился затылком о бетон и похолодел. Отчего-то у балкона не оказалось двери! По всему выходило, что он очутился в ловушке! Голая бетонная стена и перила... Но как же это? Почему?!

Тем временем крысы добрались до его балкона. Лохматые морды надвинулись вплотную, в лицо дохнуло гнилым смрадным. Закричав, Джекки увернулся от клацающих клыков, но уже в следующую секунду огромная пасть мягко и бережно обхватила его плечо, и, дернувшись, он проснулся...

Сенбернар Лотрека, его первого помощника на этих островах, топтался возле койки и слюнявыми брылями терзал высунувшуюся из-под простыни руку. Издав воинственный рык, Джекки ухватил его за уши, рывком притянул к себе. Пес забрыкался, вырываясь. Повалив сенбернара на пол, Джекки дурашливо объявил:

— Поединок, которого ждали миллионы зрителей, завершился полным поражением Лима! Хилые мышцы пса-тяжеловеса не шли ни в какое сравнение с мускулатурой его соперника — известного режиссера Джекки Баруа! — он наклонился к мохнатой голове сенбернара и в самое ухо пробубнил:

— Тебе бы такой сон, дуриал! Рассказать, не поверишь... — он потрепал пса по лобастой голове. — Ладно, убирайся! Уже встаю. Так и передай своему хозяину.

Отпустив сенбернара, Джекки Баруа взглянул на часы и выбрался из постели. Что ж, совсем неплохо! Вполне приличный сон и вполне приличное настроение. Легкий стресс — не в счет, поскольку творческим личностям это тоже на пользу. Главное, что ни малейших признаков головной боли!..

Самое трудное в здешних местах — это пережить день. Тропики едят тропики. От солнца можно, разумеется, укрыться в тень, а мощный кондиционер в пару минут остудит комнату, но это максимум благ, который способна предоставить современная техника. Колотый лед, охлажденное пиво, душ и солевые таблетки — все это, к сожалению, помогало в их основном деле. Занимаясь съемками в полуденную жару по-прежнему было форменным самоубийством. Смирившись с климатом Торнэйских островов, Джекки полностью переиначил свой рабочий день, а значит, и рабочий день всей приехавшей с ним армией киношников. Фильм снимали ночью, утром и вечером. Днем — все сто тридцать шесть человек — операторы и актеры, пиротехники и осветители, каскадеры и костюмеры спешили укрыться в палатках, в nascоро сооруженных из пенопластовых плит домиком. Утром и вечером работа возобновлялась. Первым, как правило, пробуждался Лотрек. Он-то и посылал своего лохматого Лима выполнять неприятную миссию — будить «командующего армией». С пробуждением Джекки все не-

медленно приходило в движение, и люди окунались в съемочные будни, как суповой набор в кипящую воду. По ощущениям режиссера, вареву обещало получиться крайне аппетитным.

Приводя себя в порядок, Баруа машинально проделал привычные манипуляции — коронетная зарядка, душ, полоскание рта ароматизированной водой. После этого он белго причесался перед зеркалом и быстро оделся. Попутно успел переодеться новым, принесенным накануне костюмом. Все-таки да здравствует одежда! Именно она по праву заслуживает того, чтобы называться восьмым чудом света. Хорошо и изящно подогнанная, именно одежда способна изменить фигуру до неузнаваемости. Это не просто вторая кожа, это вторая жизнь! Пара минут — и появляются широкие плечи, стройный стан и все то, что так хочется увидеть в зеркале. Это вам не пыхтеть часами в тренажерных залах! Просто, дешево и удобно! То есть, но совсем, конечно, дешево, но Баруа себе подобные подарки мог вполне позволить. И позволял.

Придирчиво осмотрев себя, Джекки остался доволен. Как всегда он выйдет наружу легким неспешным шагом и, приподняв над глазами затемненные очки, с усмешкой оглядит собравшихся людей — невыспавшихся, помнящих, украдкой зевающих в ладони. Лишь трое, как обычно, составят ему конкуренцию: Лотрек — однофамилец знаменитого художника, собранный и аккуратный испанец, в обязанности которого входило быть везде и всюду, являя собой образец пунктуальности и предпринимчивости; доблестный Валентин — загорелый гигант с бицепсами в двадцать дюймов, супергерой всех его сериалов; ну и, конечно же, неотразимая Паолина, которая не нуждалась ни в каких комплиментах и была просто Паолиной. Эту девушку не испортила бы ни дерюга, ни самый кошмарный наряд, не говоря уже о том, что она превосходно выглядела и без всякой одежды.

Джекки вновь подумал о том, что сон ему приснился расчудесный. Вот если бы это суметь воспроизвести на экране! Феерия красок, парад проникающих в кровь ужасов — как раз то, в чем так нуждается сегодняшней обыватель. Впрочем, что же тут невозможного? Современная компьютерная техника по одной-единственной фотографии или картинке способна воспроизвести на экране кого угодно — Чаплина, Пушкина, покойных президентов США и Англии, даже кого-нибудь из Людовиков! А уж поместить в город гигантских крыс — проще простого! На счастье тех же обывателей в мире существовали еще люди вроде Баруа, и свою безудержную фантазию эти воинствующие режиссеры готовы были предоставить в полное распоряжение зрителя.

Да уж!.. Баруа знал, чем потрафить публике, и пока он жив, зрителям всегда будет что посмотреть в кинотеатрах. «Кошмары и ужасы Баруа», «Багровое шоу короля экзотики»... А сколько других газетных заголовков всплывет в самом ближайшем буду-

щем! Невидимая рука будет осыпать пресыщенных телеманов оплеухами, стискивать их тоще шейки, увлекать на чужие планеты, в болота и пещеры, стелющаяся с зубами и когтями синелищцы созданий. Пока Джекки будет видеть подобные сны, ему не нужны будут ни годы раздумий, ни мучительные кинопробы с актерами, ни мощные галлюциногены. Талант — это та штука, что всегда при тебе, — и, ей-богу! — коллегам стоило за него держаться. В любой день и в любой час Баруа сумеет сообразить, чем еще можно потрясти огрубевшего зрителя, чем околдовать наиболее капризных и привлечь внимание наименее восприимчивых.

С этой приятной мыслью он распахнул дверь настезе и вышел под тропические солнцеобильные небеса. В лицо пахнуло зноем и влагой тропиков, и он еще раз поздравил себя с тем, что сумел выдержать в этом пекле более полугора месяцев. Это время оказалось нелегким, однако оно не прошло даром, позволив Баруа, подобно снайперу, делающему зарубки на прикладе винтовки, внести в боевой счет очередное хлесткое наименование, завершив свою очередную картину.

— Ну что ты будешь с ними делать! — потрясая кулаками, Лотрек выскочил на съемочную площадку и, подняв выпавший из рук вождя нож, встряхнул насуленного Сухза за плечи.

— Все, что ты должен выполнить, — это подбегать к ней и выволочь из шатра! Неужели не понятно? Не можешь кусаться — не кусайся, но хотя бы схвати и выволоки! Боже, это так просто!.. Она твоя пленница, поймай!! Идем у не ма туюс... Как же это идиотское слово?.. — он схватился за голову. — Ага! Луинь га иэкэ ма...

Джекки покачивался в шезлонге под широким зонтом, с ухмылкой наблюдая за попытками Лотрека растолковать Сухза, вождо пигмеев, что же тому надлежит сыграть. Наконец-то свершилось невероятное: пигмеям удалось вывести из себя Лотрека! Сдержанного, невозмутимого Лотрека!.. Впрочем, когда-нибудь это должно было случиться. Съемки подходили к концу, жара и упрямство малорослого народца сделали свое дело. Все знали, что сегодняшним эпизодом фильм будет практически завершен. Может быть, поэтому атмосфера вечера пропиталась особой напряженностью. И если раньше помощник Баруа не ленился объяснять ситуацию трижды и четырежды, то в этот день он заводился с полоборота. Два часа назад они сняли убедительную сцену, где облепленный стрелами Валентино, напрыгая перепачканные кровью мышцы, в последнем судорожном усилии разбрасывал толпу пигмеев. Все получилось просто превосходно. Правда, для этого опять пришлось гримировать группу привезенных на острова актеров-карликов, пигмеи опять заартачились. Ничего не поделаешь, издержки кинопроизводства! Театр лиллипутов запросил довольно кругленькую сумму, но у Баруа и Лотрека не оставалось

выбора. Пигмеи упорно отказывались играть сцену с насилием. Увы, на этих фруктово-банановых островах духом гипертрофированного пацифизма было пропитано буквально все! Дикари понятия не имели об оружии. Более того, они совершенно не ели мяса! Природные вегетарианцы — что могло быть хуже для создания подобного фильма! Именно поэтому специальные инструкторы дено и ночью обучали малорослых дикарей метать копьа, стрелять из луков и драться на ножах. Как ни крути, типаж пигмеи являли великолепным. Коротконогие, не превышающие четырех футов ростом, с выпирающими челюстями, с ушами, лишенными мочек, эти человекоподобные существа превосходно вписывались в кровавадный сценарий. Но в том-то и заключался главный парадокс! Ибо, наделив дикарей устрашающей внешностью, природа насколько не позаботилась об адекватном характере. Порой Лотреку приходилось часами убеждать пигмеев перестать улыбаться. Так же тщетно их пытались отучать от кивков и рукопожатий. Кук, давний оператор Баруа, изнемог, пожалуй, более других. Вечно скрюченный, с тяжелой камерой на плече, он таскался за капризными аборигенами, ежесекундно ожидая команд Джекки. Актеры из пигмеев вышли никудышные. От раздраженных объяснений они тушевались и краснели, как семилетние девочки. И всякий раз, когда намечалась очередная потасовка, норовили ударить со съемочной площадки в джунгли. Слава богу, под рукой всегда находились карлики, готовые заменить пигмеев в наиболее щекотливых сценах. Инструкторы же Лотрека в поте лица отработывали свой хлеб, убеждая аборигенов, что стрельба из лука — одна из увлекательнейших игр, что завывание у остра — лучшее обычного песнопения, что ножи и копьа — обязательная принадлежность всякого настоящего мужчины. Тем временем группа ассистентов бродила по острову, выискивая по полянам и кустарникам брошенные ожерелья из клыков, подбирая мачете и луки. Весь этот собранный скарб вновь раздавался дикарям, и бедолага Кук возобновлял слежку за вооруженными пигмеями, карауля редкое подобие свирепости на детских мордашках представителей вегетарианства. Тем не менее, Джекки Баруа не сомневался: в конечном счете весь их труд окупится сторицей. Один только этот кадр, где прекрасная Паолина пытается оказать сопротивление разъяренному лиллипу, мог потрясти кого угодно. Но для этого следовало заснять сцену от начала и до конца...

Обреченно скрестив на груди руки, Лотрек с напряжением ждал. Вымученная улыбка не красила его лица, но о другой он пока и не мечтал. Только что, поддавшись его уговорам, Сухза предпринял очередную ролевою попытку. Приближающиеся к лежащей на шкурах Паолине, он робко взял ее за руку и неловко затоптался на месте. Так он изображал насилие, и в этой крохотной сцене Паолина просто обязана была чутьчку поспортивиться. Однако, стоило актрисе разок дернуться, как вождь тут же выпустил ее, в растерянности оглянувшись на оператора.

На голову дикаря обрушился шквал ругани. Дубль был безнадежно испорчен.

— Он меня держит, как не знаю что, — пожаловалась Паолина. Она успела принять исходное положение и аккуратно расправила на бедрах живописные лохмотья. — Мне приходится самой сжимать его пальцы!

— Босс, — Лотрек хмуро взглянул на Баруа. — С этим куском, похоже, ничего не выйдет.

— Ох уж мне эти добрейшие создания, — громко вздохнул Кук.

— Да уж... Придется снова монтировать. Сначала карлика со спины, потом крупным планом лицо этого заморыша. Затем извивающуюся Паолину и снова Сухэа.

— Не годится, — Джекки качнул головой. — Слишком много врезок. Эпизод превратится в сплошное мелькание. Зрителю это уже надоело. Согласитесь, время от времени он просто имеет право рассмотреть, что же там все-таки происходит — на этом чертовом экране.

— Но вы же видите: этот клоун даже прикоснуться к ней боится! Они все тут смотрят на нее с раскрытыми ртами. У него не получится ни ударить ее, ни как следует схватить за волосы. Просто черт знает что!

— Значит, надо призадуматься, — коротко сказал Джекки. — Тысячу долларов за идею!

Он по-прежнему покачивался в шезлонге, а вся труппа озадаченно переминалась вокруг. Шли минуты, а желающих заработать искомую тысячу не находилось.

— Еще полчаса, и я не смогу снимать, — пробурчал Кук. — Солнце вот-вот сядет!

Баруа никак не отреагировал. Лицо его выражало полнейшую невозмутимость. О солнце и времени он знал прекрасно, но еще парочку минут он все же позволит поломать им головы...

Воспользовавшись передышкой, Сухэа отошел от Паолины подалеже и уютно расположился на поваленном дереве. Стоило дикарю чуточку расслабиться, как на губах его тут же расцвела самая беспечная улыбка. Он не видел причин для ссор и вражды. Он радовался сказочным пальмам, небу и океану, радовался большому белым людям, приплывшим из далеких невиданных стран со своими забавными домиками, с непонятной игрой в непонятное...

Пара минут прошла в абсолютной тишине. Никто по-прежнему ничего не родил, и Джекки самодовольно потянулся.

— Сделаем так, — он прищурился. — Похоже, Паолина действительно нравится малорослому пацифисту. Почему бы не воспользоваться этой симпатией? Если, скажем, дикарю придется ее спасать...

— Спасать? — как всегда, Лотрек соображал быстрее других. — Господи!.. Мы разожжем за ее спиной огонь. Так, босс? И когда

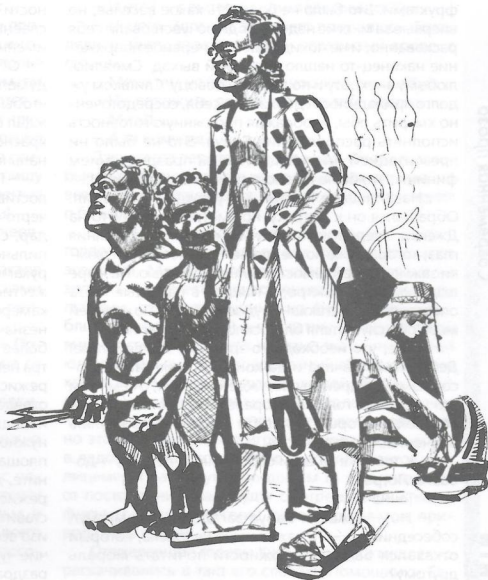
она заверещит, этот дурачок выдернет ее из шатра. Все будет в точности, как в нашем сценарии!

— В сценарии нет огня, — спокойно возразил Джекки. — Мы сделаем иначе. У нас есть питон, а эти ребята знают, что такое змеи. Мы выпустим питона, но так, что в кадр он не попадет, а остальное произойдет, как ты сказал.

— Гениально, босс! — Лотрек тут же обернулся к ассистентам и гаркнул. — Ну? Чего встали?! Питона сюда, живо!

Баруа тщательно проследил, чтобы на губах его не появилась улыбка. В историю выгоднее войти невозмутимым. Он лишь сделал свое дело и только. Никаких лишних эмоций! В конце концов, он не Сухэа, чтобы улыбаться каждому пустяку, а людям следует знать, что подобные ребусы для него ни что иное, как семечки. Невзрачный пустячок... Сам он, по крайней мере, в этом не сомневался, как не сомневался и в том, что через пятнадцать-двадцать минут завершающий эпизод будет полностью снят.

Фильм монтировали здесь же, на островах. Джекки не зря добивался того, чтобы со съемочной группой на Торнэи выехала передвижная кинолаборатория. Одним из немаловажных условий успеха фильма он считал оперативность выхода на экран. Идея, маринуемая годами, устаревает, теряя

жизненные соки. Всплеск, рождаемый мыслью, должен реализовываться немедленно. В противном случае работа по вдохновению рискует превратиться в монотонную каторгу или того хуже — кто-нибудь из прытких конкурентов выхватит идею из-под носа, сумеет реализовать в более сжатые сроки. Будучи опытным киношным волком, Баруа понимал, что тязбы по обвинению в плагиате — самое бесплодное занятие на свете. Никто пока не узурпировал власти над человеческой мыслью, и теоретически две абсолютно одинаковые идеи вполне могли родиться в двух абсолютно разных головах. Любой суд принимал это во внимание, и доказывать обратное значило выставить себя на всеобщее посмешище. Поэтому Баруа предпочитал работать — и работать по возможности стремительно. Он не первый узнал об островах, населенных жутковатыми пигмеями, но ему первому пришла мысль об использовании диакри в художественной постановке. Сейчас, чувствуя, что долг в общем и целом выполнен, Джекки мог наконец позволить себе расслабиться, мог позволить расслабиться другим.

В этот день работала только монтажная лаборатория. Съёмочная группа, актеры, команда корабля, стоящего в бухте, — разношерстная компания устроилась за расставленными посреди палаточного городка столами. С самого утра с судна непрерывным потоком доставляли ящики с вином и пивом, с зеленью и готовым мясом, с охлажденными фруктами. Это было не бог весть какое веселье, но впервые за многие недели люди почувствовали себя раскованно, и не покидавшее их нервное напряжение наконец-то нашло здоровый выход. Сместился любому анекдоту и по любому поводу. Слишком уж долго приходилось сдерживать себя, сосредоточенно хмурить лбы, изображая постоянную готовность исполнять распоряжения Баруа. Это не было ни презентацией, ни официальным празднованием финиша, это было физиологический разрядкой!..

...Навалившись на стол, Кук уверенно говорил. Обращался он к Лотреку, но смотрел почему-то на Джекки — вероятно, по причине странного состояния глаз, которые уже после третьей или четвертой рюмки зажили своей самостоятельной жизнью. На жаре люди хмелели быстро, и глядеть в раскосые глаза оператора было сплошное удовольствие. По крайней мере оба слушателя благосклонно улыбались.

— Все, что необходимо зрителю, это действие! Действие от начала и до конца! Всякие там философизмы, мудреные рассуждения о том, о сем — ни что иное, как голая мораль. А вы покажете мне человека, который желал бы выслушивать мораль в течение полутора часов.

— К тому же за свои собственные деньги, — добавил Лотрек.

— Точно-а!..

— Но! — Джекки Баруа загадочно подмигнул собеседникам. — Покажите мне человека, который отказался бы от возможности почитать мораль другому?

Лицо у Кука вытянулось. Лотрек же громко расхохотался.

— Босс! — он потянулся с бокалом. — Вы не поверите, но это шестая порция. И снова за вас!

— Если говорить о зрителе, — продолжал Баруа, — то самое надежное — держаться середины. Той самой, что прозвана золотой. Жизнь не существует справа или слева, она всегда в центре, как истина, что лежит между двумя полюсами. Компромисс! Всюду и везде! Поэтому ни в коем случае не считайте зрителя глупее себя, но не считайте и умнее. Только в этом случае вы имеете серьезный шанс угодить в яблочко...

В дальнейшем конце стола оглушительно громыхнуло. Пиротехники время от времени пускали в небо разноцветные ракеты. Обождав, когда поухтихнул треск фейерверков, Баруа улыбнулся.

— А формула успеха — исключительно проста: немножко очаровательной эротики, столько же шутильных диалогов, не слишком глупый сюжет и по возможности симпатичные герои.

— Он и она! — вставил Кук.

Джекки милостиво кивнул.

— Верно. Но все дальнейшее зависит уже от нас. Испортить можно даже самый талантливый сценарий. И напротив — серенькое, невзрачное с помощью актеров и режиссуры можно поднять до звездного уровня. Вы видели нашего Валентино? В чем скажите его успех? В мускулах? Чепуха! В одаренности? Чувш! Он, безусловно, не бездарь, но таких славных парней, как он, — пропасть. Но выбрал я именно его. Почему?

Оба собеседника режиссера глубоко задумались. Они слишком почитали своего босса, чтобы спешить с ответом. Собственно, Джекки и не ждал ответа. Спокойно и размеренно он шлифовал красноречие, используя коллег, словно профессиональный боксер спарринг-партнеров.

— По правде сказать, я и сам этого не знаю, — милостиво продолжил он. — Однако, есть в иных людях черточки, способные привлекать и очаровывать. Это дар, слепо достающийся от природы. Та же сексапильность, походка, голос... — Баруа помогал голосу руками, и оба слушателя заворожено внимали его жестикуляции. — Поставьте такого человека перед камерой — пусть он моргает, улыбается, несет самый незначительный вздор, но на него будут смотреть, и более того — многие получат от подобного просмотра неподдельное удовольствие. В сущности, талант режиссера в том и заключается, чтобы, внимательно оглядевшись, отыскать подобных актеров. А далее, наведя необходимый лоск, искомым самородков нужно только привести на ближайшую съёмочную площадку и всучить в руки листки с текстом. Запомните, друзья мои, никакая игра и никакая заумная режиссура не спасут положения, если изначально ставить не на ту карту. Ваш протезе может стараться изо всех сил, изображая гнев, растерянность и прочие чувства, но в итоге ничего кроме зрительского раздражения он не пожнет.

Джеки пригубил бокал. Горло его, как и всякое обычное горло, имело свойство пересыхать от длительной речи. Даже в здешнем отнюдь не сухом климате.

— И еще... — он выдержал паузу. — Пару слов о музыке — о том, чем совершенно пренебрегает большинство сценаристов. Бедолаги целиком полагаются на сюжет, не понимая, что музыка способна подчас как испортить, так и спасти весь фильм. Примером тому — музыкальные клипы, успех и неуспех которых на девяносто девять процентов зависит все-таки от мелодии и голоса. Вот почему я никогда не скуплюсь на подкормку его величеству скрипичному ключу, и все мои композиторы — далеко не случайные люди.

Кук выставил перед собой пятерню и сосредоточенно принялся загибать пальцы.

— Стало быть, это очень глупый сценарий с эротикой и шутками, суперактеры, музыка...

— И кровь, — заключил Баруа. — Да, дорогие мои, хорошие, — кровь, — режиссер королевским движением приподнял бровь. — Без нее, увы, фильмов пока не получается. Сюжеты обязаны виться вокруг страдания. Я не говорю о комедиях, хотя и тут... Словом, нужны сильные эмоции! Человек — настолько твердолобое создание, что выжать из него слезу или яростный возглас способен лишь кровь — и по возможности кровь экзотическая.

— Пигмеи! — радостно воскликнул Кук. — Наша экзотика — это пигмеи!

— Но как же, босс, мы намучились с ними! — простонал Лотрек. — Ведь все эпизоды до единого — через обман и ухищрения! Даем в руки копье и показываем какое-нибудь жуткое фото. Снимаем ровно одно мгновение, пока они не пускаются в бегство от этого самого фото. А выражение их придурковатых лиц!.. Словно кто постоянно машет перед ними конфетой! Подумать только! Выражения свирепости мы добивались, добавив дикарям в пищу слабительного! Оказываются, гримасы, вызываемые тошнотой, — неплохой заменитель свирепости!

— А сколько копий, ножей и бус они порастеряли, — добавил Кук.

— Немудрено... Говорят, они жрут одни авокадо и бананы, — Лотрек потянулся к блюду с кусками мяса. — Представляю себе, каково бы им было, пригласи мы их сюда.

— А ничего бы и не было, — Кук хмыкнул. — Пожали бы всем руки и расселись бы на земле со своими идиотскими улыбочками.

Лотрек впился зубами в сочный кусок говядины.

— Не понимаю, — промывчал он. — Как можно обходиться одними бананами?

— Неважно, чем они там обходятся, но с помощью этих лилипутов мы вылили на киноленту галлоны жертвенной крови. Мы оживили фильм, и это главное, — Джеки поморщился. — Скорее всего «Оскар» нашему детищу не видать, но вот кассовый сбор обеспечен. Это могу гарантировать!

— За вас, босс! — Лотрек с готовностью поднял седьмой бокал и снова выпил за босса. Лицо его постепенно приобрело лиловый оттенок.

Кук кивнул столь энергично, что чуть было не стукнулся подбородком о стол. Сидящие услышали, как лягнули его зубы. Ругнувшись, оператор сплунул и сердито пробурчал.

— Уж мне-то известно, как они получают этих «Оскаров». Все эти жури, приглашенные через постельные знакомства... Сплошное разглагольствование! Писать и снимать, я вам так скажу, это надо уметь, а кто не умеет, тот и лезет в жури или в критики. Именно неумехи разглагольствуют больше других! О том, в чем сами ни черта не смыслят. Тьфу!..

Джеки прищурился.

— Не наваливайся на них, Кук, а то я уже слышу, как трещат их бедные косточки. Поверь мне, они абсолютно безвредны, и потому плюнь на них.

— А я и плюю, — с гордостью произнес оператор.

— Вижу. У тебя это неплохо получается.

— В прошлом году, — принялся вспоминать Лотрек, — в нашем округе затеяли проводить соревнования по плевкам в длину. Кто, значит, дальше... Так, помню, один малый здорово постарался. Футов на тридцать запузирил. А ведь самый обыкновенный с виду. И живет всего в квартале от меня. Можно сказать, сосед.

— И что? — с вызовом поинтересовался Кук.

— Ничего. Здорово это у него получилось. Тоже, должно быть, талант. А такой неказистый вроде, с пузцом...

— Меня там не было, — заносчиво сказал Кук.

— Ну, положим, до того малого тебе далеко.

— Мне?!

— А то кому же?..

Джеки эта перепалка наскучила. Он терпел любые разговоры, в которых упоминалось его имя, но все прочее... Ложечкой он дипломатично позвенел о бокал.

— Все это замечательно, дорогие мои, — проговорил он, — но человек во все времена оставался эгоистом. Может быть, «Оскар» раздают и не зря, но только есть существенная разница между людьми, присутствующими на фестивале, и публикой, посещающей кинотеатры и покупающей видеокассеты. Кому, как не нам, знать, что любой кинофестиваль — это своеобразный обряд великого ханжества. Маленькая горстка людей чувствует друг дружку наградами, забывая об остальном человечестве. То есть, игра в гениев безусловно приятна, но это все-таки только игра. Похлопав друг друга в ладоши и наговорив вороха комплиментов, эти лицемеры разъедутся по домам и, прикрывшись от посторонних глаз, будут смотреть наши с вами фильмы. Наши, а не свои! Такова, друзья мои, природа этих людей.

Отяжелевшие головы Кука и Лотрека медленно раскачивались в такт его словам. Помощники Ба-

руа успели основательно нализаться, но тем не менее слушали речь босса с почитительным вниманием. И только дождавшись конца маленького выступления, оператор неверным движением месячного ребенка повернулся опухшим лицом к Лотреку.

— Ты... Ты действительно думаешь, что тот малый смог бы меня переплюнуть?

— Тебя? — по лицу Лотрека расплзлась ядовитая ухмылка. — Да тебя он, пожалуй, одной левой.

— Одной левой? А ты знаешь, что год назад я посещал курсы ке-ку-синкай?

— А все равно!..

Баруа не стал слушать дальше. Поднявшись, он степенно двинулся вдоль равномерно расставленных столиков. С оттенком удовлетворения отметил, что несмотря на все выпитое, почти не качается. Джекки всегда гордился своими способностями к самоконтролю. Он с легкостью держал равновесие и не позволял глазам гулять и разбегаться, как это происходило у оператора.

На одном из столов тарелки были отодвинуты в сторону, — обнаженный по пояс Валентино мерился силой со всеми желающими. Кое-кто из каскадеров еще заставлял его поднатужиться, но большинство не выдерживало и двух секунд.

Джекки Баруа решительно раздвинул столпившихся людей и, усевшись перед суперзвездой, нахально выставил свою костлявую кисть. Валентино был не дурак. Снисходительно усмехнувшись, он моментально включился в игру, с готовностью обхватив своей лапицей пальцы Баруа. Огромные мышцы киноактера вздулись, лицо заметно порозовело. Сценку тяжелейшего поединка они разыграли без сучка без задоринки. Часто дыша, Баруа в конце концов завалил Валентино, и тот протяжным стоном возвестил свету о своем поражении. Подобное они проделывали не впервые, но всякий раз эта видимость победы доставляла режиссеру величайшее наслаждение. Под восторженные вопли он поднялся из-за стола, и кто-то тут же водрузил на его голову пышный венок. Теплые, мягкие руки Паолины обвили шею, — первая красавица кинотруппы поцеловала его в губы.

— Но противник тем не менее был достойный, — Баруа снисходительно похлопал сияющего Валентино по мощному плечу.

— Босс! — перед режиссером вынырнул маленький закопченный человечек. — Пленка готова. Если желаете, можно прокрутить хоть сегодня.

У Баруа мелькнула неожиданная идея.

— Момент! — он взмахнул рукой. — Тащите сюда

Лотрека! Пусть организует нам пигмеев. Все племя. Мы покажем этот фильм им! Натянем между деревьями экран и устроим премьеру!

Восторженный рев перекрыл его слова. Идея пришлась по вкусу. Кроме того, люди радовались любой возможности покричать. Киногруппа находилась в том лихорадочном состоянии, когда, распрощавшись с последними узлами цивилизации, человек становится самим собой — буйным двуногим животным.

Многие уже спали, и большую часть огней над палаточным городком потушили. Веселье близилось к завершению, и Джекки с трудом подавлял желание отправиться прямоком в свой дом. Если бы он не отрядил Лотрека и еще пару людей в джунгли за пигмеев, он так бы и поступил. Но ему действительно было небезынтересно взглянуть на реакцию дикарей. Зеркала на Торнэях, слава богу, водились, и он не сомневался, что дикари узнают себя. Отличие сцен, в которых они снимались, от того, что произойдет на экране, несомненно, поразит лесных жителей, и Баруа представлял это забавным экспериментом. И потому, глотком осушив чашечку крепчайшего кофе, кое-как справившись с зевотой, он заковылял к гостям.

Подходящих в темноте можно было узнать по

месяцеобразным белозубым оскалом. Как всегда дикири приветливо улыбались. И это несмотря на то, что их оторвали от сна, вытащили наружу из соломенных вигвамов. Скорчив ответную улыбку, Баруа терпеливо принял пожимать тянувшиеся отовсюду ладони. Некоторые из липлипутов пожимали его руку дважды, а то и трижды. Что поделать, обычай белых здороваться пришелся добродушным созданиям по нраву. Осоловель Лотрек светился на поляне, отведенной под просмотр фильма, и терпеливо рассказывал прибывающим. Окунув глазами пространство перед натянтым парусом экрана, Джекки отметил про себя, что из киногруппы здесь присутствует едва ли более полутора десятка человек. Зато черноекожее племя густо заполнило все свободные места.

Шальная ракета зеленой звездочкой взмыла с судна, и пара сотен аккуратненьких голов в лад совершила вращательное движение, проследив до последнего метра пологую траекторию ракеты. Баруа, усмехнувшись, подал знак киномеханику. Белый экран вспыхнул радужными огнями, и пространство впереди Джекки загомонило возбужденными голосами. Птичий изумленный щebet — да и только! Борясь с сонливостью, Баруа являл глаза на экран и время от времени пытался угадать настроение зрителей. Что ни говори, фильм вышел отменный. Несчастная, обреченная на гибель экспедиция, ведомая отважным Валентино, переговоры с коварными пигмеями, поломка ракеты, отравленная пища, пробоина в корпусе яхты, путешествие по берегу, схватки во мгле джунглей, смерть членов экспедиции одного за другим. Последним, как и положено, погибал Валентино. И наконец финальный, завершающий трагедию эпизод — нападение на беззащитную Паолину...

Джекки смутно угадывал по движению в темноте, что смотрят фильм с небывалым напряжением. Птичьего щebetа он больше не слышал, и лишь изредка нервной волной пробегало по рядам лоснящихся темных тел шевеление. Баруа не прочь был бы взглянуть на лицо вождя племени, но вставать и шагать к Суэза не было сил. Он отчаянно хотел спать. И когда по собственному почину киномеханик после окончания фильма запустил прошлую его ленту о жестокой войне белых и индейцев, Баруа не выдержал и смежил веки. Рычащая от восторга тьма черным мохнатым зверем повалила его на скамью. Где-то рядом, подсвечиваемый сиянием экрана, похрапывал утомленный Лотрек.

Наступало мертвое время. Замерев над головами, солнце методично и безжалостно высушивало землю. Все живое, способное самостоятельно передвигаться, давным-давно укрылось в тени деревьев, под спасительным дерном земли, в сборных африканских домиках. Успев набрать в легкие живительной ночной прохлады, природа задерживала дыхание, с молчаливым терпением ожидая наступления вечера.

Утерев лицо влажным полотенцем, Баруа в изнеможении повалился на койку. Воздух из кондиционера приятными волнами холодил спину. Не хотелось ни шевелиться, ни говорить. Этот климат не потворствовал пьянству. После вчерашнего все они чувствовали себя неважно.

Провалявшись еще около четверти часа, Баруа вдруг поднялся и, достав из холодильника глиняный кувшин с водой из местного источника, жадно отхлебнул. Тело тотчас покрылось липкой испариной. Ему показалось, что даже веки отяжелели от оседающей на ресницах влаги. Чертова пекло!.. Он поставил кувшин на место. Ничего... Еще три-четыре часа, и с наступлением вечера все изменится. А через парочку дней их и вовсе здесь не будет.

Он подумал неожиданно о том, что по завершении съемок остров потерял для него всякую привлекательность. Вот эту природу, изрезанные скалистыми берега он представлял себе только как подходящее сырье для кадровых фрагментов, как живописный фон. Что-то из той же вечной темы: любить себя в искусстве, а не искусство в себе... Стоило работе завершиться, и все красоты неведомым образом ушли в никуда.

Обидно, но Джекки давно понял, что без интенсивной работы он — ничто. Есть такая порода людей — профессионалы, не мыслящие себя вне профессии. Трудоголики... Он был именно из таких.

Снова подумалось, что неплохо бы убраться отсюда поживее. Только вот интересно, мечтают ли об этом другие? Наверное, нет. Для них этот фильм — не столько работа, сколько экзотическое путешествие. Дело сделано, наступила пора отдыха. Пойди попробуй собери их сейчас! Кто-то забавляется под солнцем на пляже, кто-то гуляет у водопада. Словом, разбрелись во все стороны, овечки, что вполне объяснимо и закономерно. Дисциплинирующим началом являлся фильм, но по окончании съемок Баруа перестал быть полномочным начальником. Капитан является богом только на своем судне, на берегу он превращается в обычного гражданина. Отныне своим временем большая часть киногруппы распорядилась вполне самостоятельно.

Баруа обернул мокрым полотенцем шею и с раздражением припомнил утреннюю новость. Кто-то, вероятно, спяну умудрился ударить по радиостанции чем-то тяжелым. И также, видимо, шутики ради увел от берега все лодки и катера. Шутники хреновы! А если кто-нибудь перевернется и утонет? Кому жалеть потом и судиться? Кинокомпания? Вот уж дудки!..

В дверь коротко стукнули, и в домик ввалился не похожий на себя Лотрек. Шумно дыша, он рухнул на стул. На груди и под мышками у него расплывались темные пятна. Он часто икал и с трудом ворочал глазами. Брезгливо поглядев на него, Баруа подумал, что и сами, пожалуй, выглядели ненамного лучше. Они нарушили основное правило этой климатической зоны — во-первых, усугубили алкоголем, а во-вторых, выбрались из палаток в полдень — время,

совершенно неудобоваримое для нормального европейца.

— Что там еще? — раздраженно спросил он.

Лотрек наконец-то отдышался.

— Эти хохмачи зашли чересчур далеко, — выпалил он. — Куда-то подевалась судно. Во всяком случае в бухте его нет.

— Господи! — Баруа со вздохом зарылся лицом в подушку. Именно сейчас надо было преподнести ему этот сюрприз!..

— А еще, — продолжал Лотрек, — на кустах возле кучки што-то развели лепопачканные скальпы.

Баруа почувствовал, что начинает свирепеть. Шутники действительно перегнули палку. Если он только дознается, кто это сделал, весельчакам не поздоровится!

Тяжело вздохнув, Лотрек покосился на свои разбитые косяшки.

— Песик мой запропал. Наверное, увели к водопаду. Он же любит воду... — Лотрек снова вздохнул. — В общем, писханул я малость. Отправился к старику Люму, чтобы разузнать, кто одолжил у него парики. Он начал упираться, а я его обругал. Ну, и пошло-поехало. Люм заявил, что пока он отвечает за реквизит, никто не смеет кидать ему такие обвинения. Пришлось за ворот подтащить его к тем кустам. Ну и там я... Словом, переборщил. Терпеть не могу лжецов!

Баруа сел на кровати.

— Но куда могло уйти судно?

— Если бы не исчезли лодки, можно было бы обогнуть остров кругом и осмотреться.

— Рацию до сих пор не починили?

Лотрек покачал головой.

— Радист не понимает, чем можно было разворотить такую дыру. А весь его радиозапас — на судне.

— Черт бы вас всех!.. — Баруа уже сообразил, что не сможет долее оставаться в домике. Дурацкие шутки, жара, похмелье — в совокупности все составило критическую массу, которая так и подталкивала к взрыву. Надо было немедленно действовать! Сдавив пальцами виски, он заставил себя сосредоточиться.

— Туземные пироги, — наконец договорил он. — У пигмеев были какие-то долбленые бревна. Кажется, они оставили их в устье реки или на берегу за мысом. Надо послать кого-нибудь за дикарями. Раздобудем плавсредства и тотчас отправимся на поиски лодок. Пока же могу обещать только одно: тот, кто это устроил, очень крупно пожалеет! — глаза Баруа недобро сверкнули.

Передернув рыхлым плечом, Лотрек произнес:

— Я буду только за...

Ноги Баруа вязли в песке, пот застал глаза и каждый шаг вызывал раздражение. Пять человек под предводительством Лотрека отправились к мысу. Сам он в сопровождении Валентино, оператора Кука и двух ребят из пиротехнической бригады двигался к устью реки.

— Странно, — Валентино ткнул мускулистой рукой в сторону приборного кустарника. — Обычно свои пироги они оставляли здесь.

— Так где же они?

— Нужно поискать, босс, — Кук грузной трусцой припустил вдоль реки. Уже через минуту послышался его радостный возглас:

— Ага, что я говорил! Идите-ка сюда!

Все поспешили к оператору. Он сидел на корточках возле кустов. Рядом, присыпанные ветками, лежали две полусгнившие долбленки.

— Ты считаешь, на этом можно плавать?

— Ну... Если заткнуть дыры...

— Дыры-то заткнем, только вот поможет ли это? — Баруа пренебрежительно пнул в борт одной из пирог. Щепка брызнула из-под его туфли.

— Да-а... Посудинка еще та! — Кук в сомнении пощупал тряхлявую древесину и не очень уверенно заключил:

— Снаружи гниль, это верно, но сердцевина вроде бы еще терпит.

— Вроде бы! — передразнил Баруа. — Будешь идти ко дну, по-другому запоешь.

— Можно поискать еще, — предложил Корпикус — старший пиротехник группы. — Порыскаем вокруг — авось что-нибудь да найдем.

— Нет уж, рыскать мы больше не будем! — Джекки еще раз пнул в борт пироги. — Попробуем в деле эти корытца.

Они вынесли долбленки из кустарника и кое-как спустили на воду. Одна из лодок тотчас наполнилась водой и затонула. Поднимать ее они не стали. Зато вторая пирога оказалась еще вполне функциональной.

— Выдержит ли она пятерых? — опасно вопросил Кук.

— А вот сейчас мы это и увидим, — Баруа решительно перебросил ногу через борт допотопного суденышка. — Залезайте, господа матросики!

Предусмотрительный Корпикус прихватил с земли брошенные от лодок весла.

— Думаю, как-нибудь выгребем.

Но грести почти не пришлось. Их сразу подхватило течением и понесло в океан. Корпикус с Валентино лишь слегка задавали направление.

— Кук! Следите за дном, — командовал Баруа. — Если что, будете вычерпывать воду!

— Только чем?

— Да хоть воей панамой!

— Слушаюсь, босс, — оператор робко покосился себе под ноги. — Слава богу, пока все сухо.

— Интересно, водятся ли в этих местах акулы? — поинтересовался Валентино.

— Почему бы и нет? — Баруа машинально погрузил взор в прозрачную толщу воды. Далекое песчаное дно по мере движения все более приобретало глубинный изумрудный оттенок. В самом деле, если появится акула... Он живо представил себе серебристое тело, торпедой вынырывающее возле борта. Старенькой скорлупке перед хищницей не устоять.

Даже не слишком крупная акула без усилий разнесет эту гниль в щепки. Баруа постарался отмахнуться от тягостных мыслей, но тут внимание его привлекли необычные для морского дна контуры.

— А ну задержитесь! — крикнул он. — Табаньте же, черт вас возьми!

Корпикус энергично заработал веслами, замедляя бег пироги. Все прочие перегнулись через борт, сосредоточенно глядявываясь в зелень воды.

— Катер... — пробормотал Кук. — Наш катер. Но откуда он здесь?

— Какой-нибудь пьяный олух решил ночью покататься и утопил его, — зло процедил Баруа.

— Но как он мог это сделать? — удивился Валентино. — Кингстонов там нет, а перевернуть катер не так уж просто. Уже вторую неделю на море штить. Скорее уж пьянчужка сам бы вывалился наружу...

— У катера прорублено дно! — гневно воскликнул Баруа. — Смотрите!

— Черт подери! Это уже не шутки. Но кто мог это сделать?

— Босс, вам не кажется, что кто-то из кинотруппы серьезно спятил? — осведомился Корпикус. — Судите сами, кто-то ломает рацию, уводит все плавсредства...

— А судно? — перебил его Валентино. — Судно ваш ненормальный тоже уводит?

— Ну... Он мог пробраться туда и сказать капитану, чтобы тот отвел судно в другое место.

— Зачем? Зачем ему это понадобилось?

— Если он маньяк, то все его поступки необъяснимы.

— Хорошо! Пусть будет маньяк. Но как он мог угоризить капитана?

Молчавший до сих пор Баруа вмешался:

— Как раз это — не очень сложно. Еще в первые дни мы обсуждали вопрос о том, где ставить корабль. Мы ведь снимали вид океана, и судно могло попасть на задний план. Так что капитан был готов в случае чего отвести корабль в сторону.

— Но ведь фильм уже снят, — возразил Валентино.

— Рация разбита уже два дня, и капитан не в курсе того, что здесь происходит. Хотя... Про фильм он как раз в курсе. Но про рацию, конечно же, ничего не знает.

— Что же нам теперь делать, а? Я хочу сказать...

Вопрос Кука перебил возглас Корпикуса.

— Глядите! Там возле веток что-то плавает!

Баруа пригляделся.

— Гребите туда!

Валентино и Корпикус взяли за весла. Они быстро приближались к торчащим из воды веткам, и Баруа неожиданно ощутил, что колючий холодок окутывает сердце.

— Стойте! — хрипло выкрикнул он.

Гребцы подняли весла, но пирогу продолжало медленно нести вперед. Теперь они видели все. Ветви оказались не ветками, а частью палубной мачты с потухшими огнями и обрывками троса.

Прожорливый океан не удовлетворился одним катером, он поглотил и судно. Одеждой зацепившись за рею, тут же неподалеку плавало тело старшего помощника корабля. Лицо его, обращенное к солнцу, было восково-белым, из груди торчал обломок стрелы.

— Черт возьми! Это... Это сделали пигмеи!.. — шепотом произнес Корпикус. Кук потрясенно уставился на него.

— О чем ты говоришь? Эти добрейшие создания!.. Да они и с оружием толком не умеют обращаться!

— Скажи лучше, НЕ УМЕЛИ. Пока мы не научили их, — Баруа зловеще улыбнулся. — Один жалкий маньяк не в состоянии натворить столько бед. Как это ни прискорбно, слова Корпикуса похожи на правду. Племя в три сотни голов вполне могло управиться с лодками и судном.

— Значит, те скальпы на кустах и кровь... — Кук раскрыл рот и шумно задышал. По всей видимости, ему сделалось дурно.

— Назад! К берегу! — скомандовал Баруа.

Неуклюже развернувшись, пирога заскользила к обожженному солнцем острову.

Вид кружащих над окровавленными скальпами мух вызвал лишь мутное головокружение. Ничто уже не могло разярить людей сильнее. В своем домике Баруа собрал экстренное совещание. Однако собравшихся оказалось немного.

— В чем дело? Где остальные? — он повернулся к Куку.

— Пока мы разбирались с пирогами, несколько групп отправилось на водопады. Туда каждый день кто-нибудь ходит. Такая жара...

— А Лотрек? Разве он еще не вернулся?

— Никто не видел его...

— Может быть, сходить за мыс посмотреть? — Валентино окинул присутствующих взглядом. — Отрядям, скажем, человек шесть-семь.

— Ага, а потом будем трястись и гадать, не приключилось ли что и с ними, так?

Поразмыслив, Баруа обратил лицо к Корпикусу.

— В лагере есть оружие?

— Не знаю, — пиротехник пожал плечами. Его землистое лицо было покрыто крупинками пота. — Если только у кого-нибудь свое собственное...

— А у вас оно есть?

Корпикус покачал головой.

— Пулеметы с бутарфорскими лентами. Пара десятков ружей и револьверов, но патроны к ним тоже холостые. Еще кое-какой запас аммонита, ну и другие фокусы.

— Стало плохо, пока у нас всего четыре револьвера с боевыми патронами, — заключил Баруа. — Это то, что нашлось из личного оружия.

— Можно ополочинить каждый барабан и таким образом количество единиц оружия увеличится, —

предложил пиротехник. — Восемь револьверов, по три патрона на каждый.

— Там и без того по три, по четыре патрона, — Баруа до хруста сцелил кулаки. — Дьявол!.. И все равно мы им покажем! Сухза решил выйти на тропу войны? Милости просим! Мы переберем все его вшивое племя! — он взглянул на пиротехника. — Если есть аммонит, значит можно изготовить бомбы. Скажем, к завтрашнему дню! Справитесь?

Корпикус заметно разволновался.

— Если нам будут помогать и кое-что подсобрат по палаткам...

— Делай все, что считаешь нужным. Все, что понадобится, в твоём распоряжении! Хватай за шкирку и не церемонься!

— Тогда мы, пожалуй, начали бы прямо сейчас, босс.

— Пожалуйста! Но только чтоб к завтрашнему утру у нас уже были бомбы... Люм! Возьми револьвер и организуй посты!

Порывистым движением Баруа раскинул на столе карту. Остров в масштабе один к пяти тысячам. Четыре головы одновременно склонились над картой — Валентино, Кук и Паолина... Остальные уже занимались конкретным делом. Вглядевшись в цветастый рельеф острова, Баруа разочарованно крикнул:

— Много пользы она нам, конечно, не принесет, но, тем не менее, кое-какую стратегию мы наметим. Итак, корабля нет, рация разбита. Рассчитывать, судя по всему, придется исключительно на себя, — Баруа помолчал. — Полагаю, что люди, которые так или иначе покинули лагерь, уже не вернуться.

Паолина вскинула голову. В глазах ее блеснули слезы.

— Но может быть, кто-нибудь еще спасся? — проговорила она дрожащим голоском.

— Может быть. Только что в том проку? — Баруа нахмурился. — Главный шанс — бомбы Корпикуса. Мы переждем ночь и нападём первыми. Против бомб им не устоять.

— К тому же, луков, стрел и копий у них не очень много, — добавил Валентино. — Лишь те, которыми снабдил их Люм.

— Тем более. Массированный лобовой удар поставит точку на этом деле. Мы забросаем их бомбами и обратим в бегство.

Кук сидел, обхватив голову, чуть раскачиваясь, бессмысленным взором уставясь на карту.

— Подумать только, — шептал он, — я учил их здороваться за руку, раскуривать сигары и говорить на английском...

— Не надо об этом сейчас, — Паолина сочувственно погладила его по всклоченной голове.

— Да уж, Кук, помолчи... — палец Баруа заскользил по карте. — Двинемся двумя отрядами. Вверх по реке и вот по этой низине. В случае встречи с противником немедленно соединяемся и завязываем бой.

— Лучшие бы нам держаться открытых мест, — заметил Валентино. — Они мастера прятаться. В джунглях нас легко перестрелять из луков.

— Сомневаюсь, что это будет так просто, — проворчал режиссер. — Стреляют они скверно, да и тетиву едва-едва натягивают... Кстати, надо обязательно поглядеть среди реквизитов. Если остались еще копыя, ножи или что-нибудь в этом роде, сейчас же раздать людям. Это лучше, чем ничего.

Кук ладонью шлепнул себя по лбу и плачуще вскрикнул:

— Но почему?! Почему они это сделали? Может, их кто-то спровоцировал?

— Сейчас это уже не играет роли, — сухо отзывался Валентино. — Кто бы ни развязал эту бойню, заканчивать ее придется нам.

— Но если бы мы узнали причину нападения, кто знает, — мы могли бы попробовать с ними договориться!

Валентино с яростью взглянул на оператора.

— Договориться? После того, как они окальпировали твоих коллег? Да они вырезали уже две трети всей киногруппы! О каких переговорах ты ведешь речь?

— Наша надежда — бомбы, — устало повторил Баруа. Высокий его лоб обезобразили глубокие морщины. Тягостные мысли отличны от творческих и старят куда быстрее.

Паолина неожиданно коснулась его руки, и он вздрогнул.

— Джекки! Они не просто на нас напали...

— Что? — Баруа непонимающе уставился на девушку.

— Мне кажется, что они действовали по сценарию твоего фильма, понимаешь?

— По сценарию? Почему ты так решила?.. — пораженный Баруа замолчал.

— Мне только сейчас пришло в голову... Вспомни, как это происходило в фильме! Экспедиция покидает яхту и углубляется в дебри Амазонки. Сначала пропадают разведчики, потом кто-то натывается на их скальпы и поднимает тревогу. Исследователи пытаются сообщить о происшедшем на судно, но обнаруживается, что рация разбита. Экспедиции ничего не остается, как возвратиться на побережье, но судна уже нет...

Режиссер схватил Паолину за плечо.

— Черт меня дерит!.. А ведь ты права, моя девочка! Эти недоумки даже не пытаются анализировать содеянное. Они попросту копируют сюжет так, как они его запомнили.

Кук и Валентино глазели на них в изумлении. Баруа же хлопнул ладонью по столу.

— Если так, то мы можем прогнозировать каждый следующий их шаг. Чертовы кларки! Да мы подготовим им такую ловушку!.. Надо только как следует все обдумать и взвесить.

Кук пролепетал:

— Можно посмотреть в сценарий...

— К черту сценарий! Я помню все наизусть! — Баруа схватил авторучку и, перевернув карту, торопливо застрочил по бумаге. — Итак! Рация, скальпы, судно — это они уже сделали. И в той же очередно-

сти, в какой это происходило в фильме. Далее они расправляются с отдельными членами экспедиции...

— Лотрек! — ахнула Паолина.

— И не он один, — сипло добавил Кук.

— Да, Лотрек и другие, по всей вероятности, тоже. А теперь...

Валентино, чертыхнувшись, схватил со стола один из револьверов и бросился к выходу. Баруа неуверенно протянул руку к оружию и пробормотал:

— Но они же не могут прямо сейчас...

Все-таки мы выставили посты...

Заливисто пророкотала пулеметная очередь. Все четверо вылетели из домика. Солнце садилось в океан, и последний вечерний отблеск окрашивал палаточный городок в багрово-фиолетовые тона — те самые экзотические тона, которыми еще так недавно все они любовались. Снова громыхнула очередь, захлебнувшись, смолкла. Вспыхнул прожектор над крышей радиолaborатории. Растерянно озираясь, с револьвером в руке Баруа метался по городку. Цепкими пальчиками за него держалась Паолина и где-то позади, явственно поскуливая, семенил Кук. Подобные неурядицы были не в его духе.

Джекки услышал, как что-то просвистело над головой. Треснуло стекло, и прожектор погас. Все снова погрузилось в фиолетовый полумрак. Вдали дважды выстрелили, кто-то громко завизжал.

— К Корпикусу! — Баруа взмахнул оружием и побежал, но слишком ловко лавируя между палатками. Запнувшись о капроновую растяжку, Кук с криком растянулся на земле. Из темноты по-кошачьи мягко скользнули низенькие фигурки. Паолина, оглянувшись, в ужасе прикрыла рот ладонью. Два ножа привоздили Кука к песку. Револьвер Баруа коротко рывнул. Один из пигмеев упал, остальные тут же разбежались.

— Кук! Он там! — Паолина торопясь пыталась остановить Баруа. Режиссер топился к домику пиротехников. Они не успели. Оглушительный взрыв безжалостно ударил по барабанным перепонкам. В воздухе пронеслись осколки. Один из них задел Баруа по голове, и, оглушенный, он повалился. Рядом всхлипывала кинозвезда.

Первое, что осознал Джекки, это то, что он выронил револьвер. Туман перед глазами рассеялся, и, протянув руки, он лихорадочно зашарил по песку. Пальцы коснулись чужого лица и замерли.

— Это я, Джекки.

— Баруа узнал голос Корпикуса. Только сейчас этот голос звучал еле слышно.

— Мы не ожидали, что все произойдет так быстро. Сначала выстрелы, а потом Сухэа... С сигарой

в зубах и еще одним воином... Они ворвались к нам и убили Токмана. А потом Сухэа показал воину на аммонит с порохом. Видишь ли, мы высыпали все на стол. Словно нарочно!.. Сухэа отдал своему приятелю сигару и преспокойно ушел. Я не успел их пристрелить, револьвер был у Токмана.

— Ты видел Валентино? — Баруа, приподнявшись, встряхнул Корпикуса, — Он должен был бежать к вам!

Затахующим шепотом Корпикус что-то пробормотал, но режиссер ничего не разобрал. Оно и понятно, непросто говорить со стрелами в спине!..

Найдя револьвер, Баруа наоупь прокрутил барабан и поднялся. Еще пара патронов. Всего навсего... Он рывком потянул за собой Паолину. Девушка находилась в полуобморочном состоянии.

— Нет! — она бессильно поджимала под себя ноги, не желая вставать. Но Баруа не собирался с ней церемониться. Он схватил актрису за волосы и заставил следовать за собой.

— Глупая! Мы укроемся в зарослях, и они не найдут нас!

Пробежав с десятка шагов, они чуть-было не столкнулись с Валентино. Мускулистая грудь атлета была залита кровью, в двух местах угадывались торчащие обломки стрел. В руках гигант держал тяжелый пулемет.

— Валентино! — Баруа схватил его за локоть и тотчас ощутил на пальцах липкое. — Надо уходить! Без бомб мы бессильны. Ты в состоянии идти?

— Само собой. К счастью, эти сморчки не умеют толком натягивать тетиву, — лицо Валентино мучительно подергивалось, но он храбрился. Такая уж у него бола по жизни роль — мужественно преодолеть препятствие за препятствием. — Зацепить, конечно, зацепили, но надеюсь, ничего серьезного.

— Надо укрыться в зарослях! — быстро проговорил Баруа. — До наступления рассвета.

— Попытаемся, но эти мерзавцы видят не хуже кошек. Я уже убедился...

Ежесекундно оглядываясь, они побежали из лагера.

— Брось пулемет!

Валентино упрямо качнул головой.

— Это их немного отпугивает. Так что добегу как-нибудь и с этой железкой.

Где-то справа раздался гортанный возглас, и одна за другой две стрелы впились в тело Баруа. Ему показалось, что воздух вспыхнул в легких обжигающим пламенем. Лишь через мгновение он понял, что снова лежит на земле, и плачущая Паолина тащит его к ближайшим кустам.

Совсем близко зарохотал пулемет Валентино. Обернувшись, Баруа рассмотрел, как поливая дрожжащим огнем пространство вокруг себя, гигант отступает обратно к палаткам. С факелами и копьями в руках за ним вприпрыжку бежали пигмеи. До самого последнего момента Валентино оставался актером. Угрожающе крича, он крутился со своим громоздким и абсолютно безобидным оружием, заставляя дикарей держаться на приличном расстоянии. Баруа подумал, что не пройдет и десяти секунд — десяти крохотных мгновений, как пулемет смолкнет. И тогда пигмеи кончат с Валентино, после чего займутся и ими...

Все произошло значительно раньше. Судьба не подарила Валентино и этих последних секунд. Вспыхнула одна из палаток, и, освещенный разгорающимся пожаром, актер превратился в отличную мишень. Несколько неумело пущенных стрел лишь оцарапали его, но нашлась и та единственная, что пробила ему шею, повалив гиганта наземь. Баруа обреченно закрыл глаза. Вслушиваясь в плач Паолины, неожиданно припомнил:

— Паолина, ты слышишь меня? — он выплюнул сочащуюся из горла кровь и посмотрел на актрису. — Они не убьют тебя, не бойся. Ты ведь сама сказала, что они действуют строго по сценарию. Так оно и есть. А в фильме... Ты помнишь?

Прямо над ним вспыхнул дрожжащим пламенем факел. С мученической гримасой Баруа приподнял голову и разглядел Сухэа. Вождь стоял в окружении соплеменников, держа в маленьких ручках копье.

Лицо его менялось на глазах. Он пытался выглядеть грозно, но знакомая плутоватая улыбка нет-нет, да и возникала на пухлых губах.

— Чего ты хочешь, Сухэа? — Баруа с удивлением ощутил, что ни в мыслях, ни в душе не находит ненависти к пигмеям. Вероятно, он уже умерал. Умирающим свойственно прощать. Уходящая из тела кровь уносит силы, а вместе с ней и остатки жизненной злости. Забавно... Апатия умирающего причисляется к высшей мудрости. А может, так оно и есть на самом деле?.. Баруа криво улыбнулся, и, заметив его улыбку, Сухэа сбивчиво заговорил:

— Ты великий! — черный палец указал на Баруа. — Ты делал волшебный стена. Стена и много огня — это красиво! И мы делать красиво. Мы — великий — и тоже хотим делать красиво!

Паолина вскрикнула, и одновременно с ее криком бутафорское копье опустилось на грудь Баруа. Выдернув окровавленное оружие, Сухэа с некоторым смущением взглянул на Паолину. Он прекрасно помнил, как выглядели заключительные кадры, показанные волшебной белой стеной. Он должен был прыгнуть к визжащей девушке и за волосы поволочить в джунгли. Но актриса заволаживала пигмея своей красотой. Даже сейчас — дрожащая, с перекошенным ртом и спутанными волосами — она была прекрасна. Столпившиеся соплеменники молча глядели на них. Они тоже помнили, как он вел себя на экране — свирепый и пугающий, не знающий жалости и сомнений. Вождь не мог обмануть их ожиданий. Порывисто вздохнув, Сухэа наконец-то решился. Уронив копье на землю, он шагнул к девушке и остановился. Как он ни старался, он не мог себя пересилить. Тот на экране, столь похожий на него, продал все с удивительной легкостью, но он, Сухэа, повторит кровавожадный бросок хищника с экрана отчего-то НЕ МОГ. Кто-то из соплеменников, не выдержав, хихикнул. Затравленно оглянувшись, Сухэа напустился. Потоптавшись, робко приблизился к девушке и еще более робко протянул ей свою загорелую до черноты руку. Двигаясь подобно сомнамбуле, Паолина покорно подала ему дрожащую ладонь. Кашлянув, вождь помог ей подняться и осторожными шажочками повел в направлении зарослей. Следуя за ним, Паолина безумными глазами вглядывалась в окружающее. Всюду сновали маленькие черные человечки. И всякий, обратив к ней взор, немедленно озарялся ослепительной улыбкой. Она так их и угадывала в полумраке — по месяцеобразным, дружелюбным оскалам. Пигмеи кивали ей детскими головенками, в смущении прятали за спину напроказившие ручонки. Пацифисты и вегетарианцы, добрейшие создания на свете, как говаривал Кук...

Андрей Шупов — яркий представитель современной литературы Урала — уже широко известен среди любителей детективов и фантастики. Лауреат литературной премии ДЭМ-92, победитель Алма-Атинского конкурса фантастики. Работал во Франции, знает несколько европейских языков. Среди увлечений — дельтапланы, занятие живописью и подводное плавание.

Расторгуевская жила и земельные споры

—Правду я говорю, Карюха?!

Карюха согласно кивает огромной лошадиной головой, и ребята хохочут...

—Не смейтесь над старушкой, она вас вдвое старше!

—А сколь ей годов?

—Двадцать четыре, милые.

—А тебе, дедушка Семен?

—Шестьдесят два... Подкинь-ка, Степка, гнилушку на огонь-то — пускай подымит на Карюху — отгонит от

нее мух-то... Ох, старая стала, а башкирцам на махан отдавать жалко...

Старик привалился на седло и повел свою историю:

—Мы ведь с Карюхой-то люди подневольные...

—Дак ведь Карюха — лошадь, а ты говоришь, что людь она...

—Ха... Дак ведь тоже божия душа!.. Как Расторгуев-то купил у госпожи нашей Ирины Яковлевны Хлебниковой Нязепетровской завод, в восемьсот

девятом году, так нам с Карюхой и повелели перебираться сюда, на речку Шемаху, завод строить. Много нас тогда приехало. И все начали селиться на правый берег речки. От самой Демидовской плотинки и вниз... Ну, были которые и там селились с пристанскими по берегу Уфы, но больше тут, на Шемахе. У пристанских-то уже пашни, покосы за рекой Уфой были — на башкирских землях, между речками Тюльгашем и Дубовкой. А нам, заводским, стало быть, стали давать тут в Шемахинской даче. Потому-как ее ведь тоже Расторгуев купил, только уж у Демидова, вместе с Кыштымскими, значит, заводами, и тоже в восьмьсот девятом году. Нам землю-то дали сперва за Мостком... Распахали мы два переезда, а потом вот тут, за Топкой, четыре. Сенокос-то у нас есть — по Ближней речке... Но теперь не хватает — едоков-то прибавилось, скотины тоже. Теперь вот за речкой Кильды велют косить, а там уже мужики с Михайловского завода двадцать лет как косят — скандал пошел!.. Губины-то наследники бают, что Расторгуев эту землю, от Кильды до самой Кубы, Михайлу Губину еще в восемьдесят девятом году подарил... И будто у них от Расторгуева дарственная бумага есть на целых три тыщи десятины.

— Дак че он подарил-то?.. Дурак что ли?

— Дурак не дурак... а промашка, видно, вышла: сразу-то он не собирался завод на Шемахе строить, а потом огляделся: руды-то в Кыштыме много — чугуна сколь хошь плавь, а воды в Кыштыме мало — чугуна в железо переделывать. Вот здесь и построил передельный завод.

— Ты, дедушка Семен, сам Расторгуева-то хоть раз видывал?

— Да где ж мне его видывать-то... Жил он в Екатеринбурге, а тут его прикащики да смотрители.

— А там-то он че?..

— А кто его знает че... Говорят, на золоту он удачливый был. Веры был старой, ну вот как наши кержаки, а Бог-то ему и помогал... Будто строил он дворец в Екатеринбурге. Нигде такого не было. И во дворце этом моельни наделал.

Демидовская плотина на р. Шемахе

Уголок ушедшего пруда

Староверы со всего Урала ездили в этот дворец Богу молиться, да и сейчас будто ездят. И во дворе этого дворца будто золотая жила была. Наберет он золота из этой жилы, наделает денег и строит... и дворец этот, и завод наш заодно. Вон ведь завод-то наш баской какой...

— И никто у него из этой жилы золота не воровал?

— Хы!.. Не такая это жила была. У него жилу-то казенные чиновники проверяли. Придут, а жила вся из белого камня, и никакого золота нет... Уйдут — и золото является в камне.

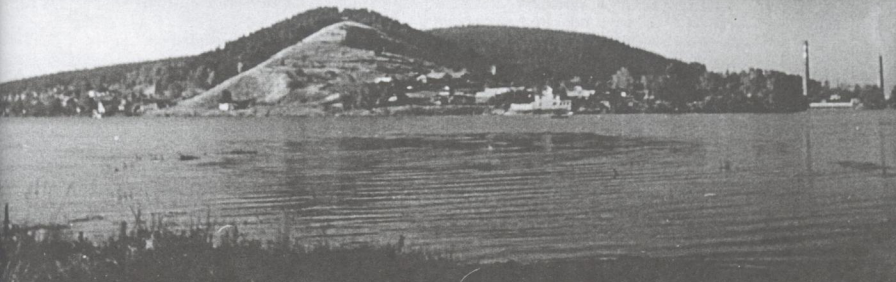
— А сейчас?

— Ну так он уже семь лет как умер...

— Так а жила-то?

— Жила-то, может, и есть, а золота нет — Харитонов, зять его, с Богом видно не того обхождения.

Павтор Павел Федотов, бывший геолог, краевед. Уроженец села Шемахи, *скрупулезно, пером архивиста и писателя исследует историю своей малой родины. Его очерки по истории Шемахи печатались в разные годы. Ныне пенсионер, живет в Екатеринбурге.*

Н. Серги. Лысяя гора на берегу пруда

—Колдун, может, был этот купец Расторгуев?

—То одному Богу ведомо... На заводах Кыштымских у Демидова золота тоже не было, а как Расторгуев их купил, и золото появилось. Теперь вон каждый год по пятьдесят пудов наследники его добывают...

—А у нас на Щемахе зачем золота нету?

—Так, видно, за недосугом Расторгуев-то сюда не приезжал, и места такого не показывал.

—А в Нязепетровском заводе — на Нязе реке?

—А тоже, поди, не бывал... Да и место, видно, здесь неудачливое. Еще мой дед мне сказывал, что как купец Петр Осокин в 747 году стал на Нязе завод строить, так все у него неудачи и неудачи... И плотину Нязя разорвала, и мельницу водой унесло... Медная руда нашлась, а потом скрылась. Мосоловы братья купили у Осокина завод. Это в 751 году. А уж в 760 году рассорились. Оставили на заводе брата Ивана Большого. И он... два года похозяйствовал, а в 762 году отдал завод купцу Якову Петрову. Пришел к Якову Емелька Пугачев и все разорил. Это уж я помню. Вот до чего неудачливое место.

—А потом?

—А потом уж дочь Якова Ирина Яковлевна, генерал-лейтенантша Хлебникова, заводом владела. Они дворяне были, в заводских-то делах не разумели. Ирина, купеческа дочь, вела дела-то... Мы ведь при ней вторую домну строили... А как Расторгуев купил наш завод Нязепетровский, другую-то домну приостановил. Потому как руда далеко, а в Кыштыме близко. Вот и стал он чугун-то плавить в Кыштыме, а в Нязепетровском и в Шемахинском железе делать. Теперь в Нязепетровском — двадцать семь молотов, а мы уезжали в Щемаху в 809 году, так там только восемь было...

Вообразил я ненароком эти разговоры и заинтересовался. Особенно «сказаниями» деда Семена. Пошел в архивы, библиотеки, и оказалось, что все правда, кроме, конечно, хитростей золотой жилы.

В Свердловском госархиве есть «Ландкард Дачам госпоз наследник Расторгуева». На этой карте земли, купленные Расторгуевым у Демидова и Хлебниковой в 1809 году, составляют неделимую площадь в восемь тысяч квадратных верст. Река Уфа от истока ее и до устья реки Серги (это 230 верст, протекала по

этой территории и работала на перевозке железа в Россию. Нет никакого сомнения в том, что Расторгуев покупал эти земли с уверенностью, что в пограничных с Миасской долиной площадях он будет добывать золото. Так оно и получилось — и дед Семен не ошибся — пятьдесят пудов в год давали Кыштымские прииски... (Ф. 24. Оп. 23. Д. 5170).

В деле 5170 около 350 листов бумаги. Кроме пяти прошений к царю, оно содержит много документов, сочиненных в уральском Горном правлении, в заводских Каслинской и Сергинской противоборствующих конторах, межевых конторах и прочих... даже в Сенате!

Например, исправник Каслинского завода Макар Ботышев рапортует в Уральское правление: «...Доверенные наследник Харитонов и Зотов меня не слушаюца, и хотя я оштрафовал Харитонова за порубку леса Шемахинским заводом в спорном участке по речке Кубе, рубка продолжаетца. 7 июня 1829 года». А Харитонов отписывается: «Представляю право наследникам Губина разбиратца в споре судебным порядком... П.Харитонов, март 1830 г.»

«В мае 1830 года на спорных землях собрались прикащик Сергинских заводов Сычев, поверенный Владимиров, прикащик Шемахинского завода Яков Савельев и лесосмотритель Назар Золотов, поверенный Каслинского завода Митрофанов, но к примирению не пришли... Обязательство о нерубке леса в спорных лесах шемахинцы подписать отказались...».

А за сим в Горное правление поступил рапорт из Сергинских заводов, что «Ше-

Остатки расторгуевской плотины и бывшей фабрики

махинский завод срубил 542 сосны, 274 березы, да нарублено и не увезено дров 96 сажен». Туда же пишет и исправник Каслинского завода Кожин: «...предписано мной на личную ответственность смотрителя Шемахинского завода Копылова... крестьяне самовольно накопили 1000 копен сена в спорном месте, а крестьяне Михайловского завода 465 копен, да в бесспорном 650... 5 сентября 1833 года».

Так дело тянулось с 1826 по 1835 год. И вот: «Правительствующий Сенат, рассмотрев спорное дело... предлагает Сергинско-Уфалейским заводам искать право на землю в уездном суде, оставя пока оную у того, кто владел ею до спора. С тем однако, что рубка леса воспрещается с обеих сторон до окончательного решения спора...».

Документы дела 5170 интересны и тем, что в них раскрываются более важные даты и события: «...но поколику оная Сорокинская Пристань с принадлежащею ей Шемахинскою дачею, равно как Кыштымские и Каслинский заводы дошли к Расторгуеву по купчей 1809 года от Демидова и в том же году вся та недвижимость заложена им Расторгуевым ему ж Демидову сроком на семь лет и несколько

месяцев, следовательно, выдача той купчей на Кубинскую землю была бы и тогда незаконной... и во-вторых, по Указу 30 декабря 1802 года никакое заводское мнение не переводится без дозволения Горного Правления... Заводы Расторгуева будучи в залоге у Демидова по 25 сентября 1825 года состояли под запрещением и наследницы вошли во владение не по одному наследию, но и по приобретению заводов от Демидова ценою покупки заводов, следовательно только от воли их зависит давать или не давать Губиным купчую на Кубинскую землю 3025 десятин»...

Таким образом, выясняется, что происшедшая в 1809

Часть плотины на Шемахе

году между Львом Расторгуевым и Петром Демидовым купля-продажа имела сложное пятнадцатилетнее продолжение. В купчей записано, что Демидов «получил» за заводы от Расторгуева деньги. Но оформлен и другой документ, по которому Расторгуев «получил» те же самые деньги от Демидова в кредит и под эти деньги заложил ему же те же самые заводы на семь лет и несколько месяцев, то есть до 1 января 1817 года.

Получив заводы в полное хозяйственное распоряжение, Расторгуев объединяет их производство с Нязепетровским и Шемахинским заводами — так, как объяснил выше пастух дед Семен. От этого Расторгуев получил новые прибыли. Кроме того, он открыл на землях Кыштымских заводов золотые прииски. Однако какие-то обоюдные интересы Демидова и Расторгуева побудили их к продлению залогового договора. Только в сентябре 1825 года уже наследники Расторгуева рассчитались по кредиту с Демидовым окончательно, и заводы перешли в полную их собственность. И только тогда, изыскивая пашни и сенокосы для крепостных Шемахинского завода, они обратились к землям Шемахинской дачи между речками Кильдой и Кубой, временно уступленным Губину еще в 1808 году при Петре Демидове, а затем и «самим Расторгуевым по миролюбивой записи, učinенной в 1809 году в декабре...».

Во время, в 1809 году, Шемахинские крепостные предпочитали арендовать земли рядом, за речкой Уфой, чем за 20 верст по речке Кубе, которая и впадает-то в чужой Михайловский пруд. А теперь, в 1825 году, когда на башкирские земли переселились из России «припущенники», когда они рядом построили деревни и села и стали претендовать на башкирские земли — настало время возвращать отданные ранее за ненадобностью кубинские земли.

Однако наследники Губина возвращать отказались и на основании «миролюбивой записки» потребовали от наследника Расторгуева выдать им безденежную купчую на эти 2025 десятин.

Как описано выше, эта тяжба, начатая в 1826 году, продолжалась по 1835 году, когда Правительствующий Сенат предложил Губину «искать право на землю в уездном суде».

В архивном деле документов по разбору спора в уездном суде нет. Чем окончился спор, нам не известно, а вот на современной карте «Оленьих Ручьев» граница между михайловскими и шемахинскими землями позволяет судить, что михайловские крестьяне отстояли тогда эту землю. Так уж видно Богу угодно, что земля должна принадлежать тому, кто первым на ней поселился и первым ее обработал.

Шемаха — Екатеринбург, сентябрь 1997 года.

БЕССЕЛЬ Людмила Александровна (в первом замужестве Коломийцева, во втором — Рубакина; 1875 — 1947), писательница и переводчица.

Происходит из нем. рода Бесселей, ее прадед был крупным математиком и астрономом, а двоюродные братья держали в России большой муз. магазин. Первым мужем Б. был проф.-метеоролог В.П.Коломийцев. На их даче в Крыму одно время жил Н.А.Рубакин. Они стали мужем и женой. С ним Б. прожила долгую согласную жизнь, взяв на себя весь его быт, хотя была замечат. пианисткой, знала языки. Девичьей фам. Бессель подписаны ее произведения: «Отрезвление» — в журн. «Истина», 1906. № 1-2; «Как я путешествовал по Абиссинии». М., 1912; пер. «Срединного царства» О.Реклю (изд. Гершунина); пер. «Принца-собачки» Лабуэл (изд. «Друг народа», 1906). В ОР РГБ хранятся «Дневник» Б. (Ф. 358. 370. 1 — 3) и «Дневниковые записки» (Ф. 358. 370. 4, 7), воспоминания о Л.Н.Толстом (Ф. 358. 370. 19) и Н.А.Рубакине (Ф. 358. 356. 16). О ней: Рубакин А. Рубакин (Лощан книжного моря). Серия ЖЗЛ. М., 1967 (портр.).

Масанов (Рубакина Л.А.); Воспоминания и дневники (Рубакина Л.А.)

БЕССОНОВА А.И.

В «Сборнике русских поэтов и поэтесс» (СПб., 1901) напеч. ее стихотв. «На кладбище» («Неприветливо смотрит зимою кладбище...»).

Голубева.

БЕСТУЖЕВА Елена Александровна (1792 — 1874), авт. воспоминаний.

Сестра декабристов Бестужевых. Жила с братьями на поселении в Селенгинске. Ее «Рассказы в записи М.И.Семевского» — В кн.: «Воспоминания Бестужевых». М. -Л., 1951, с. 400-417. «К биографии Ник. Александр. Бестужева» — В кн.: Сб. старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И.Щукина. Ч. 10. М., 1902, с. 286-288.

ИДРДВ. Т. 2. Т. 5. Ч. 2. Ук. им.

БЕСТУЖЕВА Софья Ивановна, женщина-врач.

Венгеров. Источ.

БЕТМАН Мария Артуровна (1892 — 1964), авт. дневника.

Библиотекарь, секретарь и зав. библиотекой Н.А.Рубакина в Лозанне, сотр. Междун. ин-та библиопсихологии (1919-1946). Б. составила библиографию трудов Рубакина, записывала его автобиогр. заметки, составляла отчеты Ин-та библиопсихологии. Как пишет сын Рубакина, некоторые свои последние работы Н.А.Рубакин подписывал вместе с Б. Ей же он завещал все свои архивы и авторские права.

«Дневник» (1922-1928; 1933-1937). — РГБ ОР, Ф. 358, 355. 1-3; 355. 4.

ВД. Указ. рук. (указ. имен); Рубакин А. «Рубакин: (Лощан книжного моря)». Серия ЖЗЛ. М., 1967.

БЕТХЕР С.

Пер. с англ. кн. «Разговоры матери с детьми о земле и воде». СПб., 1875.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

БЕЦКАЯ А., драматич. писательница.

Авт. неск. пьес: «Честность», драма в 4-х д.; «Прежде маменька», ком.; «Богатая невеста», ком. в 3-х д. (1858); «Соперница», ком.; «Банкрот» (1859); «Она была в Аскольдовой могиле», водевиль (1868).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

(Продолжение в следующем номере)

Паровая машина после Ползунова

200 лет назад главный начальник Екатеринбургского горного ведомства обер берг гауптман 4 класса и кавалер Иван Филиппович Герман принял решение построить на Екатеринбургских заводах первую паровую машину.

Сначала паровые машины стали применяться в горнозаводской промышленности. Это было вызвано тяжелыми условиями труда на рудниках. К этому времени многие рудники на Урале достигли глубины 50 сажен (106 м.). Поднимать руду и откачивать воду с такой глубины было непосильным трудом даже для лошадей. Например, начальник казенных Богословских заводов Павел Егорович Томилов сообщает в Государственную Берг-коллегию (в 1804 г.), что «... штатом 1792 года ...положено при здешних казенных рудниках иметь для подъема из гор руд и пород и отливу воды 325 лошадей», но и они не смогли справиться с работой.

В России первую модель паровой машины изобрел уроженец Екатеринбургской механики Барнаульского завода унтершхтмейстер Иван Иванович Ползунов. Он построил ее на Барнаульском заводе в 1766 г. Машина была экспериментальной и, естественно, получилась сложной и громоздкой, требовала дальнейшего совершенствования, но после смерти Ползунова продолжить его дело никто не решился. Машина была заброшена и в дальнейшем изготовление паровых машин поручалось только иностранным специалистам.

Предложение о создании паровых машин на казенных заводах Урала тоже исходило от Томилова. Он в 1804 г. обращается в Государственную Берг-коллегию и просит принять решение об установке четырех паровых машин на Турьинских рудниках Богословского завода. Берг- коллегия поддержала предложение Томилова, но не нашла достойного механика.

В это же самое время (в 1805г.) в Берг-колле-

гию обратился иностранный специалист Фридрих Иберфельд с просьбой принять его на должность механика в горное производство. У него спросили: «Может ли он построить паровую машину?» Иберфельд письменно заверил: «Я обязуюсь устроить машину, которая будет действовать силой против 60—70 лошадей, или иметь действие давлением от 60 до 70 000 фунтов».

Иберфельда послали на екатеринбургские заводы. Главный начальник горного ведомства И.Ф.Герман поручил ему сделать хотя и небольшую огнедействующую машину, но чтобы она работала не на угле и не на дровах, а на торфе.

Сделать паровую машину в установленные сроки было нелегко. Для ее изготовления не имелось никаких станков. Обработка деталей машины нуждалась в особой точности. Заготовки из чугуна также требовали высокого качества. Отдельные из них приходилось отливать по нескольку раз. Для всего этого нужны были не только большое количество разнорабочих, но и специалисты высокого класса.

В начале 1808 г. Пермское горное Правление потребовало у начальника Екатеринбургских горных заводов Германа, чтобы он сообщил о состоянии дел по изготовлению Иберфельдом огненной паровой машины. На запрос ответили: «Иберфельд такую машину хотя при рудниках золотых промыслов устроил, но по разным в ней поправкам пушения в действие не учинено».

Иберфельду на доработку машины было предоставлено необходимое время. Но и по окончании этого срока машина не была запущена. Иберфельд вновь и вновь просил отсрочки, аргументируя ее всевозможными причинами. Несмотря на выполнение всех требований Иберфельда, он вновь не смог запустить машину до января 1811 г.

Наконец, начальнику горных заводов надо-

Василий Ищенко, главный технолог ОАО «Уралэлектромонтаж», краевед. Постоянный автор журнала. Научное направление его статей и очерков — горнозаводская деятельность на Северном Урале в XV—XVIII веках. Живет в Екатеринбурге.

ела история с пуском паровой машины, и он, получив в очередной раз рапорт от Березовской конторы с сообщением, что Иберфельдом работа не закончена, решает вызвать специалистов для обследования дел.

Ознакомясь с машиной, они вынесли решение, что она не может быть запущена в работу из-за оседания шахты. И отметили, что поскольку уже потрачено на машину 9763 руб., то не имеет смысла останавливать работу. Учитывая мнение комиссии, начальник горных заводов дал следующее указание: «снабдить его в последний раз всеми потребностями, чтобы он не мог бы далее отзываться какими либо препятствиями в не окончании начатого дела».

К назначенному сроку машина Иберфельда вновь не была запущена. Найти какие-то причины, чтобы оправдать задержку, было уже невозможно. Сложившуюся ситуацию прекрасно понимал Иберфельд и сам себе вынес приговор. Екатеринбургская Управа объявила, что «Иберфельд 4 октября, катаясь по здешнему заводскому пруду в небольшой лодке, вывернулся, и потонул».

Так печально закончилась попытка создать паровую машину на екатеринбургских заводах.

Для доработки машины пригласили англичанина Меджера, но он, осмотрев машину, отказался, ссылаясь на конструктивные отличия машины Иберфельда и его.

Тогда ему предложили построить четыре свои паровые машины для измельчения золотосодержащего кварца и установить их на фабриках: Александровской, Березовской, Ключевской и Первопавловской. Он запросил за эти машины 30 тыс. руб., но сказал, что может сделать их и за 15 тыс. руб., если казна заключит с ним контракт на

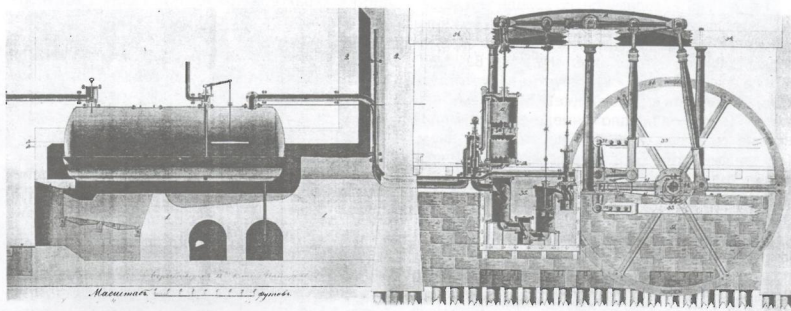
5 лет и уступит все вещи, принадлежащие к машине покойного Иберфельда. Казна согласилась на такие условия, и Меджер становится механиком заводов хребта Уральского.

Паровые машины Меджер построил, как и обещал, в названные сроки. Им же было построено несколько паровых машин и на Турьинских рудниках.

Работа Меджера на Березовских золотых рудниках совпала с началом открытия Брусициным золотоносных песков и разработки прогрессивной технологии по их промывке. Золотая лихорадка увлекла и Меджера. Он в 1721 г. откупает участок с золотоносными песками в окрестностях Екатеринбурга и уходит со своей должности. С этого времени он посвящает себя частному предпринимательству. Для промывки песков он создал промывательную машину, которая вошла в историю золотодобывающей промышленности как машина Меджера.

После его ухода механиком был поставлен Петр Тет. Он был хорошим специалистом по паровым машинам и пользовался авторитетом у горного начальства. Он заменил многие паровые машины, установленные Меджером, так как считал их малоэффективными. Он предложил также сделать чугунную дорогу для вывоза руды из шахты, но начальник Богословских заводов отказался, посчитав ее строительством преждевременным.

Появление паровых машин на Урале стало огромным событием. Паровые машины совершили технический переворот в машиностроении. Благодаря им, появились высококлассные специалисты, которые, в свою очередь, воспитали в заводских школах и училищах целую плеяду специалистов, изобретателей и ученых.

План паровой машины первой половины XIX века (ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1650. Л.3.)

Наталья ВАСИНА,
турклуб «Уралмаш»

АДУЙСКИЙ ЭКСТРИМ-2, или Очень личные впечатления (май 2006)

*Не страшно потерять умение удивлять,
Страшнее потерять умение удивляться.
А. Городницкий*

Дороги, которые мы выбираем

Раннее утро — солнечное, но холодное и ветреное. В троллейбусе интеллигентного вида мужчина интересуется: «Вы выходите?» И, оглядев мой походный «прикид», уговаривает: «Ну, зачем Вам туда? Там же очень холодно!» Реагирую не задумываясь: «Что, будем жить в троллейбусе?» Мысль ему нравится. «Неплохое предложение, стоит подумать!» Но мне-то думать над этим некогда и незачем. Соскакиваю с подножки, а в голове звучит: «На неделю, до второго я уеду в Комарово!» Нет, всего на 4 дня на прославившийся после прошлого года экстрима Адуй.¹

На сей раз нас восемь — пятеро мужчин, три женщины. Из тех, кто выжил и выстоял в прошлом году, трое — командир, Серёжа Панов и я. И нам троим, и всем остальным либо чего-то не хватает в обыденной повседневности — приключений с риском для жизни, здравого смысла, само- и взаимопроверок,

либо в характере что-то присутствует в избытке — авантюризм, любовь к очень дикой природе, «охота к перемене мест». В общем, «добровольный крест» предполагает кого-нибудь или что-нибудь победить (каждому — своё), преодолеть в этом году судьбу и капризную речку и снова убедиться в том, что мы — команда.

Планы и факты

Пока в поселке Мостовское Николай Иванович, Лёня и Вадим ищут потерявшуюся в сельской глубинке дорогу, а Володя с Сергеем под тентом в кузове «Газели» ведут себя подозрительно (поскольку свидетелей нет, действует презумпция невиновности), мы с Таней и Тamarой начинаем отмечать на очень свежем воздухе Международный день танца. Это согревает, и до конечной точки автопробега доезжаем, не замерзнув. Снимаю на камеру отправление шестерых участников с грузом до реки. Руки почему-то дрожат. Не иначе, от радости.

¹ См. УС №4'2006.

Командир в недоумении: почему байдарка такая лёгкая? Неужели что-нибудь забыл? Впрочем, общеизвестно, что такой груз тяжелеет с каждой новой сотней пройденных метров. С «Кассандрой» (название флагаманского судна), конечно же, всё в порядке. Проблему, как всегда, «не ждали». Немая сцена у реки: Вадим и Лёня молча смотрят друг на друга, стоя над полусобранной «клубовской» байдаркой. Я даже на миг закрываю глаза от ужаса: каркас от «двойки», а «шкура» — от «тройки»! Чистосердечные признания своей вины половины группы положения, конечно, не спасают, и все взоры обращены на командира. Вадим, похоже, уже мысленно прикидывает, как отсюда добираться домой. Нет, не может быть, чтобы Николай Иванович не нашёл выхода. И решение принято: «шкура» должна быть ушита и проклеена. В полевых условиях положительный результат — довольно приличный — достигается за 3 часа.

Смотрю на свою байдарку, на которой пойдут Володя с Таней. Её старое название что-то не вдохновляет. Пора дать новое имя и этим привлечь удачу и милости природы. Очень кстати вспоминаю капитана Врунгеля: «Как вы судно назовете, так оно и поплывет!». Значит, теперь это будет «Эльф» — быстрый, ловкий и красивый. Ну просто сплошная романтика!

Старт в седьмом часу вечера. Сразу попадаем во власть памятных с прошлого года крутых виражей реки. Однако воды сейчас явно больше и течение быстрее. Берега практически нет. Узкие перешейки между петлями можно кое-где пройти прямо по траве, но пока не стоит испытывать судьбу. Многочисленные повороты крайне медленно приближают

необходимый для ночёвки высокий берег. А вот и любимые черёмуховые заросли с западнёй, где год назад были получены незабываемые впечатления. Тот же ствол под водой не даёт прохода. Так же выбираемся на левый берег по заросшей кустами глубокой заводи.

Командир отправляется на помощь двум экипажам, затерявшимся в лабиринте стволов и веток, а я, пока есть время, снимаю спасработы на видео. Лёня и Вадим с очень важным видом шествуют по берегу: то ли играют роль спасателей из МЧС, то ли уже решили поменять способ передвижения. Через 20 минут вёсла снова мелькают и блещат на заходящем солнце. «Расчёски» и повороты пока не сильно тревожат, или это сказывается прошлогодний опыт? Место первой ночёвки тоже памятно: вот сохранившиеся дрова, вот поваленное дерево, которое сразу обрастает предметами походного снаряжения.

Сегодняшний план прохождения, конечно, не выполнен, но, как говорится, если хочешь насмешить Господа Бога, расскажи ему о своих планах. Ничего, прорвёмся.

Ужин. После «танцев» на воде танец живота у нас как-то не получается, хотя мужчины и высказывали свою просьбу неоднократно. Но зато очень душевно поём под Ленину гитару. Ясное, звёздное небо предвещает заморозок. Впрочем, я провожу ночь под защитой двух мужчин, в тепле. Чего ещё в этой жизни желать? Похоже, нечего, поэтому сплю без снов.

Подарки на день рождения

С утра — солнце, молочная каша и замёрзшие байдарки. Пытаюсь хоть немного очистить «Кас-

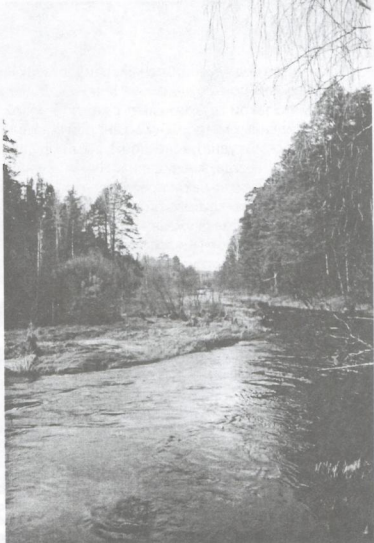
сандру» от примерзших внутри черёмуховых веток. Получается плохо. Вадим добровольно открывает купальный сезон, а Лёня, не иначе в честь своего праздника — дня рождения — следует его примеру. «Не к добру всё это». Мысль мелькает и тут же пропадает.

Отчаливаем, и тут же начинается весёлый слалом. Приток справа добавляет воды. Скучать и расслабляться некогда. Возросшая скорость, резкие повороты, кусты и «расчёски», вода сверкает на солнце, и руки работают, как полагаются. Получаю удовольствие от всего сразу.

Перед очередным крутым поворотом левая часть реки перегороджена упавшим деревом, а за ним вдоль струи лежит второй ствол. Узкий проход справа с нависающими ветками черёмухи — не смертельно!.. А где же все? Ждём, недоумевая: ведь никаких страшных препятствий пока не встретилось. Командир уходит выяснять обстановку, а я провожу видеосъёмку этого дикого берега, уже всерьёз беспокоясь. Наконец, слышу голоса. Недалеко от меня Лёня и Вадим выбирают из паутины веток и, пролетая мимо, делают залихватский вид — «держат фасон». Ну, ещё бы, ведь после добровольного купания последовало принудительное. Сергей с Тамарой тоже прошли водное крещение и, похоже, более серьёзное. Тамарины весенние купания, видимо, превращаются в обычай и традицию. Следующий поворот, к сожалению, предоставляет очередной тому доказательство. Их байдарка влетает по струе прямо в корягу (Да! Сейчас уже поздно работать веслом!). Судно медленно погружается. Тамара быстро вылезает на берег — приобретенный навык налицо! Сергей по грудь в воде держит байдарку, которая куда уже не денется. Ловим рюкзаки, кричим, чтобы вылезал, он как-то не сразу реагирует и сначала хватается за борт нашего судна. Видимо, для полного счастья группе не хватает ещё одного оверкиля! Но мы предпочитаем остаться сухими.

Следующий час уходит на вытаскивание многострадальной байдарки. Вспоминаю из детства: «Ох, и трудная эта работа — из болота тащить бегемота!» Мужчины занимаются этим по-деловому и так спокойно, словно подобное происходит ежедневно. Испробовано несколько способов. Наконец, их усилия имеют успех, в чём женская часть группы и не сомневалась. Наука, техника плюс человеческий фактор одерживают победу.

Этап № 2 — «искусство кройки и шитья», а также заклеивания пробоин — почему-то двух. Вещи за это время почти высыхают на ветру и солнце, исключение составляет лишь Тамарин спальник. Между делом обедаем. Командир говорит мало, зато, похоже, много думает и объявляет решение: смена экипажей. Тамара переходит на «Кассандру», Вадим — в байдарку Сергея, а мы с Лёней составляем, как скоро выясняется, довольно сильный экипаж. Вторыми должны идти Вадим с Серёжей, но мы их всё время обгоняем, в основном — на препятствиях,

и порядок следования устанавливается сам собой, путём естественного отбора.

Далее почти до 22 часов происходит то, чему Тanya находит классное определение — «кустотерапия». Кроме этого вида лечения, лежащие в воде деревья и невидимые камни шивер обеспечивают шокотерапию. Где-то лишь задеваем камни, один раз садимся. Лёня вылезает, я изо всех сил отталкиваю веслом. В целом, получается неплохо. Лишь бы байдарка не получила повреждений. С опозданием на сутки вспоминаю: у неё нет имени, но подобрать его к этому комбинированному чуду не могу. Шиверы пройдены благополучно, а вот кустотерапия и не думает прекращаться.

Наступает вечер. Очень хочется, наконец, отметить Лёнин праздник и вообще отдохнуть. Сегодня вечером по плану кордон, встреча с егерем Сергеем, но — увы! Вероятнее всего, мы будем там лишь завтра после обеда. Тыфу-тыфу, не спазить, ведь любимое занятие Адюя — преподнести сюрпризы и «подарки». Лёне сегодня явно везёт на дары природы.

Самые неожиданные препятствия река прибегает на последний час перед ночёвкой. Командир собирает всех у поворота на 90° и объясняет тактику прохождения короткого, но сложного участка с сильной струей через кусты, подтопленными деревьями, стволом посередине реки и узким проходом на повороте. Максимально отводим байдарки назад, чтобы оставалась возможность сманеврировать. Ура! Мы победили!

Дальше — петли в зарослях черемухи. Пытаемся

немного провести байдарку с правого берега. Где-то посередине этого заросшего, заваленного стволами вдоль и поперёк болота, в паутине веток мне кажется, что силы на исходе. Странно, что одновременно ощущаю полное удовлетворение тем, что вижу кругом, в целом, и собой – в частности. Не уверена, что коллеги чувствуют то же, но мне всё это по-настоящему нравится!

Впрочем, приятное удивление собой недолговечно. Вглядываясь с берега в сумрак под ветвями, куда уносится вода, и становится не по себе. Что там, за поворотом? Может, обнесём? Но командир уже в байдарке. Вадим, тоже успевший сбегать на разведку, рассказывает какие-то ужасы. Их экипаж, боясь за своё несчастное судно (или ещё чего-нибудь боясь), просит разрешения на обнос и получает его.

Делаю глубокий вдох, чтобы преодолеть откуда-то взявшийся страх. В этот критический момент Лёня негромко, но очень убедительно говорит мне: «Наташа, у нас получится». Конечно, какие в этом могут быть сомнения? Очень вовремя просыпается самолюбие.

На втором повороте на 90° сильная струя бьёт прямо в корягу. Силы победить течение не хватает. Чуть назад, и ещё раз! Лёня кричит: «Давай! Давай!» И снова – нет. Собираем последние силы и решаем: сейчас или никогда. Несколько мгновений на пределе... Да! Мы это сделали! Ужасно горжусь нами, наверное, чересчур, но очень хочется. И очень

благодарна Лёне за его уверенность и понимание. У Володи с Таней тоже все в порядке.

А теперь – быстрее! Костёр, палатки, праздничный стол с множеством вкусностей и, конечно, подарки виновнику торжества. Впрочем, мне кажется, что весь сегодняшний, до предела насыщенный день – своего рода подарок от жизни не только по количеству событий и препятствий, но и по конечному результату. А результат зависел только от нас.

Вывод № 1: подарки себе мы делаем сами.

Вывод № 2: Адуя явно начинает нас уважать.

«Непроходимость»

9 утра. Солнце, почти тепло, и вообще хочется жить. «Как у нас сегодня с кустотерапией? Продолжится?». Это Таня морально готовится к предстоящему дню. «Нет, сегодня будут другие методы лечения». Это командир ненавязчиво дает понять: будьте готовы ко всему сразу.

Ну что ж, с утра байдарки вполне удачно вписываются в крутые повороты, минуя ветки и коряги. Пару раз приходится приостанавливаться и лавировать между подтопленными деревьями. Необходимость «ювелирной работы» заставляет чувствовать малейшие нюансы в движении судна. Чалимся вслед за «Кассандрой», делаем обнос по так называемому берегу, где явно не ступала ничья нога. Дальше, следуя руководящим указаниям, быстро, но максимально аккуратно проходим вдоль правого берега, прямо под ветвями огромной ели. Сергей с Вадимом зачем-то пытаются обойти препятствия с другой стороны, где вообще нет прохода. Вот суть человеческой природы – человеку всегда мало того, что есть!

Длинный обнос – такой же, как и год назад – сопровождается выразительными репликами вслух (и наверняка ещё более выразительными про себя). Кое-кто подозрительно молчит. У Тани нет слов – одни чувства, «большие и глубокие». Я же думаю, что они с Володей – просто молодцы! Ну вот, наконец, и они – знаменитые Адуйские завалы, один за другим. Начинается процесс преодоления. Командир показывает, как это надо делать. Снимаю «классику жанра» на видео, удерживая от комментариев просто невозможно – красиво и быстро, ни одного лишнего движения. У остальных процесс выглядит менее эстетично и занимает больше времени, но результат всё же положительный.

После каскада завалов проходим удивительно спокойный участок – почти нет ни «расчёсок», ни ствол в воде, главные повороты – даже скучно! Прямо с байдарки провожу съёмку этого крайне редкого явления здешней природы. Перед обедом – «аперитив» для пробуждения аппетита: байдарка выполняет «змейку» между стоящими в воде деревьями. По-моему, получается исключительно грациозно, жаль, что никто не видит.

После обеда – ещё несколько знакомых завалов. Где-то тут, на дне, недалеко от кордона, покоится

топор, утонувший в прошлом году. Полузатопленный ствол экипаж командира преодолевает быстро и как-то чересчур легко. У нас так не получается. Обидно! Сначала не могу сообразить, почему, потом понимаю: наша якобы двухместная байдарка неполноценна. До сих пор замечать это не было времени. Лёня берёт все проблемы в прямом и в переносном смысле на себя — то есть вылезает на бревно и потихонечку толкает байдарку вперед. Мучаюсь от сознания собственного бессилия, но помочь ничем не могу. За нами — Вадим с Сергеем. «Как вы тут прошли?» Мы особо не комментируем, предоставляя им возможность самим решать проблемы.

Метров через 30 требуется ювелирная точность, чтобы вписаться в узкий проход между стволом в воде и берегом, у которого что-то торчит из воды. Не хватает 2 мм. Пытаемся повернуть нос. Удаётся не с первого раза. Байдарка очень точно проходит... кормой вперед. А там, впереди, кусты и «расчёски». Лёня немедленно реагирует, поворачиваясь лицом по ходу движения.

Вот и кусты позади, следует моментальный разворот на пятачке свободного пространства. Ай да мы! Настоящий брейк-данс на воде (автор определения — Л. Шорох)!

100 метров до кордона идём минут 40, так как преодолеваем два завала — один бывший, другой свеженький. Новый завал — это толстая, мощная ель. Командир уже успел обрубить на ней сучья у самого берега. Фотографируемся, стоя на дереве почти посередине реки, пока ждём третий и четвертый экипажи. При перетаскивании «Эльфа» Володя почему-то решает окунуться, или это кто-то решил за него?.. Судьба!

Кордон, 16.20. Командир предупреждает: «На всё только полчаса!» За эти полчаса, а, точнее, 45 минут, происходит следующее:

1. Собака Манька успевает стащить колбасу, по-глупому оставленную в пакете на земле, и своим — собачьим — способом недвусмысленно даёт понять, что это — её добыча.

2. Радужный хозяин Серёжа с братом, а с ними директор минералогического заказника Сергей Леонидович угощают чудьей икрой: полная миска крупных янтарных шариков, масло и белый хлеб (красная икра не выдерживает никакого сравнения с этим супер-угощением).

3. Отмечаем встречу, вручаем подарки — юбилейный выпуск нашего альманаха, книгу о туризме на Уралмаше и, конечно, юбилейные значки. Получаем ответный подарок — книгу о самоцветных богатствах Адуя.

4. Фотографируемся.

5. Прощаемся.

Жаль, конечно, что времени так мало. В план входили и баня, и долгое общение, но... Суровая действительность загоняет в жёсткие временные рамки. «Газель», напрасно ждущая группу недалеко от г. Реж — это мы уже проходили в прошлом году. Вперёд!

А впереди — обещанный егерем ельник с завалами. Очередная «непродоходимость» (автор определения — Т. Ларионова). Но кругом так красиво, что ставшие привычными действия — чалимся-вылезаем-вытаскиваем рюкзаки-переносим-грузимся — не так уж и тяжелы. Вот и Леня сетует на то, что завалов так мало, сегодня это всего лишь десятый по счёту.

Нашу байдарку переносят и ставят кормой вперёд, а дальше — узкий проход между лежащим деревом и берегом. Мы даже внимания на это не обращаем. «Ну и что, мы и так можем, уже привыкли», — говорит Лёня. Брейк-данс дубль два! Чётко и тоже без лишнего движений и усилий.

За ельником русло прямое. Удивительно тихо, если не считать всплесков от плывающих в воду бобров.

Да ещё огромная, кажущаяся толстой из-за перьев сова прямо перед нами неторопливо перелетает на правый берег. Чёткие отражения в воде деревьев, облаков... Зачарованные, мы завидуем сами себе. На «технической» остановке фотографируем. Заходящее солнце золотом обливает лес на противоположном берегу.

Начинаются горки. На правом берегу видим машину, костёр, потом большую избу. А дальше — что это? Так похоже на Шайтан эту скальная стена, что мы просто теряемся. Шайтан — камень в 8 км. ниже впадения Адюя в Реж, но мы ведь ещё не на Реже. На карте скалы не обозначены, говорит Николай Иванович. Вадим же сообщает, что это, скорее всего, Адюйский камень, а значит, до слияния приблизительно 2 км. Встаём на ночевку около 22 ч. перед шиверой.

Володя, Лёня и Сергей долго колдуют с напитками, составляют уравнения, производят в уме сложные математические расчеты, используя кружку термоса, убегают от костра и появляются снова. Можно чуть расслабиться, но завтра марафонскую дистанцию мы должны преодолеть до 17:00. А гитара, а песни? Жертвуем часом сна, потому что куда мы завтра денемся «с подводной лодки»? Дойдём, тем более, что вся «непроходимость» осталась позади.

Марафон

Подъём в 5:30, выход в 7:15. Переживаю, что не помогаю дежурным Тане и Володе, и Тане приходится тяжело, ведь время на завтрак и сборы ограничено. Но движения моих рук с утра напоминают замедленную съёмку. Тут не до уговоров, поэтому беседуя с собой в жесткой форме. Не успеваю переключиться и в той же форме реагирую на попытку Вадима нам помочь — сдвинуть байдарку с берега. Нос судна специально направлен точно по струе для прохождения шиверы справа, поэтому ничего менять не надо. «Съезжаем с горки» в своё удовольствие. И вот он — Реж. «Спасибо тебе, Адюй», — говорю мысленно. За науку, за уроки, за то, что позволил пройти.

Широко и медленно, слишком медленно движется вода. Через пару километров понимаю, что в таком режиме долго не выдержу: так называемая «двойка» со всеми своими недостатками на этой воде требует мужской силы. Надо меняться, хотя и не очень хочется. На первой же остановке Вадим возвращается к Лёне, а я сажусь в байдарку Сергея. Такое исключительное разнообразие за 4 дня — впервые. Приобретаю дополнительный опыт, тем более, что каждые полчаса приходится приставать к берегу: байдарка немилосердно течёт. Всё-таки вне своего «Эльфа» чувствую дискомфорт и не могу приспособиться к манере грести Серёжи Панова. Впрочем, проблем пока нет, можно поболтать, посмотреть по сторонам. Руки работают «на автомате». Лёне с Вадимом приходится нелегко. Только теперь, со стороны, я вижу, как тяжело движется безымянная «тройка-двойка», нет даже минимального дифферента на корму, не говоря уже о необходимом.

Узнаём знакомые места. Здесь два года назад Юра Елькин плавал на лдыне с риском — нет, не для жизни, а скорей, для «репутации». Поворот и шиверу у деревни Галанино проходим благополучно. А вот здесь мы тогда обедали и катались по струе, развивая максимальную скорость. Короче, за воспоминаниями теряем бдительность. Командирская байдарка уходит по левой струе, и Николай Иванович показывает, что надо идти за ним, но нас почему-то тянет вправо как магнитом. Налетаем на камень в самом центре. Байдарку моментально разворачивает поперёк, и она угрожающе быстро клонится влево. В голове мелькает: «Кильнуть здесь, на Реже? Какой позор, какой стыд!» Доли секунды мне хватает, чтобы буквально лечь на правый борт. Не могу видеть, что там делает Серёжа, но секунд через 20 мы снова в порядке. Перевожу дух и радуюсь выстроте реакции. Кое в чём мы ещё сильные. Только вот надо быть внимательнее — ишь, расслабились не ко времени! «Если хочешь быть первым — не спи за рулем...».

А дальше — работа, работа... Обед — в красивом месте у притока. Не торопимся, потому что уже ясно: успеем не только дойти вовремя, но даже дать байдаркам поддохнуть и спокойно собраться. После обеда тяжело приходится всем. Реж здесь широк, чувствуется подпор пруда. Дует сильный ветер, разворачивая байдарки. Вёсла не опускаем, отдохнуть не время. Уходим к правому берегу. Вода в байдарке накапливается всё быстрее. Наконец, вот он — лагерь на берегу. В 15:00 40-километровая дистанция закончена. Ура, товарищи! Финиш.

Герои и награды

Разгрузка, разборка, сушка, упаковка, максимальное приближение своей внешности к нормам цивилизации — то есть выполняется обычный ритуал конца похода. Пытаюсь взять интервью у участников. Кто хочет, тот высказывается коротко, но выразительно. Особенно впечатляюще звучит Серёжино «Ух!» А Танины слова: «Жаль, что так хорошо всё кончилось» — нравятся мне больше всего, потому что на самом деле означают, что всё хорошее быстро кончается.

В общем, кто хотел приключений, впечатлений и острых ощущений, тот их получил. Кто хотел отвлечься от повседневности, явно и абсолютно отвлёкся. Часть группы, кажется, даже не против пройти по этой уникальной речке ещё раз, усвоив дополнительные уроки второго сплава. Но главное, конечно, то, что мы победили. По этому поводу на торжественном построении командир поздравляет группу и вручает всем медали «Адюй-2006» — некая-нибудь штамповка, а художественная работа по заказу Вадима. «Как в «Горячем снеге» — «Всё, что могу», — комментирует Лёня. Все счастливы.

17:00 — погрузка в «Газель». «В суету городов и в потоки машин возвращаемся мы — просто некуда деться...» Дорога уходит вдале. Впереди — лето.

Николай ЕРОХИН,
фото Виктора БАЙДУКОВА

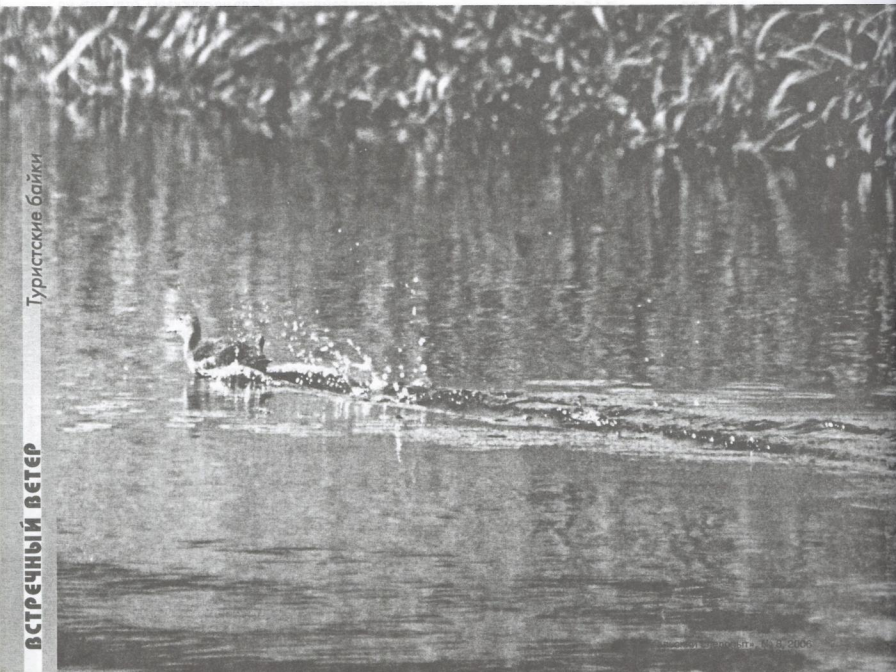
Глас с неба

(байка от Геннадьича)

Река Хадыта в своих низовьях петляла так сильно, что зачастую перешеек между смежными участками многокилометрового разомкнутого кольца реки составлял всего несколько десятков метров. Обрывы здесь были невысокими, из-за чего не содержали ни зубов древних грызунов, ни ископаемой древесины — словом, ничего, что смогло бы заинтересовать нас как палеонтологов. Дичи тоже было немного. Лишь редкие утки вносили хоть какое-то разнообразие в наш оскудевший к концу экспедиции рацион. Поэтому мы очень редко покидали наши лодки, спеша поскорей добраться до фактории, и делали

исключения только ради многослойных, как пирог, высоких берегов, в надежде добыть мелькнувшего на горизонте зайца.

Выплывая из-за очередного поворота, мы обнаружили на воде одинокую утку. Наш караван возглавляла флагманская пятиместка Васильича, которому в очередной раз представился случай блеснуть перед девчужками. Ещё бы: позади два полевых сезона в тундре, и число подстреленных и съеденных зверюшек давно перевалило за сотню. Поэтому с ленцой, как бы нехотя, Васильич прямо из лодки небрежным жестом вскинул своё пожарное

ружьё, не забыв крепко прижать приклад к плечу, и, почти не целясь, выпалил в утку.

Птица затрепыхалась среди взрытой дробью глади воды. Изящным коротким движением Васильич положил оружие обратно на грудку вещей и обернулся к нам, желая насладиться произведённым эффектом. Однако на лицах девушек вместо почтительного восхищения читалось насмешливое любопытство, поскольку подранок, придя в себя после шока, теперь бодро загребал лапками, направляясь подальше от охотника.

Обнаружив сей досадный факт, Васильич торпливо схватил ружьё и послал в удирающую утку заряд из второго ствола. Та и не подумала остановиться, а ускорила бегство, помогая себе и перебитым, и здоровым крылом. Чертыхнувшись, Васильич быстро перезарядил ружьё, уже несколько не заботясь, чтобы со стороны это выглядело красиво. «Ба-бах! Ба-бах!» — прозвучали один за другим ещё два выстрела, но утка упорно цеплялась за жизнь. Лишь пятый выстрел утихомирил беспокойную птицу, окончательно утвердив ей судьбу стать нашим ужином.

С виноватой миной, дескать, не получилось с первого выстрела, Васильич повернулся к нам и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но был пере-

бит исходящим прямо с неба громовым голосом: «Побереги патроны!». Все мы остолбенели на пару секунд, а затем осторожно закрутили головами в поисках автора совета. Напрасно: вокруг, насколько хватало взгляда, простиралась ровная безжизненная тундра. С опаской посмотрев вверх, мы тоже никого не обнаружили — небо было затянуто низкой серой пеленой облаков.

Дальше плыли молча. Лишь всплески погружаемых в воду вёсел нарушали гробовую тишину. Я сообразил быстрее, в чём дело. Достал карту... Так и есть — всего в сорока метрах на восток от нас за невысоким плакором Хадьта текла в другую сторону. Протяжённость меандра была километра два. Хихикнув про себя, я ничего не сказал о своей догадке. Только через полчаса Васильич, хлопнув себя по лбу, направил свою лодку к моей и, поравнявшись, негромко спросил: «Слушай, Геннадич, посмотри-ка по карте, не было ли там поблизости другого берега?».

Эту петлю мы одолели часа за два. Когда подплыли к берегу, отделённому от места нашего стрельбища полусотней метров, обнаружили покачивающуюся на воде моторку. Невдалеке наши коллеги с фактории снимали ловушки, собрав богатый урожай леммингов...

ЧИТАЙТЕ В СЕНТЯБРЕ:

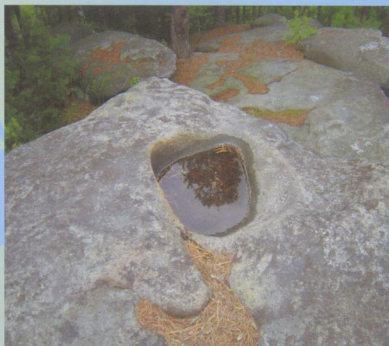
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Рассказ профессионального водолаза о ямах-донниках. Оказывается, ям таких на наших реках — не счесть. И многие из них находятся на учете у водолазов. У Олега Тихоновича имелась рукописная карта этих ловушек с их точными обмерами. Одна из ям в свое время была обнаружена у бывшего деревянного моста через Туру. Овчинников как-то пытался в нее спуститься в поисках утонувшего человека. Но спуск продолжался только до 18 метров. Уйти на большую глубину помешал набившийся в яму плавник, которого, как выразился водолаз, был целый «костер». Позднее при замере электрологом удалось установить, что глубина воронки — 28 метров!

РЕКА ВРЕМЕНИ

От Геродота дошли до нас косвенные сведения о том, что в VII—VI веках до н.э. мыслитель античного мира Аристей Проконнесский совершил путешествие на север от Скифии в страну исседонов. Ученые высказали предположение, что исседоны жили в Среднем Предуралье или на Среднем Урале. Были даже попытки отождествить название реки Исеть с названием якобы обитавшего на ней племени исседонов.

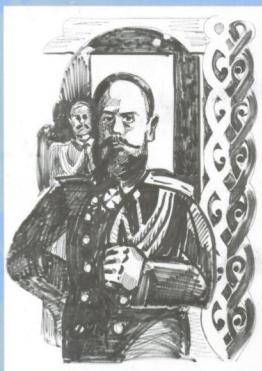
В турклубе Уральского института туризма возникла идея создания культурно-познавательного маршрута «По следам исседонов».

АЭЛИТА

Читать учебники истории гораздо интереснее, чем детективные романы. В детективе к последней странице всегда становится ясно: что случилось, почему случилось, кто всё это натворил. А в учебнике с каждой прочитанной страницей загадок лишь добавляется. Вот, например, в 1380 году на Куликовом поле Дмитрий Донской со своими дружинами разбил орду Мамаю. Казалось бы — всё понятно. Но затем узнаёшь, что был Мамай темником, поднявшим мятеж против законного хана, и всё запутывается. И так — всегда. Но самый главный вопрос, который при этом не дает покоя, а что было бы, если бы...

Что было бы, если бы не удался мятеж против царя, известного нам как Лжедмитрий I? Может, именно реформы царя, прорубившего окно в Европу, изучали бы мы сегодня, и веком раньше в России возник бы первый университет?

Хочешь двинуться — ищи попутчика!